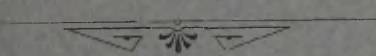

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ VIII.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1905.

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ VIII.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1905.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1903—1904 г.	
I. Засѣданія Общества	VII
II. Совѣтъ Общества	XII
III. Касса Общества	XIII
IV. Смѣта на 1903—1904 г.	XIV
V. Протоколъ ревизіонной комиссіи	XV
VI. Заключение Совѣта по поводу протокола ревизіон- ной комиссіи	XVI
VII. Отчетъ о состояніи бібліотеки Общества	XVI
VIII. Списокъ членовъ Общества	XVIII
IX. Совѣтъ Общества на 1903—1904 г.	XXII

Отдѣлъ научный.

1. Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки	1—60
2. И. И. Дависъ. Народныя школы въ Германіи	61—148
3. И. С. Проданъ. Психологія внутренняго опыта, какъ основа философскихъ наукъ	149—222
4. М. Е. Красноженъ. Любопытные вопросы древне- церковной практики	223—239

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1903—1904 годъ.

I. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ седьмомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, 3 закрытыхъ и 10 открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ засѣданіи, 26 мая 1903 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1902—1903 годъ, а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: С. К. Богушевскаго, Н. Я. Киприановича, А. Н. Ясинскаго, при чемъ было постановлено утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1903—1904 годъ, составленную Казначеемъ Общества.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1903—1904 г., и выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя — В. К. Мальмбергъ, секретаремъ — В. Г. Алексѣевъ, казначеемъ — Е. А. Гравить, членами Совѣта — Б. И. Срезневскій, I. I. Змигродскій, С. К. Богушевскій, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ производились выборы въ дѣйствительные члены Общества посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ кандидаты предлагались каждый разъ не менѣ, какъ тремя дѣйствительными членами Общества, и эти предложенія предварительно проходили черезъ Совѣтъ Общества. Избрано въ отчетномъ году въ дѣйствительные

члены Общества 5 лицъ: З. Г. Бабановъ, М. I. Грёдингеръ, И. П. Калининъ, И. И. Широкогоровъ, М. А. Тростниковъ. Въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества пожелали вступить безъ избранія (по § 6 п. 1 Устава Общества): Н. К. Грунскій и П. А. Поляковъ.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 77 лицъ; въ этомъ числѣ преподавателей: университета 26, Юрьевского ветеринарнаго института 3, другихъ учебныхъ заведеній 28, и другихъ лицъ 20. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ — 57, въ другихъ городахъ и за границей — 20.

Кромѣ того, два лица состоятъ почетными членами Общества.

Во второмъ закрытомъ засѣданіи (28 февраля 1904 г.) были избраны членами ревизіонной комиссіи: Н. Я. Киприановичъ, И. С. Проданъ, П. И. Свѣчниковъ.

Въ 10 открытыхъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы 12 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію, какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны нѣкоторыхъ изъ посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 26 мая 1903 г.

М. Е. Красноженъ. — Разводъ прежде и теперь.
Это сообщеніе напечатано въ томѣ VIII „Сборника“.

2-ое засѣданіе — 11 октября 1903 г.

В. К. Мальмбергъ. — Экскурсія студенческаго историко-филолог. общества при Московскомъ университетѣ въ Грецію.

Сборнымъ пунктомъ была назначена Одесса. Московскіе профессора и большая часть студентовъ прибыли туда 1 августа. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отъѣздъ долженъ былъ быть отложенъ на 3 дня. Экскурсанты жили въ Ришельевской гимназій. Дѣлались сообщенія — я прочиталъ 2 лекціи: объ Аѳинскомъ акрополѣ и древне-греческой архитектурѣ. Остальное время было употреблено на осмотръ разныхъ достопримѣчательностей и разнаго рода развлеченія, какъ-то поѣздку на Большой лиманъ, катаніе на яхтѣ и т. п. 6 августа мы выѣхали въ Константинополь, гдѣ были встрѣчены дирек-

торомъ Русскаго Археологическаго Института Ѳ. И. Успенскимъ и секретаремъ Р. Х. Леперомъ. Въ Константинополѣ мы могли пробывать лишь $1\frac{1}{2}$ сутокъ, все же мы успѣли осмотрѣть Св. Софію, Оттоманскій музей, посѣтить древній Ипподромъ, базаръ и пр. Вечеромъ перваго дня академикъ Ѳ. И. Успенскій прочиталъ экскурсантамъ лекцію о задачахъ Археологическаго института въ Константинополѣ. Въ Константинополѣ экскурсанты жили въ подворьяхъ. 9-го числа мы выѣхали въ Грецію черезъ Смирну, гдѣ экскурсанты съ Р. Х. Леперомъ во главѣ взошли на акрополь времени Антигона. 11-го, въ понедѣльникъ, мы прибыли въ Аѳины. Со вторника началось посѣщеніе музеевъ и важнѣйшихъ мѣстъ древнихъ Аѳинъ. Для этого всѣ экскурсанты, чловѣкъ 140, были раздѣлены на три группы по числу руководителей проф. А. В. Никитскаго, секр. Р. Х. Лепера и меня. Первые два взяли на себя объясненіе Акрополя и города, а я музеевъ Акропольскаго и Національнаго. Читали дважды въ день, причемъ группы студентовъ переходили отъ одного къ другому, такъ что руководителямъ пришлось свои объясненія повторить 3 раза, за то экскурсанты имѣли возможность прослушать всѣхъ. Первый секретарь Германскаго Арх. Инст. В. Дерпфельдъ изъявилъ предсѣдателю общества проф. князю С. Н. Трубецкому готовность сдѣлать экскурсантамъ 2 сообщенія о гомеровской Троѣ и гомеровской Иѳакѣ (четв. и пятн. вечеромъ). Суббота вся прошла на поѣздку и осмотръ византійской церкви въ Дѣфни и развалинъ древняго Элевсиса. На другой день мы выѣхали на предоставленномъ намъ греческомъ военномъ суднѣ въ Дельфы, затѣмъ были еще въ Олимпіи, Коринѣ, Навплии, Аргосѣ, Тириѣ и Микенахъ. Въ нѣсколько дней мы успѣли осмотрѣть такъ много, благодаря тому обстоятельству, что ночи проводили на пароходѣ, а онъ въ это время двигался. Вернувшись въ Аѳины и пробывъ тамъ нѣкоторое время, мы 25-го утромъ выѣхали черезъ Смирну въ Константинополь, гдѣ на этотъ разъ провели только ночь и $\frac{1}{2}$ дня, это время все-же было использовано.

Поѣздка обошлась сравнительно очень дешево. Мин. Народн. Просв. дало 3000 рублей, которые однако были истрачены не всѣ. Кромѣ того, каждый экскурсантъ долженъ былъ внести по 100 рублей, но уже на обратномъ пути въ Аѳинахъ каждому было возвращено по 30 или 35 р., и какъ я слышалъ по прибытіи въ Москву, каждому была выдана

еще небольшая сумма. Студенты раздѣлялись на нѣсколько группъ (приблизительно въ 10 человѣкъ), во главѣ которыхъ стояли старосты. Старосты заботились о всѣхъ нуждахъ своей группы и слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не оставался на берегу. Благодаря этому все обошлось хорошо — изъ большого числа участниковъ экскурсіи серьезно захворалъ лишь одинъ, котораго пришлось оставить въ Аeiнахъ.

3-е засѣданіе — 18 октября 1903 г.

А. С. Невзоровъ. — Заключение договоровъ по русскому обычному праву.

Авторъ резюмируетъ свой докладъ такимъ образомъ: Пока нѣтъ достаточнаго знакомства съ народнымъ правосознаніемъ, тщетны попытки составить національное гражданское уложеніе, соответствующее потребностямъ народной жизни. При несоблюденіи этого элементарнаго условія, уложеніе, какъ плодъ кабинетной работы, обречено на бездѣйствіе и на непримѣненіе среди народа. Кодификаціоннымъ работамъ должно предшествовать обстоятельное изученіе обычнаго права. Однимъ изъ средствъ познанія его могутъ служить пословицы. По вопросу о заключеніи договоровъ пословицы свидѣтельствуютъ, что народъ отличаетъ предварительные переговоры, „рядъ“, „торгъ“, состоящіе изъ „запроса“ и „подачи“, отъ окончательнаго заключенія сдѣлки, отъ „уговора“, „дѣла“, „вершенія“. Заключая договоры въ большинствѣ случаевъ въ словесной формѣ и сравнительно рѣдко прибѣгая къ письменной формѣ, на ряду съ которой можно поставить заключеніе договоровъ при помощи договорныхъ знаковъ (бирки, жеребья, рубежи), русскій народъ отмѣчаетъ важнѣйшій моментъ договора, моментъ сцѣпленія воли, соглашенія сторонъ, безповоротности его (моментъ перфекціи договора), разнаго рода обрядовыми дѣйствіями. Къ нимъ относятся: рукобитье, богомолье, угошеніе виномъ (литки, могарычи), рѣзанье коровай или ковриги, дача задатка, привлеченіе свидѣтелей или поручителей и т. п. Совершеніе этихъ дѣйствій имѣетъ въ виду закрѣпить въ памяти участвующихъ важнѣйшій моментъ сдѣлки, внѣшнимъ образомъ выразить внутренній актъ состоянія воли участниковъ соглашенія, сдѣлать его какъ бы видимымъ. Значеніе этихъ дѣйствій, какъ и юридическое значеніе момента перфекціи дого-

вора, ясно и правильно указывается въ народныхъ пословицахъ. Рѣшенія волостныхъ судовъ и факты дѣйствительной жизни, неоднократно подмѣченные и описанные изслѣдователями и наблюдателями, подтверждаютъ, что въ пословицахъ вѣрно формулировано народное правосознаніе.

4-ое засѣданіе — 15 ноября 1903 г.

И. И. Дависъ. — Народныя школы въ Германіи.
Это сообщеніе напечатано въ томѣ VIII „Сборника“.

5-ое засѣданіе — 29 ноября 1903 г.

И. С. Проданъ. — Психологія внутренняго опыта, какъ основаніе философскихъ наукъ (Историческій очеркъ).
Это сообщеніе напечатано въ томѣ VIII „Сборника“.

6-ое засѣданіе — 6 декабря 1903 г.

М. И. Грѣдингеръ. — Исходные моменты въ исторіи кодификаціи гражданскаго права лифляндскихъ крестьянъ.
Это сообщеніе будетъ напечатано въ томѣ IX „Сборника“.

7-ое засѣданіе — 14 февраля 1904 г.

Н. К. Грунскій. — 1) Очерки изъ исторіи польской литературы. 2) Къ разработкѣ вопросовъ древне-церковно-славянской письменности.

Первый рефератъ былъ посвященъ разсмотрѣнію времени начальнаго польскаго романтизма, въ частности поэзіи Мальчевскаго. Главная часть втораго реферата напечатана въ настоящемъ VIII т. „Сборникѣ“, подъ заглавіемъ „Кіевскіе глаголическіе листки“.

8-ое засѣданіе — 28 февраля 1904 г.

М. А. Тростниковъ. — Введеніе въ методику русскаго языка.

Сообщеніе посвящено разсмотрѣнію вопроса о томъ, что русск. языку, какъ средству выраженія мысли, должны обучать не только учителя русскаго языка, но и преподаватели

другихъ предметовъ, особенно преподаватели материально-образовывающихъ предметовъ (естествовѣденія, географіи, исторіи, физики и т. д.). Настоящій рефератъ — сокращеніе и передѣлка статьи, напечатанной въ Русской Школѣ 1904 г. № 1.

И. И. Дависъ. — Народныя школы въ Саксоніи, Баваріи и Вюртембергѣ.

Это сообщеніе напечатано въ томѣ VIII „Сборника“.

9-ое засѣданіе — 10 апрѣля 1904 г.

Н. К. Грунскій. — Изъ исторіи русской литературы періода отечественной войны.

Это сообщеніе было посвящено разсмотрѣнію русской литературы 1812-го года.

10-ое засѣданіе — 1 мая 1904 г.

М. А. Тростниковъ. — Обученіе сознательному чтенію.

Это сообщеніе будетъ напечатано въ томѣ IX „Сборника“.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ Общества, кромѣ членовъ, бывали и посторонніе посѣтители, также принимавшіе участіе въ обсужденіяхъ докладовъ. Число лицъ, присутствовавшихъ на одномъ засѣданіи, колебалось отъ 20 до 40.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 8 засѣданій: въ 1903 году — 19 августа, 18 октября, 9 ноября; въ 1904 году — 4 марта, 4 апрѣля, 16 апрѣля, 1 мая, 18 мая. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ пяти томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различные періодическіе журналы и отдѣльныя сочиненія, перечисленные въ этомъ отчетѣ.

4. Для большаго распространенія изданій Общества, Совѣтъ постановилъ напечатать проспекты съ заглавіями всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ семи томахъ Сборника, и разослать ихъ различнымъ учрежденіямъ; благодаря этому, въ текущемъ году было продано различныхъ томовъ Сборника на сумму около 200 руб.

5. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ настоящее время закончено печатаніе VII-го тома Сборника, и онъ уже вышелъ въ свѣтъ*).

6. Совѣтъ нашелъ возможнымъ приобрѣсти вышедшіе томы энциклопедическаго словаря Брокгауза-Ефрона, согласно постановленію общаго собранія отъ 29 января 1898 г.

III. Касса Общества

за время съ 15 мая 1903 г. по 14 мая 1904 г.

Приходъ:

Осталось въ кассѣ къ 15 мая 1903 г.	375 руб. 89 к.
Поступило въ 1903/4 году:	
членскихъ взносов	100 „ — „
отъ продажи „Сборниковъ“	178 „ 60 „
„ Правленія Университета	350 „ — „
„ Министерства Нар. Просв.	500 „ — „
% по сберегательнымъ книжкамъ	4 „ 41 „
Итого	1508 руб. 90 к.

*) Этотъ томъ уже разосланъ почетнымъ членамъ и тѣмъ изъ дѣйствительныхъ, которые уплатили членскіе взносы

Расходъ :

На печатаніе „Сборниковъ“ т.т. VI и VII	757 руб. 88 к.
„ бронюровку и переплетъ	70 „ 47 „
„ бібліотеку	189 „ 60 „
„ публикаціи	30 „ — „
„ канцелярскіе и почтовые расходы	12 „ 27 „
„ прислугу	8 „ — „
Итого	1068 руб. 22 к.

Касса къ 14 мая 1904 г. :

Въ Госуд. Сбер. Кассѣ по книжкѣ № 29243	435 руб. 39 к.
На рукахъ у Казначей	5 „ 29 „
Всего	1508 руб. 90 к.

IV. СМѢТА на 1904/5 годъ.

Приходъ :

Осталось отъ предыдущаго 1903/4 г.	440 руб. 68 к.
Членскіе взносы	90 „ — „
Отъ продажи „Сборниковъ“	92 „ — „
„ Правленія Университета (350 + 175 =)	525 „ — „
% по сберегательной книжкѣ	2 „ 32 „
Итого	1150 руб. — к.

Расходъ :

На печатаніе „Сборниковъ“ 1904/5 г.	1000 руб. — к.
„ бронюровку и переплетъ	75 „ — „
„ публикаціи	50 „ — „
„ бібліотеку Общества	150 „ — „
„ канцелярскіе, почтовые и прочіе расходы	35 „ — „
Итого	1310 руб. — к.

Г. Юрьевъ, 14 мая 1904 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

V. Протоколъ засѣданія

ревизионной комиссіи Учено-Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
14 мая с. 1904 г.

Ревизионная комиссія, рассмотрѣвъ и провѣривъ всѣ документы по кассѣ, а равно и состояшіе кассы Учено-Литературнаго Общества, нашла, что всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно уставу Общества, въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество Общества ревизионная комиссія нашла въ цѣлости и сохранности. Веденіе книгъ секретаремъ и библіотекаремъ комиссія признала правильнымъ.

При семъ замѣчено, что съ 15 мая 1903 г. отчетность по приходу и расходу денежныхъ суммъ Общества ведется по новой книгѣ: таковая заведена вслѣдствіе уничтоженія прежней книги при пожарѣ, случившемся въ квартирѣ казначея 1903 г. съ 15 на 16 іюля. Записи въ новой книгѣ восстановлены по уцѣлѣвшимъ листамъ прежней книги, о чемъ г-номъ казначеемъ сдѣлано подробное сообщеніе въ засѣданіи Совѣта Общества 9 ноября 1903 г.

Въ кассѣ Общества, согласно документамъ, оказались по приходу 1508 руб. 90 к., по расходу 1068 руб. 22 к. Въ остаткѣ числится 440 руб. 68 к.; изъ нихъ 5 руб. 29 к. наличными, остальные 435 руб. 39 к. хранятся въ государственной сберегательной кассѣ при Юрьевскомъ казначействѣ по книжкѣ № 29243. Такой значительный остатокъ объясняется тѣмъ, что не оплачены Совѣтомъ Общества расходы по печатающемуся VIII тому сборника Общества.

При семъ этомъ комиссія нашла желательнымъ, чтобы Совѣтъ Общества отпустилъ сумму на переплетъ и нумеровку (по хронологическому каталогу) $\frac{1}{6}$ части книгъ Общества, неимѣющихъ таковыхъ.

Н. Киприановичъ.
П. П. Свѣчниковъ.
Ис. Проданъ.

VI. Заключение

Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу протокола ревизіонной комиссіи.

Постановлено Совѣтомъ представить протоколъ ревизіонной комиссіи общему собранію.

VII. Отчетъ

о состояніи бібліотеки Общества.

Къ 23 мая 1904 г. въ бібліотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ 49 названій въ 65 т.

Брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 80 названій въ 80 экз.

Энциклопедическій словарь 79 т.

Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 325 №№

Въ отчетномъ году было выдано 20 книгъ.

Въ 1903/4 году въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія книги:

Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, Университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I и II. Юрьевъ. 1902.

Комиере. Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Перевелъ П. Д. Первовъ. Москва. 1903.

Обзоръ Эстляндской губерніи за 1902 г. Ревель. 1903.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Общества при Московскомъ Университетѣ за 1902—1903.

Пѣтуховъ, Е. В. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, Университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Юрьевъ. 1902.

Статистическія Таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, Университету (1802—1902). Юрьевъ. 1902.

Періодическія изданія.

- Варшавскія Университетскія Извѣстія.
1903 г. №№ 3 и 4, 6—9.
- Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.
1902 г. кн. 85-я.
- Записки Императорскаго Харьковскаго Университета.
1903 г. кн. 1-я.
- Записки Общества исторіи, филологіи и права при И. Варшавскомъ Университетѣ. 1903 г. Вып. II.
- Кіевскія Университетскія Извѣстія.
1903 г. №№ 4—12.
1904 г. №№ 1 и 2.
- Мирный Трудъ. 1904. №№ 1, 2, 3.
- Сборникъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. 1903, т. IV.
- Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества.
Т. 13-й. (Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда. Т. II-й, ч. 1-я и 2-я). Харьковъ. 1902.
- Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссіи.
1902. Вып. I.
- Труды Кіевской Духовной Академіи.
1903 г. №№ 5—12.
1904 г. №№ 1 и 2.
- Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Харьковъ. 1904. Т. I.
- Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета.
1903 г. №№ 3, 4, 5, 6.
1904 г. №№ 1, 2.
- Филологическія Записки. Воронежъ.
- Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1903 г.
кн. 4-я (207).
- Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Нестора лѣтописца.
Кіевъ.
1902 г. кн. 16-я. Вып. I—III.
1903 г. кн. 17-я. Вып. I и II.
-

VIII. СПИСОКЪ членовъ Общества.*)

Почетные члены:

1. *Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, членъ Совѣта Министра Народнаго просвѣщенія (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — съ 27 мая 1901 г.)
2. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, ординарный профессоръ Московскаго Университета (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — со 2 марта 1902 г.)

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профессоръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владиміра (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій Отдѣльный Цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. *Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель гимназіи (съ 8 декабря 1901 г.).
7. *Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
8. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
9. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
10. Бречкевичъ, Митрофанъ Васильевичъ, магистрантъ университета (со 2 марта 1902 г.).
11. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).

*) Звѣздочкой обозначены г.г. иногородніе члены.

12. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, помощникъ инспектора студентовъ Ю. У. (съ 26 октября 1902 г.).
13. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.).
14. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
15. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, Предсѣдатель Съѣзда Мирowychъ Судей въ Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.).
16. Горюшкина, Надежда Никифоровна, бывшая надзирательница Юрьевской женской гимназiи А. С. Пушкина (съ 30 октября 1899 г.).
17. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, завѣдующiй общезитiемъ студентовъ Ю. У. (съ 29 января 1898 г.).
18. Грѣдингеръ, Михаилъ Юсифовичъ, Коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ (съ 29 ноября 1903 г.).
19. Грунскій, Николай Кузьмичъ, доцентъ университета (съ 15 ноября 1903 г.).
20. Дависъ, Иванъ Ивановичъ, преподаватель Юрьевского городского училища (съ 22 октября 1898 г.).
21. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
22. Даниловъ, Николай Семеновичъ, штабсъ-капитанъ, адъютантъ корпуснаго командира 18-го армейскаго полка (съ 26 октября 1902 г.).
23. *Діадимовъ, Михаилъ Аркадiевичъ, священникъ въ селѣ Медвѣжанскомъ Области Войска Донскаго (съ 5 октября 1902 г.).
24. *Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
25. *Жадановскій, Николай Ивановичъ, преподаватель (съ 5 октября 1902 г.).
26. *Заицъ, Василій Осиповичъ, преподаватель Перновской гимназiи (съ 26 марта 1898 г.).
27. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
28. Змигродскій, Юсифъ Юсифовичъ, бывшiй преподаватель гимназiи (со 2 марта 1902 г.).
29. Золотаревъ, Дмитрiй Николаевичъ, преподаватель гимназiи (съ 29 мая 1899 г.).
30. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Николаевской гимназiи въ Ригѣ (съ 19 декабря 1897 г.).

31. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
32. *Калининъ, Иванъ Петровичъ, инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ институтѣ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).
33. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
34. Киприановичъ, Николай Яковлевичъ, инспекторъ гимназій (съ 10 мая 1898 г.).
35. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
36. Корицъ, Иванъ Петровичъ, учитель Юрьевского начальнаго училища (съ 29 мая 1900 г.).
37. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
38. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
39. Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, инспекторъ реальнаго училища въ Юрьевѣ (съ 15 декабря 1901 г.).
40. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
41. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
42. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
43. *Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, преподаватель Николаевской гимназій въ Ригѣ (съ 30 сентября 1899 г.).
44. Михайловъ, Александръ Васильевичъ, ассистентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
45. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
46. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
47. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
48. *Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
49. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
50. Петровъ, Василій Васильевичъ, учитель гимназій (съ 23 октября 1897 г.).

51. Поляковъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
52. Проданъ, Исидоръ Савичъ, учитель гимназiи (съ 30 сентября 1899 г.).
53. Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. Рейникъ, Мартынъ Діонисіевичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
55. Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназiи (съ 30 сентября 1899 г.).
56. Свѣчпиковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 26 октября 1902 г.).
57. Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдующій 2-мъ Юрьевскимъ городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
58. Скрябинъ, Николай Александровичъ, учитель гимназiи (съ 29 января 1898 г.).
59. Сосновскій, Петръ Николаевичъ, учитель реального училища (съ 16 октября 1900 г.).
60. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
61. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинарiи (съ 5 марта 1898 г.).
62. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
63. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназiи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
64. Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинарiи (съ 26 октября 1902 г.).
65. Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназiи (съ 16 мая 1900 г.).
66. Тростниковъ, Михаилъ Адриановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 1 мая 1904 г.).
67. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1899 г.).
68. Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ Юрьевѣ (съ 30 октября 1899 г.).
69. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

70. *Цвѣтковъ, Александръ Феофиловичъ, преподаватель гимназіи (съ 26 октября 1902 г.).
71. Черноусовъ, Евгений Александровичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
72. *Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
73. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
74. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
75. *Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, врачъ (съ 29 ноября 1903 г.).
76. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начального при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
77. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

ІХ. Совѣтъ Общества на 1904/5 г.

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — В. К. Мальмбергъ.

Секретарь — В. Г. Алексѣевъ.

Казначей — Е. А. Гравитъ.

Члены Совѣта: С. К. Богушевскій, Н. К. Грунскій,
П. Н. Свѣчниковъ.

Библіотекаръ — Я. И. Лаутенбахъ.

Отдѣлъ научный.

Кіевскіе глаголическіе листки.

I. Разборъ мнѣній, высказанныхъ о Кіевскихъ глаголическихъ листкахъ.

Ни одинъ древнѣйшій церковнославянскій памятникъ не вызывалъ и не вызываетъ столько разногласій, столько совершенно противорѣчивыхъ мнѣній о своемъ происхожденіи, какъ Кіевскіе глаголическіе листки. И ни одинъ изъ этихъ памятниковъ, въ то же время, не представляетъ такъ много любопытнаго, какъ тѣ же небольшіе ніевскіе листки. Ученые, выдвигавшіе разнообразныя гипотезы о родинѣ этого памятника, иногда судили главнымъ образомъ по одной фонетической чертѣ, не принимая во вниманіе совокупности остальныхъ.

Этотъ небольшой отрывокъ латинскаго миссала въ славянскомъ переводѣ, представляющій въ общемъ нѣчто цѣльное, законченное, носитъ несомнѣнные слѣды глубокой древности своего происхожденія. Прежде всего, данныя палеографическія, о которыхъ намъ приходилось и приходится говорить въ другомъ мѣстѣ¹⁾, убѣждаютъ въ томъ, что этотъ памятникъ не только не позже Зографскаго, Маріинскаго Ев. и др., но древнѣ ихъ. Система надстрочныхъ значковъ — придыханій и значка, копирующаго греческое облеченное удареніе, по формѣ является типической для греческихъ рукописей 8—9 вѣковъ, въ то время какъ кое-гдѣ попадающіеся въ другихъ древ. ц. слав. памятникахъ значки придыханія являются

1) Ученыя Записки Имп. Юрьев. Университета за 1904 г.

по формѣ сродными типическимъ придыханіямъ греческихъ рукописей уже 10—11 вѣковъ и дальнѣйшаго времени. На этой сторонѣ никто не останавливался. Никто не обращалъ вниманія, что система придыханій въ Кіев. Листкахъ своеобразна сравнительно съ постановкой этихъ значковъ въ греческихъ рукописяхъ. Она говоритъ о самостоятельномъ примѣненіи законовъ греческой графики на славянскую почву, она свидѣтельствуетъ о глубокой вдумчивости, оригинальности того, кто задался подобными цѣлями своеобразнаго измѣненія уже существовавшей графической системы. Въ К. Л. нѣтъ той механичности приѣмовъ, которая господствуетъ въ постановкѣ немногочисленныхъ значковъ въ Зограф. Ев., Маріинск. Ев. и др. памятникахъ древнѣйшей церковно-славянской письменности, свидѣтельствующей, въ большинствѣ, о слѣпомъ подражаніи, копировкѣ греческихъ образцовъ. Мнѣ приходилось уже отчасти обращать вниманіе¹⁾ на постановку удареній въ К. Л. Продолжая свои наблюденія, я убѣдился въ томъ, что и здѣсь господствуетъ замѣчательная своеобразность, желаніе воспользоваться приѣмами греческой графики для нуждъ славянской письменности. Я убѣдился въ томъ, что здѣсь выразилось также желаніе обозначить извѣстнымъ греческимъ значкомъ славянское долгое удареніе, при чемъ отмѣчалась часто больше долгота. Самъ значекъ греческій принялъ двоякую форму. На эту сторону не такъ давно обратилъ вниманіе, правда, г. Каринскій, но въ его статьѣ (Извѣстія Отдѣл. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 1901 г. № 3) слишкомъ много неточностей, невѣрнаго освѣщенія. Любопытный матеріалъ даютъ К. Л. и со стороны изученія ихъ буквенныхъ начертаній и нѣкоторыхъ орфографическихъ приѣмовъ.

Все это я говорю здѣсь вкратцѣ для того, чтобы оправдать свои слова о неизученности этого памятника во многихъ отношеніяхъ, а потому и о преждевременности гипотезъ о его

1) Записки Имп. Харьк. Ун. 1901 г. №№ 1, 4; Русск. Фил. Вѣст. 1901. № 1.

происхожденіи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и разнообразіе высказанныхъ гипотезъ. Цѣль настоящей статьи прежде всего сдѣлать сводъ этихъ гипотезъ, подвести итоги тому, что говорилось въ различныхъ изслѣдованіяхъ, статьяхъ, иногда мимоходомъ, о родинѣ, времени происхожденія К. Л. Необходимо, наконецъ, разобраться и попытаться установить, что остается цѣннаго изъ всѣхъ тѣхъ разсужденій, которыя касались этого памятника.

Первый обратившій вниманіе на К. Л., издавшій ихъ и изслѣдовавшій глав. обр. со стороны языка и содержанія ак. Срезневскій (Свѣдѣнія и замѣтки . . . СПб. 71 г., LXXIII, 490—3, затѣмъ въ Трудахъ 3-го археологич. съѣзда. К. 78 г. 269—76 и приложеніе 185—197) опредѣлялъ уже слѣды чешскаго языка въ извѣстной фонетической чертѣ **ц** и **з** вмѣсто **шт** и **жд** другихъ ц.-слав. памятниковъ. Срезневскій не входилъ также въ разборъ вопроса о времени происхожденія памятника, хотя по даннымъ его „указателя“ къ „свѣдѣніямъ“ относилъ его къ 10—12 вѣкамъ. Срезневскій первый т. обр. намѣтилъ ту теорію о моравской редакціи памятника, которая является господствующей и въ настоящее время. Ничего новаго въ изученіе вопроса не внесъ издавшій вслѣдъ за Срезневскимъ этотъ памятникъ чешскій ученый Коляръжъ (Muzejník 75, II, Časopis M. Kr. č. 78, III).

Разсматривая труды Срезневскаго, Макушевъ бѣгло высказалъ свой взглядъ относительно времени происхожденія К. Л. Онъ считалъ ихъ почему-то памятникомъ позднимъ, 14 столѣтія; Мак. ставилъ ихъ параллельно съ Пражскими Листками, которые онъ также, вопреки Шафартику и Срезневскому, относилъ къ 14 столѣтію (Рус. Фил. В. 79 № 3, 90).

Во 2-мъ изданіи своей *Vergl. Grammatik* (Lautlehre, 219), Миклошичъ выступилъ съ иной теоріей относительно К. Л. Онъ относилъ памятникъ этотъ къ „паннонскимъ“, считалъ его выраженіемъ одного нарѣчія, т. обр. цѣльнымъ по языку. Микл. думалъ, что въ языкѣ „паннонскихъ“ славянъ могла быть двойная форма для выраженія смягченныхъ **д** и **т** —

жд, шт и з и ц. Т. обр. языкъ К. Л., по Миклошичу, также *altslovenisch*. Взглядъ Миклошича положилъ начало другой теоріи о К. Л., теоріи цѣльности языка К. Л., при чемъ ученые расходились лишь въ вопросѣ о родинѣ памятника, о томъ нарѣчій, которое легло въ основаніи его.

Однимъ изъ первыхъ послѣдователей этой теоріи можно считать Гейтлера. Въ его изслѣдованіи *Die albanesischen und slavischen Schriften* (1883 г.) о К. Л. мы находимъ нѣсколько небольшихъ брошенныхъ замѣчаній, также общихъ, немотивированныхъ, какъ и много есть у Гейтлера относительно другихъ вопросовъ. Листки, по Гейтлеру, могли попасть въ Іерусалимъ только изъ Македоніи (*dahin kamen glagolifische Handschriften nur aus Macedonien*, 153). Повидимому, т. обр. родиной К. Л., по Гейтлеру, была Македонія. Затѣмъ относительно времени возникновенія памятника Гейтлеръ высказывался за древность Ассем., Зограф., Мар. Ев. и др. передъ К. Л., которые онъ относилъ къ XI вѣку¹⁾.

На необоснованность заключенія Гейтлера о македонскомъ происхожденіи К. Л. указалъ въ своемъ предисловіи къ новому изданію К. Л. (вмѣстѣ съ Вѣнскими), уже въ фототипіяхъ, ак. Ягичъ (*Wien*, 1890. *Glagolifica. Würdigung neuentdeckter Fragmente*). Послѣ Срезневскаго ни одинъ ученый не удѣлялъ столько вниманія К. Л., какъ Ягичъ. Его предисловіе къ изданнымъ Вѣнскимъ Л. и Кіев. — небольшое изслѣдованіе, затрагивающее основные вопросы. Временемъ возникновенія К. Л. Ягичъ считаетъ XI вѣкъ²⁾. Памятникъ этотъ онъ считаетъ древнѣе Синайскихъ-Требника и Псалтири, а также Охридскаго Ев. Изъ этого слѣдуетъ, что такіе памят-

1) Гейтл. относилъ Ассем., Зогр. Ев. (древнюю часть), Син. Тр., Мар. Ев. ко времени до XI ст. (*vor das Jahr 1000*), считая древнѣйшимъ Асс. Ев., а затѣмъ уже другіе эти памятники въ порядкѣ перечисленія. Кіев. Л. Гейтлеръ ставилъ передъ добавочной частью Зогр. Ев., которую находилъ возможнымъ отнести не выше переходн. времени отъ XI къ XII ст.

2) Раньше въ „Образцахъ яз. церковносл. „СПБ. 82 г., стр. 33, Ягичъ высказывался за X в.

ники, какъ Зографское, Маріинское Ев. древнѣе, по Ягичу, Кіев. Л. Какъ и Срезневскій, Ягичъ считаетъ К. Л. чешско-моравской (или, точнѣе, „моравской“ въ смыслѣ чехо-словацко-моравской) редакціи. „Моравизмы“ — з и ц (дазь, огрѣдѣцѣ), шч (зашчити, очищение), мягкость ц, ч, ш, ж (мышѣ . .). Въ остальномъ памятникъ *altslovenisch*, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ Миклошичъ. Ягичъ предіологаетъ возможность существованія римскаго обряда въ славянскомъ богослуженіи еще при жизни Меѳодія, предіологаетъ существованіе въ то время двухъ направленій грекофильскаго и латинофильскаго. Предположеніе Ягича о раннихъ попыткахъ привести славянскую литургію, образовавшуюся на греческой почвѣ, въ гармонию съ латинской нашло себѣ продолжателя въ лицѣ Вондрака (*Arch. f. sl. Ph.* 14-й т.), характеризовавшаго Меѳодія какъ человѣка практическаго, который преданъ былъ только интересамъ славянскаго дѣла, славянскаго языка, а не церковно-богослужебнаго ритуала; съ другой стороны, эти предположенія, какъ мало обоснованныя, вызвали критику въ лицѣ проф. Флоринскаго (Кіевск. Ун. Изв. 91 г.). Обращено было также вниманіе критикой что и сообразно мнѣнію Ягича К. Л., какъ памятникъ XI ст., не можетъ говорить въ пользу его предположеній.

Предположенія Ягича не удовлетворили многихъ. Вскорѣ проф. Будиловичемъ была выставлена догадка о происхожденіи К. Л. на югѣ, въ одной изъ областей приадриатическихъ, при чемъ писавшій былъ чехъ или словакъ. О мнѣніи проф. Будиловича ак. Ягичъ высказался, что въ немъ нѣтъ ни *truna dokaza* (*Starine*, 35 т., при изд. Гршкович. отр.). Прибавимъ, что это мнѣніе заключаетъ въ себѣ самомъ уже противорѣчіе. Какимъ образомъ чехъ или словакъ, жившій среди югославянъ, могъ, въ такомъ совершенствѣ изучивъ ихъ нарѣчіе, оставить нетронутой въ своей работѣ только одну черту своего языка (ц и з)? При томъ, вѣдь, и языкъ этихъ юго-славянъ не могъ же претендовать на многія другія формы, которыми отличаются К. Л.

Опровергнутое ак. Ягичемъ соображеніе Гейтлера о македонскомъ происхожденіи К. Л. нашло себѣ отчасти защитника въ лицѣ проф. Калины. Говорю „отчасти“ потому, что проф. Калина не являлся собственно всецѣло проводникомъ мнѣшя о македонскомъ происхожденіи памятника, какъ то принято выставять, а, вѣрнѣе, проводилъ теорію о македонскомъ діалектѣ, легшемъ въ основу памятника, происхожденіе же самого памятника, какъ то ни странно, онъ отнесъ къ Панноніи XI ст. ¹⁾ Въ К. Л., онъ не видѣлъ также списка съ написаннаго ранѣе въ Македоніи оригинала. Возникновеніе послѣдняго въ Македоніи въ раннія времена, по Калинѣ, было бы возможно, въ виду попытокъ папъ ввести римское богослуженіе, чѣмъ и объясняется западный ритуальъ памятника, но проведенію подобнаго мнѣнія, которое требуетъ еще дальнѣйшихъ историческ. доказательствъ, мѣшаютъ, по Калинѣ, Вѣнскіе Листки, проливающіе новый свѣтъ на отношенія хорватской глаголицы къ паннонскимъ памятникамъ. На македонскій обликъ памятника указываютъ и характеръ глаголицы и цѣльность языка съ нѣкоторыми типическими особенностями. Этихъ особенностей приводитъ Калина слишкомъ мало, напр. (непонятно почему) подаць, гдѣ с вмѣсто з, цркѣне вм. цркѣвне, **вѣ**жлюб. вм. вѣз. Не удается ему объяснить и существованіе ц и з въ македон. нарѣчїи. Ссылка его на нѣкоторые параграфы его же грамматики болгарскаго языка ничего не разъясняетъ, какъ то указалъ Облакъ въ своей рецензїи. Вообще замѣтимъ, что въ тѣхъ мнѣшяхъ, которыя находимъ въ большой рецензїи Калины на трудъ Ягича, мы не находимъ цѣльности, стройности. Желаніе пролить иной свѣтъ на исторію Кїевскихъ и Вѣнскихъ Листковъ заставило

1) „ . . . rękopis kijowski, chociaŹ pisany narzeczem macedońskiem, miał to samo przeznaczenie, jak inne zabytki, które pisane są w innym narzeczu języka bułgarskiego, a które były w uŹyciu kościołów obrządku greckiego. Mógł on powstać w XI wieku w Pannonii w kościele obrządku rzymsko-słowiańskiego na tej samej zasadzie, na jakiej powstało tyle innych zabytków dla kościołów grecko-słowiańskiego obrządku“, стр. 16.

Калину прибѣгнуть къ ряду объясненій, запутывающихъ, въ сущности, дѣло, а не разъясняющихъ. Въ предположеніяхъ проф. Калины иной разъ можно указать и на противорѣчія по существу.

Мнѣнія проф. Калины были подвергнуты разбору Облакомъ (*Zur Würdigung des Altslovenischen*, въ *Arch. f. sl. Ph.* XV и въ ст. „Нѣколко бѣлѣжки вѣрху старословѣнскитѣ паметници“ въ болг. Сборн. за нар. умотв. и кн. 93 г. т. IX), который опровергалъ въ своихъ статьяхъ мнѣнія также Миклошича и Гейтлера. Признаки чехо-словацкаго нарѣчія Обл., кромѣ **ц**, **з**, **шч** (мягкость ш, ч, ц, ж не выставляется уже „моравизмомъ“, какъ то дѣлалъ Ягичъ, потому что эта черта свойственна и южнымъ говорамъ), затѣмъ замѣна одинъ разъ **ж**—**оу** (небесъскоу**ж**), **цирѣкнаѣ**, **цирѣкѣве**. Въ общемъ возраженія противъ Калины сводятся къ слѣдующему. **Ц** и **з**, указан. Калиной, какъ прежде существовавшія черты македонскихъ нарѣчій, не могутъ быть признаны таковыми, т. к. въ извѣстныхъ намъ болгар. нарѣчійхъ появленія **ц** и **з** изъ **т + ѵ** и **д + ѵ** — нѣтъ. И если можно было бы изъ различныхъ говоровъ подобрать единичные примѣры, то эти примѣры ничего не говорили бы для К. Л., гдѣ эта черта проводится послѣдовательно. Такимъ же образомъ нѣтъ опредѣленнаго указанія на появленіе **з**. Указываемые Калиной примѣры замѣны **ч**—**ц**, **ш**—**с**, **ж**—**з** не могутъ ничего доказывать, т. к. нельзя предполагать въ болгарскихъ говорахъ переходъ **д + ѵ**, **т + ѵ** сначала въ **ж** и **ч**, а затѣмъ уже въ **з** и **ц**. Мѣна **ж**—**з**, **ч**—**ц** въ этихъ именно случаяхъ наблюдается въ очень рѣдкихъ примѣрахъ. Тѣ же болгарскіе говоры, въ которыхъ изъ **т + ѵ** развилось **ч**, такъ и остаются при послѣднемъ звуковомъ рефлексѣ, не замѣняя его **ц**. Мѣна **ч**—**ц** явленіе не столь распространенное въ македонскихъ и болгарскихъ говорахъ, какъ то стремится выставить Калина. Замѣна **ч**—**ц** въ сочетаніяхъ **чр**, **цр** непримѣнима для доказательства мнѣнія К. т. к. здѣсь уже группа согласныхъ, а затѣмъ это явленіе позднѣйшаго времени. **Шч** сильно

распространено въ говорахъ зап. Македоніи, но не ограничивается здѣсь въ качествѣ **ст + j**, но является также рефлексомъ **т + j** (свѣшча и пр.), т. обр. и въ К. Л. мы ожидали бы этотъ комплексъ звуковъ вм. ц. Т. обр., заключаетъ Облакъ, и изъ различныхъ македонскихъ діалектовъ мы не можемъ указать чертъ языка К. Л. если бы даже пожелали сгруппировать ихъ изъ различныхъ діалектовъ. Изъ этихъ опроверженій Облака особенно слабымъ является — относительно **шч** и желаніе его въ этомъ случаѣ видѣть наряду съ этимъ рефлексомъ **шч** и изъ **т + j** — вѣдь то, что даютъ современные говоры нельзя всецѣло примѣнять къ тому, что было чуть ли не 10 вѣковъ тому назадъ. Затѣмъ, какъ увидимъ дальше, нельзя согласиться и съ нѣкоторыми собственными положеніями Облака. Противъ мнѣнія Калины, что въ Македоніи могла существовать литургія и по римскому обряду Облакъ говоритъ, что попытки сближенія съ Римомъ относились ко времени царей Петра и Самуила и имѣли совѣмъ другой характеръ, чѣмъ думалъ Калина — литургія оставалась совершенно нетронутой, дѣло шло лишь о церковномъ первенствѣ Рима и что нѣтъ памятниковъ, показывающихъ существованіе римскаго обряда въ болгарской церкви. Данное опроверженіе также, конечно, не имѣетъ подъ собою почвы, т. к. воирось этотъ является до сихъ поръ не разслѣдованнымъ. Онъ требуетъ разысканій историческихъ, т. к. все же имѣются указанія на раннія попытки папъ подчинить Болгарію своей власти, а слѣдовательно и ритуалу.

То же обстоятельство, что мы не имѣемъ памятниковъ западнаго ритуала, пока еще ничего не доказываетъ — вѣдь, долгое время мы не имѣли никакихъ также древн.-ц.-сл. памятниковъ, указывающихъ на существованіе обрядности по зап. ритуалу. И открытіе одного только памятника глав. обр., какъ К. Л. заставило нѣкоторыхъ ученыхъ уже прійти къ заключенію и о дѣятельности Меѳодія въ духѣ зап. церкви.

А затѣмъ, непризнаніе существованія въ Болгаріи западнаго ритуала не является, въ сущности, прямымъ возраже-

ніемъ противъ мнѣнія Каліны — вѣдь и онъ самъ говоритъ, что основныя предположенія Гейтлера нуждаются въ историческихъ доказательствахъ.

Противъ мнѣнія Миклошича о цѣльности языка Облакъ выставялъ указанныя положенія какъ отличія чешско-словацкія — т. обр., по его мнѣнію, языкъ К. Л. не можетъ считаться цѣльнымъ, отражающимъ одно какое-ли нарѣчіе.

Въ *Časop. Česk. M.* за 94 г., LXVIII, была помѣщена небольшая статья проф. Пастернка *Starobylé dz ve slovenských nářečech a hláholské zlomky Kijevské a Pražské*. Пр. Пастернекъ, беря за основу отсутствіе зѣла въ К. Л., приходитъ къ тому заключенію, что родиной отрывковъ могла быть Чехія и часть Моравіи (въ большей части послѣдней и Словачинѣ $d + j$ даетъ dz). Въ чисто чешскомъ происхожденіи листковъ его еще убѣждаетъ мягкость **ш**, **ч**, **ц**, о чемъ говорилъ и Ягичъ. Пастернекъ рѣшается даже еще болѣе опредѣленнѣе указать на мѣсто, откуда ведутъ свое начало К. Л. — на Сазавскій монастырь.

Статья Пастернка вызвала опроверженія со стороны Облака. (*Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente. Arch. für sl. Phil. XVIII*). Облакъ замѣчаетъ, что еще вопросъ, относится ли употребленіе зѣла въ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ вполне къ языку или можно видѣть здѣсь и вліяніе графическихъ приемовъ, традиціи. Самъ Облакъ приходитъ къ послѣднему заключенію¹⁾. Относительно мягкости **ц**, **ш**, **ч** Облакъ, какъ и раньше,

1) Мнѣ кажется, что нельзя дѣлать сравненій употребленія зѣла въ др.-ц.-сл. памяти съ тѣмъ, о чемъ, говоритъ Паст. — о необходимости появленія въ извѣстномъ случаѣ этого звука, но уже какъ выразителя смягченнаго д. Раньше Ягичъ (*Мар. Ев., 420*) указывалъ на то, что К. Л. „не соблюдаютъ разницы „между з и зѣломъ. Затѣмъ Вондракъ (*Glag. Cloz.*) на основаніи этого различенія соглашался вполне съ мнѣніемъ Яг. о македонскомъ происхожденіи буквы зѣла. Но, вѣдь, въ К. Л. нѣтъ ни одного слова, въ кот., собственно, должна была быть употреблена эта буква. Слѣдовательно, нельзя и дѣлать никакихъ заключеній.

считалъ это явленіе свойственнымъ и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, а также словацкому нарѣчію и указывалъ примѣры въ древн.-ц.-сл. памятникахъ. Фактъ противъ словачины, по Облаку, можно бы видѣть въ словѣ подасъ и то лишь въ томъ случаѣ, если не считать окончаніе этого слова опиской или вліяніемъ 2-го лица ед. ч.

Въ Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи 1898 г. была помѣщена небольшая статья ак. Соболевскаго „Гдѣ написаны Кіевскіе отрывки“? Одна изъ особенностей памятника — наряду съ сохраненіемъ и иривильнымъ употребленіемъ носовыхъ гласныхъ одинъ случай смѣшенія, по Соболевскому, въ словѣ ходатаіацю вм. ходатаіѣцю заставляеть говорить о писцѣ полякѣ, „въ языкѣ котораго уже въ древнюю пору его исторіи въ извѣстныхъ случаяхъ (между прочимъ, въ причастіяхъ) могло быть сліяніе въ одномъ носовомъ звукѣ древнихъ ѣ и л. Но, на самомъ дѣлѣ, форма ходатаіацю не представляетъ никакого смѣшенія: это вполне правильная форма отъ ходатаити. На это раньше указывалъ и Ягичъ въ своемъ изданіи (примѣч. 2-е къ тексту, на стр. 55), такъ что строить на этомъ предположенія о писцѣ-полякѣ невозможно. Затѣмъ, по мнѣнію ак. Соболевскаго, какъ подтвержденіе его мысли служитъ форма иодасъ, легко будто бы объясняемая изъ иольскаго языка (?), а также различіе глухихъ, правильное ихъ употребленіе, т. к. поляку легче было передавать правильность въ употребленіи твердыхъ и мягкихъ глухихъ. Къ чешскимъ особенностямъ, кромѣ з и ц, присоединяетъ Соболевскій слогообраз. плавн. рь ль. Относительно отсутствія зѣла, которое должно было быть у поляка, С. говоритъ, что учитель-чехъ не употреблялъ этой буквы или употреблялъ въ значеніи з. Что у поляковъ было богослуженіе на ихъ языкѣ доказательствомъ, по С., могутъ служить данныя изъ паннонскихъ житій (о крещеніи Меѳодіемъ князя на Вислѣхъ), затѣмъ письма принцессы Матильды къ Мешку II (*in propria et latina Deum digne venerari posses*), сказанія о Войтехѣ, что онъ уничтожилъ въ Моравіи, Чехіи

и Ляхахъ правую вѣру и отвергнулъ русскую грамоту. Но на этихъ данныхъ, особенно на послѣднемъ трудно строить какія либо предположенія. Искусственность въ объясненіяхъ очевидна и теорія Соболевскаго стоитъ одинокой въ исторіи изученія К. Л.

Ак. Соболевскій снова возвращается къ К. Л. въ своей статьѣ „Церковно-слав. тексты моравскаго происхожденія (Рус. Фил. Вѣстникъ 1900 г. № 1—2). Въ этой статьѣ подвергается анализу цѣлый рядъ памятниковъ. Соболевскій находитъ сходство по языку между К. Л. и „Бесѣдами“ Григорія Вел. и въ виду этого, въ виду также неудовлетворительности перевода обоихъ памятниковъ заключаетъ объ единствѣ ихъ переводчика. Соображенія ак. Соболевскаго кажутся намъ далеко не убѣдительными. Признавъ „Бесѣды“ на основаніи только лексическаго матеріала памятникомъ моравскаго происхожденія, Соболев. пошелъ по ошибочному пути, сравнивая по лексическимъ даннымъ съ „Бесѣдами“ другіе памятники, въ томъ числѣ и К. Л. Выдвигая исключительно лексическій составъ памятника, С. впадаетъ въ крайность. Затѣмъ, въ частности, между „Бесѣдами“ и К. Л. нѣтъ вовсе такого сходства, о которомъ говоритъ Соб., дѣлая заключеніе объ общности переводчика. Такъ Соб. указываетъ, что въ Бесѣдахъ и К. Л. латинскій предл. **de** переведенъ черезъ отъ вм. объ (159). Просматривая употребленіе, довольно частое при томъ, предлога отъ въ К. Л. мы не замѣчаемъ ни одной ошибочной постановки вмѣсто предлога объ. И если бы даже подобная ошибка была, она не могла бы послужить основой для такого заключенія. Затѣмъ, мы находимъ разницу въ переводахъ отдѣльныхъ словъ, такъ, напр., въ Бесѣдахъ изволити въ значеніи eligere, въ К. Л. въ знач. dignari; въ знач. dignari въ Бесѣдахъ рачити; формъ какъ: поюще іесмь, родяся іестъ и т. д., т. е. вмѣстѣ съ вспомогательными глаголами мы не видимъ въ К. Л.

Вопроса объ языкѣ К. Л. коснулся мимоходомъ проф.

Ляпуновъ въ своей статьѣ, посвященной обзору жизни и трудовъ Облака (Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 96 г., а также Труды Харьк. Историко-ф. общ. 96 г.), гдѣ явился защитникомъ теоріи цѣльности языка. Проф. Ляпуновъ отрицалъ только возможность признанія мысли Гейтлера о македонскомъ происхожденіи памятника. По его мнѣнію, родиной могла быть область граничащая съ одной стороны съ чешско-моравскими говорами, съ другой — съ южными. Мнѣніе это, какъ увидимъ дальше, нашло себѣ опроверженіе въ лицѣ Ягича.

Защитникомъ мнѣнія Гейтлера выступилъ В. Щепкинъ. Въ своемъ „Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги“ онъ коснулся (особенно примѣч. 1-ое на стр. XV^{II}—XX) вопроса о К. Л. Послѣдовательное сохраненіе ѣ и ѣ Щепкинъ считаетъ не остаткомъ древнѣйшаго періода, а лишь діалектической чертой архаическаго нарѣчія. Родины г. Щепкинъ не опредѣляетъ, говоритъ о возможности мнѣнія Ляпунова и равно (особенно даже) Гейтлера и Калины. Какъ на подтвержденіе послѣдняго онъ указываетъ на примѣры виз (Софіиск.), безнадежен (тырновскій архаизмъ). О возможности возникновенія подобнаго памятника въ Македоніи можетъ, но Щепкину, свидѣтельствовать и первая страница К. Л., которая по языку и графикѣ относится къ XI ст. и представляетъ собой отрывокъ католической богослужебной книги и мѣсто изъ апостола, переведенное съ греческаго. Так. обр., заключаетъ Щ., если „въ какой-то части общеполгарской территоріи на склонѣ XI в. еще было возможно употребленіе богослужебныхъ книгъ подобнаго латино-греческаго состава, то тѣмъ возможнѣе было оно въ той же области ранѣе: въ IX в.“

Мнѣнія Ляпунова и Щепкина вызвали опроверженія со стороны Ягича. Предположеніе Ляпунова, по Ягичу (Archiv XX т. Einige Streitfragen), противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы знаемъ о расселеніи славянъ. При томъ трудно вообразить возможность существованія такого промежуточнаго говора, который бы только упомянутыми чертами сходилъ

съ чехо-моравскими говорами, а въ остальномъ съ болгарскими, если бы даже допустить возможность соприкосновенія ихъ. Теорія Япунова могла бы, какъ замѣчаетъ Ягичъ, имѣть силу еще при Копитаровской и Миклош. теоріи о паннонизмѣ: тогда легче представить себѣ существованіе такого говора. Особенно рѣзко выражается Ягичъ относительно предположеній Щепкина. Его замѣчаніе (*Zur Entstehungsgeschichte der kirch. Sprache*, I, 58) напоминаетъ болѣе раннія слова относительно теоріи Калины (*Starine* 35). Нельзя оправдать въ этомъ случаѣ крайнюю нетерпимость ак. Ягича. Правда, подобныя мнѣнія разрушаютъ тѣ теоріи, которыя связывалъ ак. Ягичъ съ теоріей о моравизмахъ К. Л., разрушаютъ ту цѣльную систему, которую онъ, напр., строитъ въ своемъ введеніи къ изданію К. и Вѣн. Л., тѣмъ не менѣе ничто не даетъ права такъ желчно относиться къ мнѣніямъ Щепкина, Калины. Уже появленіе такихъ мнѣній показываетъ, что въ господствующей теоріи есть много слабыхъ, недоказанныхъ сторонъ. И если даже попадаются промахи, ошибки въ попыткахъ разрѣшить этотъ вопросъ иными путями, то въ этихъ попыткахъ нѣтъ ничего, о чемъ бы можно было рѣзко сказать „nicht klug“ или „lapsus mentis“. Разъясняя свою теорію о морав. происх. К. Л., Ягичъ нѣсколько видоизмѣняетъ ее сравнительно съ прежнимъ и нельзя сказать, чтобы вполне удачно. По его мнѣнію теперь оказывается, что **ц** и **з** внесены составителемъ или переписчикомъ сознательно (*willkürlich., d. h. bewusst. Arch.* 20-й т., 4) вмѣсто шт и жд. Замѣна эта сдѣлана, по Ягичу, чтобы подобной уступкой чехо-моравскому языку пріобрѣсть бѣольшую симпатію къ памятникамъ, писаннымъ все же на чуждомъ языкѣ (*Wer weiss, ob nicht das mit Absicht geschah, ob nicht durch diese Concession gewissermassen die weiteren Kreise für das slavische Interesse gewonnen werden sollen. Zur Entsteh. I, 59 Sp. 58*). Относительно времени возникновенія К. Л. ак. Ягичъ считаетъ возможнымъ уже высказаться за бѣольшую древность, чѣмъ думалъ раньше, относя ихъ ко времени дѣятельности Меодія

или вскорѣ послѣ его смерти (Zur Entst. II, 34) но данныхъ для доказательства новаго своего мнѣнія не приводитъ. Поэтому правъ совершенно проф. Флоринскій, упрекая ак. Ягича за произвольное передвиженіе памятниковъ изъ одного столѣтія въ другое (Кіев. Унив. Изв. 91 г. № 4, 4). Мы не можемъ не признать искусственнымъ предположеніе ак. Ягича о сознательной замѣнѣ нѣкоторыхъ чертъ языка памятника и удержаніе многихъ другихъ, не бывшихъ въ языкѣ переводчика или переписчика. Если въ памятникахъ сербо-хорватскихъ мы встрѣчаемъ замѣну **Ѣ** черезъ **и**, наряду съ удержаніемъ **жд**, затѣмъ въ рус. Остром. Еванг. **ж** часто вмѣсто **жд** и отсутствіе **ч**, то вѣдь эти черты проводятся не такъ послѣдовательно, какъ указанные въ К. Л., а кромѣ того нужно имѣть въ виду и графическую близость **Ѣ** и **и**, **ж** и **жд**, чего нѣтъ въ ц — шт, з — ж. При переписи, напр., рождество, переписчикъ подъ вліяніемъ своего произношенія легко могъ написать — рожество и пр. Противъ мнѣнія Ягича, кажется намъ, можетъ говорить и одно наше наблюденіе, сдѣланное надъ памятникомъ, это существованіе въ немъ двухъ различныхъ почерковъ. Если предположить, что К. Л. — копія съ болѣе древняго оригинала, то слѣдовательно измѣненная сознательно первоначально черта языка оставляется въ такомъ же видѣ и дальнѣйшими переписчиками, безъ измѣненія и безъ измѣненія другихъ данныхъ памятника, несмотря на то, что нѣкоторое различіе въ переписи допускалось писцами. Если же мы предположимъ, что К. Л. сами оригиналъ, а не копія, тогда это измѣненіе сознательное станетъ еще непонятнѣе.

Къ числу особенностей чехо-словацкихъ въ К. Л. Вондракъ въ своей грамматикѣ присоединяетъ окончаніе творительнаго падежа отъ основъ на — **о**, напр., образъмъ и пр. Дѣйствительно, это окончаніе послѣдовательно проведено въ К. Л., но присутствіе его въ другихъ древнѣйшихъ церковно-слав. памятникахъ исключаетъ возможность догадки Вондрака (Die altkirchenslavische Grammatik, 154). Затѣмъ,

самъ Вондракъ совершенно справедливо опровергаетъ возникновеніе циркѣвѣ подѣ вліяніемъ чехо-моравскимъ. Кромѣ указаній аналогій въ современныхъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, дѣйствительно, нужно помнить, что въ чешскомъ языкѣ *сіrkev* позднѣйшаго происхожденія, т. к. представляетъ стяженіе *ie* (изъ *сіerkev*, Ср. *Altkirch. Grammatik*, 19). Какъ увидимъ дальше и указываемые имъ параллели изъ современнаго „русинскаго“ говора въ Венгріи къ род. и. небесъ-кѣихъ силахъ К. Л. не могутъ служить прочнымъ доказательствомъ въ пользу его теоріи.

Въ статьѣ *altslovenische Wenzetslegende und Legende v. heil. Prokop* (*Sitzungsber. d. Wien. Ak. W. ph.-h. cl.*, 1894) Вондракъ, рѣшительно называя К. Л. памятникомъ XI в., считаетъ мѣстомъ происхожденія К. Л. Карпаты, какой-л. карпатскій монастырь. Здѣсь, по его мнѣнію, должно предположить существованіе древней церковно-слав. письменности въ чистомъ ея видѣ. Вондракъ не представилъ въ этой статьѣ никакихъ положительныхъ доказательствъ своимъ всколзь высказаннымъ мнѣніямъ (стр. 39, 42, 44) о К. Л. Эти доказательства мы находимъ въ позднѣйшемъ его трудѣ — *Altkirchensl. Grammatik*, В. 1900.

Многочисленны так. обр. уже вызванныя К. Л. соображенія ученыхъ, между тѣмъ, какъ видимъ, главнѣйшіе вопросы относительноэтого памятника далекиещеотъ окончательнаго разрѣшенія.

Подводя итоги сказанному, мы можемъ замѣтить въ разрѣшеніи вопроса о родинѣ К. Л. два главныхъ направленія съ частными развѣтвленіями. Мы должны констатировать также, что нѣкоторые изслѣдователи шли ложными путями, а нѣкоторымъ пришлось прибѣгать къ искусственнымъ догадкамъ, чтобы подтвердить свою теорію. Такое же колебаніе и неопредѣленность мы замѣчаемъ и въ опредѣленіи времени происхожденія памятника.

Теперь мы перейдемъ къ языку К. Л. и посмотримъ, что дастъ намъ болѣе детальное изученіе его.

II. Языкъ Кіевскихъ глаголическихъ листковъ.

Фонетика.

На фонетическую сторону Кіев. Л. обращали большее вниманіе, чѣмъ на другія стороны этого памятника. Правда, не всѣ данныя выдвинуты и въ этомъ отношеніи, а затѣмъ и отмѣченное разными изслѣдователями не представляется сгруппированнымъ.

Употребленіе глухихъ звуковъ.

Въ употребленіи глухихъ звуковъ К. Л. считаются наиболѣе точнымъ и правильнымъ памятникомъ сравнительно съ другими древнѣйшими церк.-слав. памятниками.

Уклоненія отъ правильнаго написанія замѣчаемъ въ слѣдующихъ случаяхъ :

на стр. 7¹⁰, 22—23 — всѣхъ,

т. обр. 2 раза встрѣчается написаніе этого слова съ ѣ наряду съ правильными написаніями въ другихъ случаяхъ съ ъ :

всѣхъ 4⁵, 7⁷, 10⁷ об. 7, 8, 21—23

всего 2 об. 8—9 ; всѣ 4²²

всѣа 2 об. 8⁷ 15 ; всемогы 2¹³, 2 об. 3, 3⁷, 4², 4 об. 2, 5¹³.

Относительно написанія в_сѣхъ на б²³—б об. 1 трудно сказать что-л. опредѣленное, т. к. въ рукописи и снимкахъ невидно ъ или ѣ (въ транскрипціи у ак. Ягича — ъ). Не

считая послѣдняго случая и беря указанные выше примѣры, мы получаемъ отношеніе правильныхъ формъ къ неправильнымъ 15 : 2. Интересно въ этомъ случаѣ данныя формы сравнить съ тѣмъ, что мы находимъ въ наиболѣе правильномъ также по употребленіи **ѣ** и **ѣ** Зографскомъ Евангеліи. По подсчету ак. Ягича въ Зогр. Ев.:

всѣхъ 15 разъ,	вси 20 разъ,
всѣхъ 12 „	вси . 30 „ 1).

Эти данныя говорятъ намъ о сравнительно-позднѣйшемъ возникновеніи нѣкоторыхъ формъ Зограф. Ев. и намѣчаютъ путь, по которому развивались эти формы. Нельзя не признать, что въ формѣ всѣхъ К. Л. сказывались уже признаки „наступленія чрезвычайной ирраціональности звука **ѣ**“²⁾ и затѣмъ также вліяніе предшествовавшей согласной **ѣ**³⁾.

Въ творительн. над. един. ч. въ словѣ оплатъ встрѣчаемъ выпаденіе **ѣ**:

оплатмъ 1 об. 9, 6 об. 10, 7 19,

наряду съ правильными формами:

оплатмъ 2 об. 18, 3 24, 4 7, 4 об. 16, 6 1,

а также: всѣдмъ 7 об. 10—11,

образмъ 4 об. 18.

Окончаніе **ѣмъ** въ творит. п. ед. ч. отъ основъ — о встрѣчается въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ лишь въ нѣкоторыхъ и то какъ исключеніе. Такъ въ Маріинскомъ Ев., Ассемановомъ Ев., Glagolita Cloz. и Сав. кн. мы видимъ **омъ**, **омъ**. **ѣмъ** попадаетъ очень рѣдко (единичные случаи) въ Зограф. Ев., Псалтыри и Требникъ Синайскихъ и особенно

1) Studien über das altslov. glag. Zographos-Ev. (Arch. I).

2) Щепкинъ. Разсужденіе о яз. Сав. кн. (Извѣстія Ак. Н. по 2 отд., 98 г., стр. 1215). Тамъ же Щепкинъ отмѣчаетъ для К. Л. форму **вси**, но таковой въ нашемъ памятникѣ — нѣтъ.

3) Б. Ляпуновъ (Исслѣд. о яз. синод. списка 1-й Новгор. лѣтописи, 242).

Супрасльской рукописи (по Лескину 10 р. въ Супр. См. грамматику ц.-сл. яз. 70; по Шольвину 13 разъ въ 11 словахъ см. Beiträge). Миклошичъ въ своемъ Formenlehre относительно этихъ окончаній высказывался за древность т̣мь передъ омь, какъ и въ дательномъ множ. т̣мь передъ омъ. Противъ этого возражалъ Шольвинъ въ упомянутыхъ Beiträge..., замѣчая, что омь, омъ — окончанія болѣе употребительныя, чѣмъ т̣мь, т̣мъ для сущ. основы о, что изъ послѣднихъ окончаній нельзя вывести окончанія существительныхъ мягкихъ окон. — емь, емъ, выводимыхъ легко при признаніи первоначальности омь, омъ. Окончанія же т̣мь, т̣мъ, по Шольвину, возникали подъ вліяніемъ склоненія укового (Archiv für sl. Ph. II, 486—9). О вліяніи укового склоненія говоритъ и Лескинъ (Граммат. ц.-сл. яз. 70). Исходя изъ этой теоріи, мы должны бы въ К. Л. признать особенно сильно разившееся вліяніе укового склоненія на склоненіе основы на о. А между тѣмъ въ нашемъ памятникѣ мы находимъ во 1-хъ дательный пад. ед. ч. с̣иноу 611 — рельефный примѣръ подчиненія укового склоненія, а не вліянія, затѣмъ во 2-хъ, въ дательномъ п. множ. числа отъ народъ — народомъ 4 об. 12, почему то не подчинившееся вліянію окончанія т̣мъ. Впрочемъ, послѣднее и въ другихъ памятникахъ почти совершенно не встрѣчается (Ср. Лескинъ, 70). Послѣдовательное проведеніе окончанія т̣мь въ К. Л., присутствіе его въ другихъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ исключаетъ возможность догадки Вондрака, высказанной въ его грамматикѣ, относительно чешско-словацкаго вліянія (Die altkirch. Gramm., 154).

Указанные случаи оплатмь — безъ т̣ кажутся намъ простыми описками: доказательствомъ можетъ служить написаніе ндъ 217 гдѣ въ заголовочной строкѣ пропущено а.

Въ словѣ присньнъ мы замѣчаемъ отсутствіе ъ:

присно 56, 5 об. 10, 712, 717,

приснодѣвѣи 74—5, —ѣ 7 об. 16,

но въ этомъ случаѣ К. Л. сходны съ другими древнѣйшими памятниками, т. к. и въ послѣднихъ отмѣчается послѣдовательно пропуски **Ъ** въ такихъ словахъ, какъ приснѣ, деснѣ, гаснѣ¹⁾.

Въ К. Л. мы замѣчаемъ также опущеніе **Ъ** и **Ь** на концѣ словъ :

бе ж (него же) б₁₄-15,
исм З₁₅.

Подобные примѣры въ Зограф. Ев.: бе жнего же (Іоан. 1 глава 3 подр., См. изд. Ягича стр. 136), Маринское Ев. (Іоанна, *ibid.* изд. Ягича, стр. 314). Интересно въ этомъ случаѣ мѣсто изъ Зографскаго и Маринскаго Ев., говорящее о близкомъ родствѣ этихъ памятниковъ :

Зограф.

Марин.

Лука (22-я глава, 35 разд.)

безъ вѣлагалишта и бес	безъ вѣлагалишта и бес
пиры і бе сапогъ	пиры і бе сапогъ

Матѳ. (28, 13)

бес печали	бес печали
------------	------------

Марк. (4, 19)

бес плода	бес плода
-----------	-----------

Іоан. (14, 5)

без мене	без мене
----------	----------

и т. д.

Или въ Супрасльской рук.: иж неѣд, к неѣ, от нихъ и пр. (Ср. Vondrak. Sitzber. 91, I 124, 17, 12 и др.).

Въ Мар. Ев. безъ постоянно безъ **Ъ** (Ср. указатель при издашіи Ягича). Тамъ же встрѣчаемъ **и**, **с**, **от** и пр. Не такъ часто и въ Зограф., напр. **із** (Матѳ. IV, 4) и пр.

1) Ср. Ляпуновъ Изслѣдованіе... 82 и пр. 2-е со ссылками на Ягича (Studien über das altsl.-gl. Zogr. Ev.) и Козловскаго о языкѣ Остром. Ев., 47.

Въ параллель къ исм К. Л. можно бы поставить послѣдовательное написаніе, отмѣчаемое въ Зограф. Ев.: ис , но слово исм въ К. Л. встрѣчается въ концѣ строчки и негдѣ было написать ь . Такимъ образомъ, если мы будемъ смотрѣть на бежнего какъ на одно слово въ сознаніи писца (на что указываетъ и переходъ $\text{з} — \text{ж}$), а на исм , какъ на недописанное въ силу недостатка мѣста, то въ К. Л. нельзя, собственно говоря, отмѣтить опущеніе $\text{ъ} — \text{ь}$ на концѣ словъ, что есть, напр. уже Зограф. Евангелии, какъ мы сказали, памятникъ, сохраняющемъ „всего вѣрнѣе старое состояніе“ (Лескинъ Грам., 19). Въ К. Л. два раза мы отмѣчаемъ недописанное слово, когда даже было извѣстное для написанія пространство, это въ словѣ нашъ. См. нанімъ на стр. 3 об. 4, 24.

Переходъ и въ ь мы наблюдаемъ въ слѣд. случаяхъ:

твор. ед. чѣсть ѣ 1 об. 5, 2 2,
 милость ѣ 44—5, 4 об. 8—9, 6 13, 7 16,
 помощь ѣ 5 17,
 род. мн. заповѣды 6 об. 19,

На ряду съ этимъ мы видимъ сохраненіе и :

твор. ед. милости ѣ 2 19, 2 об. 16, 5 об. 22—23,
 милости ѣ 3 22, 6 об. 9,
 род. мн. сквръности 1 об. 14,
 люди 2 18.

Случаи перехода и въ ь мы отмѣчаемъ и въ другихъ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ. Такъ напр., въ Зографскомъ Ев.

мысль ѣ (Ев. от. Л. I, 51) и пр.

Въ Зогр. Ев., какъ отмѣчаетъ ак. Ягичъ (Мар. Ев., 435) случаевъ перехода $\text{и} — \text{ь}$ больше, чѣмъ въ Маринскомъ Ев., хотя и въ послѣднемъ таковые случаи встрѣчаются (ibid.). Въ Зограф. Ев. повидимому примѣръ аналогичный К. Л. — заповѣды въ слѣд. мѣстѣ:

іс же гла емоу ѣко прѣвѣши заповѣды
 естъ всѣхъ си прѣвѣши
 всѣхъ заповѣди (Марка XII, 29, 30).

Но, на самомъ дѣлѣ, это именительн. над. ед. ч. (Ср. Мар. Еванг.).

Подобное же въ примѣрѣ оубыство вм. оубиство (Ср. М. Ев., 435) и пр.

Проводя аналогіи въ переходѣ **и** — **ь** К. Л. съ Зогра. Мар. Ев., мы должны отмѣтить также и очень характерную разницу въ этихъ памятникахъ.

Въ Зограф. Ев. мы встрѣчаемъ:
 знаменье (Матѹ. XII, 5) и пр.

Въ Мар. Ев. :
 осѣжденье (Лука XX, 47) и пр.

Въ К. Л. имена ср. р. ед. ч. на ие имѣютъ во многихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, ударенія, слѣд. **и** — ударяемый слогъ и перехода его въ **ь** мы не наблюдаемъ :

издрѣшение 5 об. 9, спасение 5 об. 18—19 3 об. 4, из-
 бавленіѣ 4 10, очшчениѣ 3 13 и пр.

Мы не наблюдаемъ въ К. Л. перехода **ѣ** въ **ь** передъ мягкими гласными, что видимъ въ другихъ древ. ц.-сл. памятникахъ :

въ чѣсти 21, въжлюблени 5 об. 5,
 въжлюбленѣиѣ 5 3—4.

Процессъ ассимиляціи **ѣ** въ **ь** особенно наблюдается въ Сунрасльской р. Вондракъ въ своей статьѣ „Ueber einige orthogr. und lexikal. Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis“ (Sitzungsber. Wien. Ak. 91 г. т. 124), на основаніи этой черты языка дѣлаетъ очень важные, хотя и несовсѣмъ обоснованные, выводы. По одной этой чертѣ, послѣдовательно проведенной въ памятникѣ, онъ заключаетъ прежде всего объ единствѣ

писца. Насколько подобное заключеніе рискованно на основаніи одной этой черты, показываетъ нашъ памятникъ. Данныя его языка всецѣло могли бы убѣждать въ единствѣ писавшаго памятникъ, но, на самомъ дѣлѣ, оказывается иное. Затѣмъ, ассим. ѣ — ѣ Вондракъ считалъ свойственной памятникамъ древнѣйшимъ „паннонскимъ“ и, слѣдовательно, Супрасльская рук. въ этомъ отношеніи сохранила какъ бы древнѣйшія формы. Въ изданіи *Glag. Cloz.* Вондракъ подъ вліяніемъ рецензіи Облака на упомянутую статью измѣнилъ свое мнѣніе о „паннонизмѣ“ ассимиляціи ѣ — ѣ. Облакъ обратилъ вниманіе на то, что Супрасльская рук., наиболѣе преслѣдующая законы ассимиляціи, является въ то же время памятникомъ наиболѣе отступающимъ сравнительно съ другими отъ нормы „старославянскаго“ языка. Так. обр. представляется страннымъ, почему Супрасльская рук. могла сохранить въ одномъ отношеніи послѣдовательно древнѣйшую черту, если ей не соответствовала дѣйствительность (*Arch.* 15, 345—6). Облакъ стремится доказать, что черта эта была свойственна восточнымъ или сѣверо-восточнымъ болгарскимъ говорамъ. Перехода ѣ — ѣ мы не находимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ. *Kiev. L.*, замѣчаетъ Облакъ, стоящіе въ непосредственной связи съ паннонской письменностью, не даютъ такихъ случаевъ ассимиляціи, несмотря на то, что „тонко чувствительны“ (*feinführend*) въ различеніе глухихъ. Предполагать же, что подобное явленіе (ассим.) было выражено въ памятникѣ, но что затѣмъ было уничтожено переписчикомъ, нельзя, какъ думаетъ Облакъ, потому, что послѣдній въ собственномъ языкѣ не имѣлъ прочныхъ основъ для правильной постановки глухихъ, а могъ въ этомъ случаѣ лишь слѣдовать за своимъ оригиналомъ. Мы затрудняемся утверждать, что въ говорѣ писавшихъ *K. L.* не было совсѣмъ разницъ въ произношеніи ѣ передъ мягкими и твердыми. Что *K. L.* чувствительны къ замѣнѣ звуковъ подъ вліяніемъ мягкости, указываютъ приведенные примѣры безъ него, въжлюбленіи.

Постановку глухихъ въ сочетаніяхъ „согласный + плав-

ный + глухой + согласный“ мы находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ :

скврности 1 об. 14, крѣвы 26, наплненѣ 26, въплъ-
тити 2 об. 13, оутврьдѣ 2 об. 15, 6 об. 19—20, 5 об. 17,
сръцьць 2 об. 15—16, 7 об. 12, —а 5 21, дръжимъ 3 об. 6,
скръбнѣ 4 з, цръкъѣве 6 4, циркънаѣ 4 об. 17.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ старославянскихъ написаній рѣ, рь, лѣ, ль, иногда видятъ неудачное изображеніе слогообразующихъ. Въ такихъ, напр., примѣрахъ, какъ чръвь, чръвь, длѣгъ, длѣгъ слышалось, какъ предполагаютъ, ѣ и г, на что будто указываютъ нозднѣйшія замѣны — червь, долѣгъ, не такія, какъ въ словахъ — крѣвь - кровь, плѣть - плоть, въскръсь - въскресъ. Дѣло представляется, слѣдовательно, такимъ образомъ: праславянскія сочетанія ѣр, ѣл, ѣл, ѣр въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ древне-цер.-сл. яз. давали г ѣ; для графическаго обозначенія этихъ звуковъ не было средствъ, а потому и обратились къ сочетаніямъ рѣ лѣ, рь ль. Несмотря на нѣкоторую убѣдительность, эта теорія вызываетъ и извѣстныя недоумѣнія. Сочетанія, правда, могли быть близки, но не настолько, чтобы случилась въ графикѣ полная замѣна, при томъ въ такой азбукѣ, которая не выказывала особенной бѣдности въ знакахъ. Для доказательства этой теоріи приводятся нѣкоторые примѣры изъ памятниковъ древне-церк.-слав. языка (См. грамматику Лескина), главнымъ образомъ изъ Зограф. Ев. Въ послѣднемъ памятникѣ, наиболѣе точно въ передачѣ ѣ и ѣ (кромѣ К. Л., какъ мы видѣли) наибольшіе неточностей отмѣчается въ случаяхъ предполагаемыхъ слогообразующихъ. Это какъ бы указываетъ на то, что писецъ въ этомъ случаѣ не могъ провѣрять написаніе звуковыми данными. На сомнѣніе въ полной убѣдительности данной теоріи, мнѣ кажется, могутъ наводить какъ многочисленныя правильныя написанія Зограф. Еванг., упомянутыя примѣры изъ К. Л. — вполне послѣдовательно проведенныя въ написаніи, наконецъ данныя современныхъ

болгарскихъ нарѣчій. Въ болгарскихъ говорахъ глухой слышится передъ или послѣ плавнаго, при чемъ точно въ настоящее время еще не разграничено, въ какихъ послѣ, а въ какихъ передѣ и въ графикѣ мы находимъ полную непослѣдовательность. Спрашивается, почему же и въ основу древне-церковно-славянскаго языка не могъ лечь какой-ли болгарскій говоръ въ которомъ было чръвь, а не чръвь. Трудно даже предположить, что первоначально въ основу этого языка могли лечь даже такіе сл., какъ др^ъво, кр^ъвь и пр. Такіе примѣры, какъ кр^ъвь, др^ъво отмѣчены Облакомъ особенно въ Сушскомъ говорѣ (*Macedonische Studien. Sitzungsberichte Wien. Ak. 96 г., стр. 38.*). Послѣдніе примѣры приближаются къ словамъ съ г 1, но только различаются постановкой гласнаго элемента. Если отраженіе подобныхъ случаевъ можно бы еще видѣть въ Зограф. Ев. и др. древ.-ц.-сл. памятникахъ, т. к. при кр^ъвь и пр. т. е. при уменьшеніи звуковъ глухихъ легче ихъ было смѣшивать (но ни въ коемъ случаѣ к^ъръвь, т. к. тогда скорѣе было бы написаніе к^ъръвь), то подобныхъ примѣровъ нельзя отличать въ говорѣ К. Л. Правда, возраженіемъ въ этомъ случаѣ можетъ быть выставленъ небольшой размѣръ памятника.

Въ Зограф. Ев. особенно поражаютъ написанія - кр^ъ с-наряду съ кр^ъ стъ, такіе же примѣры, какъ пл^ънъ, въ К. Л. — пл^ънъ (Ср. въ Саввиной кн. больше пл^ънъ, чѣмъ пл^ънъ. Щепкинъ Разуужденіе. Извѣстія, 1228) или др^ъжати, сквр^ънити, ср^ъдъце, оутвр^ъдити могли объясняться данными разныхъ говоровъ. Лишь 2 написанія К. Л. ц^ър^ъкъ^ъве и ц^ърк^ъна^ъ служатъ нарушеніемъ извѣстной послѣдовательности, наблюдаемой въ К. Л. Но правописаніе этого слова, очевидно, ставило втупикъ писавшаго: на это указываетъ 1 разъ постановка послѣ р — ь, 2-й разъ пропускъ этого иослѣдняго знака, наконецъ само образованіе прилагательнаго ц^ърк^ъна^ъ, вм. ожд. ц^ърк^ъвъна^ъ (Или какъ въ другихъ памятникахъ ц^ърк^ъвъна^ъго). При томъ въ дру-

гихъ случаяхъ, кромѣ указаннаго присно и теперь циркъ - на ѣ, въ суффиксахъ мы находимъ ѣныѣ, напр.: вѣкоупнѣ **ѣнѣ** 215, вѣчнѣмъ 222, вѣчнѣ 31 317-18 и пр.

Разнообразныя написанія въ др. ц.-сл. памятникахъ слова церковъ находятъ себѣ откликъ и въ современныхъ южно-слав. нарѣчійхъ. Рѣдкое написаніе К. Л. соответствуетъ, напр. *ćirka* - хорватовъ - кайкавцевъ (Ср. Arch. I, 351). Въ Син. Пс. наряду съ *црѣкъвь* (233 л. 6) отмѣчаемъ *цѣрковъ* (210 л. 1). Во II Фрейз. Отр. *ćirkvaš*; въ Словахъ Гр. Бог. *циркѣвь*.

Разсмотрѣніе употребленія глухихъ звуковъ въ К. Л. приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

- 1) К. Л., являясь наиболѣе точнымъ памятникомъ въ употребленіи глухихъ звуковъ, представляютъ въ этомъ случаѣ уже и нѣкоторыя отклоненія.
- 2) Важными отличіями, характеризующими языкъ К. Л. при сравненіи съ другими др.-ц.-сл. памятниками, являются а) окончаніе твор. п. м. р. ед. ч. (отъ осн. на о) — ѣмъ, б) переходъ **и** въ **ь** въ им. ср. р. на **ие**, в) отсутствіе перехода **ѣ** въ **ь** передъ мягкими слогами.
- 3) Въ языкѣ К. Л. не было слогаобразующихъ р и л. Этихъ звуковъ, вѣроятно, не было и въ языкѣ другихъ др.-ц.-сл. памятниковъ, напр. Зограф. Ев., въ послѣднихъ могли имѣть мѣсто (и то лишь отчасти) тѣ данныя, которыя отмѣчены въ позднѣйшее время Облакомъ въ македонскихъ нарѣчійхъ.
- 4) Слово *цирѣкъве* не можетъ свидѣтельствовать о чехо-моравскомъ происхожденіи памятника, какъ думалъ, напр., Срезневскій. Кромѣ указанной аналогіи въ древнѣйш. ц.-слав. памятникахъ и современныхъ южно-слав. нарѣчійхъ, нужно помнить, что въ чешскомъ яз. *ćirkev* — *сі* — позднѣй-

шаго происхожденія, т. к. представляет стяженіе **ie** (Ср. ц.-сл. грам. Vondrak'a, 19).

Носовые гласные звуки.

Въ К. П. носовые гласные звуки употребляются вполне правильно — замѣны ихъ другими гласными или смѣшенія мы не отмѣчаемъ. Только два случая возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе:

- 1) слово **ѡѡ** твоеѡ **ѡѡ** небесьскоуѡ **ѡѡ** б об. 7-8,
- 2) рованіа **ѡѡ** прінесенѡа 1 об. 10.

Уже Срезневскій, отмѣчая первый случай, говорилъ, что въ словѣ небесьскоу **ѡѡ** вмѣсто **ѡѡ** стоитъ **оу**, т. обр. отмѣчена была замѣна носового гласнаго такая же, какая наблюдается и въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Подобное же объясненіе окончанія этого слова приводили и другіе ученые. Въ позднѣйшее время мы находимъ его, напр. у Б. М. Ляпунова, объяснявшаго замѣну здѣсь слабостью носового призвука въ суффиксальныхъ слогахъ (Др. В. Облакъ, СПБ. 96. стр. 14), или у Вондрака (Altk. Gram., стр. 19). Здѣсь скорѣе можно говорить не о замѣнѣ **ѡѡ**—**оу**, а о смѣшеніи **о**—**оу**, т. е. небесьскоуѡ **ѡѡ** стоитъ вмѣсто небесьско **ѡѡ**. А это смѣшеніе вполне естественно могло произойти, если мы будемъ помнить близость начертаній этихъ звуковъ. Въ Glagolita Clozianus, Euchol. Sin. встрѣчаемъ же мы соугобѡтѡ, соугобѡ наряду съ соугобѡбѡшѡ, соугобѡбѡ. И въ послѣднихъ случаяхъ скорѣе всего смѣшеніе начертаній, а не вліяніе болгарское, какъ то думаетъ Вондракъ (относит. Glag. Cloz.). Такимъ обр. форма небесьскоуѡ **ѡѡ** является замѣной здѣсь случайной формы небесьско **ѡѡ**, какъ встрѣчающаяся на 517-18 форма того же твор. п. — вѣчьнѡ **ѡѡ**.

Во 2-мъ случаѣ — рованіа прінесенѡа также нельзя говорить о постановкѣ **ѡѡ** вм. **ѡѡ**, вм. слѣд. рованіѡ прінесенаѡ,

производя рованіѣ отъ слова дарованіѣ соотвѣтственно латинскому *munera*. Нельзя — потому что слово это было исковеркано, и приурочено къ женскому роду, на что ясно указываетъ окончаніе прилагательнаго ѣиѧ. Въ множест. числѣ отъ им. существ. на ие въ К. Л. вин. п. имѣеть ѣ, напр. обѣцѣніѣ, издрѣшеніѣ 210; прилагат. того же падежа имѣють аѣ: милостиваѣ 28, рѣснотівнаѣ 29 и пр. Что носовой призвукъ въ суффиксальныхъ слогахъ въ К. Л. не ослабѣвалъ могутъ указать многочисленные примѣры памятника съ конечными вполне правильными окончаніями ѧ, ѡ и ѣѡ, напр.: вѣкоупнѣѡѡ 215, прѣдрагѣиѧ 26, вѣсиѧ 2 об. 8 715, твоиѧ 214, 64-5 и пр. (подробнѣе въ отдѣлѣ морфологіи).

Т. обр. по правильности употребленія носовыхъ гласныхъ К. Л. могутъ считаться первымъ памятникомъ въ сравненіи съ другими др.-ц.-сл. п.

Ѣ.

Употребленіе Ѣ въ К. Л. можетъ свидѣтельствовать, какъ мнѣ кажется, также о глубокой древности памятника. Эта черта одинаково важна съ употребленіемъ раньше разсмотрѣнныхъ начертаній (глухихъ звуковъ и носовыхъ). Лишь въ одномъ случаѣ мы видимъ замѣну Ѣ—а:

срьдѣца (вин. п. мн. ч.) 521

наряду съ два раза написанными:

срьдѣцѣ 2 об. 15-16, 7 об. 12.

Такъ какъ въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ мы видимъ форму этого слова съ окончаніемъ ца, напр. Маріинск., Зогр. Ев., Glag. Cloz. и пр. то можно бы говорить и въ этомъ случаѣ о замѣнѣ Ѣ — а благодаря, очевидно, близости звуковъ и нѣкоторомъ отвердѣніи ц. Но весьма вѣроятно, что въ К. Л. срьдѣца лишь описка: можетъ быть — подѣ влияніемъ слѣдующаго звука въ нашѣ. Говоримъ это такъ потому, что въ К. Л.

строга проводится мягкость при **ц**, **ш**, въ другихъ же памятникахъ эта мягкость исчезаетъ и отмѣчаютъ лишь ея остатки. Такія формы К. Л. какъ :

срьдць нашѣ

именъ сущ. ср. р. мягкаго склоненія, естественно, должны представляться намъ болѣе древними, чѣмъ отмѣчаемыя въ другихъ др.-ц.-слав. памятникахъ :

сръдъца ваша

Зограф. Ев., Мар. Ев. (Іоанна 16,6, Луки 16,15 и пр.) или сравн. формы Glag. Gloz. :

вьсѣ	(ср. р. мн. ч.)	423,567	(изд. Vondrak'a)
вьса	„	198,272	

Что звукъ **ѣ** К. Л. содержалъ въ себѣ элементъ **а**, на что указываютъ и другіе др.-ц.-слав. памятники, могло-бы указывать окончаніе род. п. ед. числа отъ слова **папежъ** — **папежа** 1 об. 4, каковое окончаніе **а** послѣ **ж** мы находимъ и въ другихъ памятникахъ. Но, можетъ быть, здѣсь нельзя говорить о звуковой замѣнѣ, а лишь о замѣнѣ подъ вліяніемъ аналогіи : т. е. въ силу отвердѣнія **ж** вліяніе твердаго склоненія. Мы затрудняемся также видѣть звуковой переходъ въ словѣ : **литоѣ** (предл. п.) 27. Очевидно, что окончаніе произошло подъ вліяніемъ твердыхъ основъ. Это тѣмъ болѣе допустимо, что слово иностранное : произносилось оно, можетъ быть, тверже, въ другихъ же словахъ того же склоненія въ формѣ дат. п. (предложнаго примѣровъ нѣтъ) мы видимъ **і** : **мариі** и пр. (7 17)¹⁾.

1) Мягкость выражается и въ написаніяхъ : **мѣшѣ** 2 об. 8, 3 16 и др., **обѣцѣлъ** 3 об. 11, **огриадѣцѣ** 1 об. 1, **обидѣцѣ** 2 об. 9 (пишемъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не ставя уже разнообразныхъ надстр. значковъ). Подобные случаи мягкости отмѣчаются, какъ единичные, впрочемъ, примѣры въ другихъ древнѣйшихъ ц.-сл. пам., такъ : **блисцѣнѣ**, **въсклицѣнѣмѣ** (Пс. Син.), **скончѣнѣ** (Листки Унд.), **чѣша** (Син. Тр.), ср. **Облакѣ**, Arch. XVIII, 109.

L-epentheticum.

Въ К. Л. употребляются формы исключительно съ l-epentheticum :

избавленіѣ 4 10, въжлюбленіи 5 об. 5, —нѣиѣ 5 3-4, приемлемъ 6 19 5 14, приемль 5 6, приемльце 3 12, земьскаѣ 4 23-24, —тѣихъ 5 22, прѣставленіѣ 6 5-5.

Въ другихъ древне-ц.-слав. памятникахъ мы встрѣчаемъ случаи пропуска l-epentheticum, особенно часто въ Супрасльско-й рукописи и Сав. книгѣ, т. е. памятникахъ кирилловскихъ. Вопросъ объ l-epent. въ др.-ц.-сл. памятникахъ (шести — Зограф., Glag. Cloz., Марин., Ассем., Супрасл., Сав.) довольно подробно разобранъ Вондракомъ въ статьѣ „Zur Kritik der altslov. Denkmäler“ (Sitzungsberichte d. Wien. Ak., т. 112).

Наиболѣе правильнымъ изъ 6 разобран. памятниковъ является Клоцовъ Сб. Зографское же и Ассем. Ев. являются какъ бы переходными ступенями. Сравнивая данныя Клоцова Сбор. съ выбранными примѣрами изъ К. Л., мы находимъ въ первомъ : земьскаѣ 466. Въ Маринскомъ Ев. мы находимъ земьскъ наряду съ земьскъ, въ другихъ памятникахъ чередуются земьскъ и земьнъ. Ассеман. наряду приемльж — емите, въ Сав., Зогр. емлете, въ Зограф. избавение и пр.

Вондракъ неудачно связалъ употребленіе l-ep. въ памятникахъ съ теоріей о паннонизмѣ др.-ц.-сл. яз. Въ чистомъ „паннонскомъ языкѣ“ эта черта, по Вондраку, послѣдовательно сохранялась, а затѣмъ въ позднѣйшихъ спискахъ, сдѣланныхъ уже не въ Панноніи, упрочивалась мало- по малу. Неудачность этой теоріи доказана Ягичемъ¹⁾, Облакомъ²⁾ и Щенкинымъ³⁾ и самъ Вондракъ, какъ показываетъ его позднѣйшій

1) Arch. X., 179.

2) Arch. f. sl. Ph. XVII, 457—61.

3) Извѣстія 98 г., 308—9.

трудъ — др.-ц.слав. грамматика, повидимому, отказался отъ своихъ выводовъ¹⁾).

Для насъ характерно отмѣтить прежде всего послѣдовательность данной черты въ К. Л. Въ другихъ небольшихъ памятникахъ, какъ напр. Фрейзинг. Отр., Праж. Л. мы не можемъ того отмѣтить. Въ Фрейзинг. Отр., гдѣ довольно послѣдовательно проводится *l-erenth*. (напр. *zemlo* III, 11, *prigemlioci* II, 3, *ugotovlieno* 1, 35 I, 64), встрѣчается *postavvi* вм. *postavi* II, 93 (ср. также указатель при трудѣ Вондрака и 31 стр. его изслѣдованія). Въ Пражск. Отр. наряду съ прѣполовленіе 1 А. 7 мы встрѣчаемъ прѣставленіе 1. В. 25, *земіа* 1. В. 26; *профвѣваше* II. А. 10—11.

Смягченіе зубныхъ д и т.

Зубные въ К. Л. смягчаясь переходятъ д—з, т—ц.

дазь 3 10, 4 12, 4 об. 2, 7 16, 7 об. 6; отъдазь 4 об. 10;
подазь 1 об. 5—6, 2 11, 3 7, 5 об. 18; тьзе 2 11;
толазе 2 16; томьзе 3 16, 4 1, 4 об. 7, 5 19, 5 об. 20;
такозе 4 об. 4; 6 об. 8; тоузімъ 4 об. 10—11; огриадцѣ 1 об. 1;
обидцѣ 2 об. 9; ходатаіацію 1 об. 11; чьстаце 1 об. 19, 6 об. 5;
просіаце 6 об. 6; приемліце 3 12; противіаціхъ 7 1;
помощь 6 об. 5, —ж 5 18; пица 4 об. 4; обѣцѣниѣ 2 9—9;
—ие 4 об. 23; обѣцѣль 3 об. 11; насыщені 6 23.

Эта черта языка сближаетъ нашъ памятникъ, какъ указывалось уже много разъ изслѣдователями, съ Пражскими Отрывками. Въ послѣднихъ мы находимъ:

розъсо I. В. 10; розъство I. В. 16—17; о утврѣzenie I. В. 22; п(р)ис(н)от(ек)оуц(ъ) I. А. 9; просв(ѣ)ць I. В. 2; хвалацімъ I. В. 15; обидіац II. А. 14; талацаго II. В. 15—16; насыцшаго II. В. 23.

1) Ср. особ. стр. 122.

Считая эти данные „моравизмами“, указываютъ также на слабые слѣды послѣднихъ въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Такъ, въ Маринскомъ Ев. — розьство (Мат. 14, 6 наряду съ обыкнов. рождество, рождѣство) визжь (Іоан. 20, 27, наряду съ обыкнов. виждь, виждѣ); въ Псалт. Синайск. осплаце вм. освлаце; невѣзства (стр. 57 11–12); Сборникъ Клоца розьство 877, —оу 879; порозьствоу 878 (наряду съ 4 раза рождество, 1 р. — рождѣство и 3 раза порождение); Супрасльск. рукописи — заштицаа (308,9). Хотя въ послѣднее время, напр., ак. Ягичъ уже не упоминаетъ объ этихъ случаяхъ, какъ о моравизмахъ.

Желаніе объяснять послѣдніе случаи, какъ „моравизмы“, заставляетъ прибѣгать изслѣдователей къ разнообразнымъ теоріямъ о родинѣ памятниковъ. Такъ, напр., упомянутая форма Супрасльск. рукоп. — заштицаа заставляетъ Вондрака (Gl. Cloz., 13. Ср. Облакъ. Нѣколко . . . Сборникъ отъ нар. умовъ., 17, и Arch. XIII, 246) признать, что перепись была сдѣлана на востокѣ, тамъ, гдѣ словацкіе элементы сближались съ русскими. Не возражая, въ частности, противъ этого мнѣнія, я долженъ замѣтить, что называть вообще приведенные примѣры „моравизмами“ нельзя потому, что ихъ слишкомъ мало — слѣдовательно, допустимы ошибки писцовъ, они односторонни — такъ какъ не встрѣчаемъ другихъ фонетическихъ данныхъ въ памятникахъ, объясняемыхъ также какъ „моравизмы“. Что описки или уподобленія въ иныхъ случаяхъ могли быть, это объясняетъ намъ послѣдующіе слогі: розьство, з передъ дальнѣйшимъ с и т. д. Въ этомъ случаѣ характеренъ 12 л. Клоц. Сб. (стр. 92 изд. Вондрака), гдѣ нѣсколько разъ розьство (наряду съ рождѣство, рождѣство) и ни разу не измѣняется жд въ рождаетъ.

Такимъ образомъ, нельзя установить въ этомъ случаѣ несомнѣнную связь между данными К. Л., Пр. Отр. и др. древне-ц.-слав. памятниками.

При разборѣ данныхъ случаевъ все же должны быть также приняты во вниманіе случаи, правда, единичные пере-

ходовъ **д** въ **з** въ болгарскихъ говорахъ. Въ Сухо, напр., наблюдается чужд. въ Софійскомъ округѣ виз в. вижд (Ср. Облакъ. Нѣколко . . . , 7).

Еще какъ на „моравизмы“ К. П., сближающіе этотъ памятникъ съ Пражскими Отр., указываютъ на сочетаніе **шч** в. **шт** другихъ древне-ц.-слав. памятниковъ, какъ:

зашчггг (217, 4 об. 18-19, 518, 7 об. 23);

очшченіѣ (313, —ие 5 об. 15-16).

Ср. Пр. П. В. 21 — соудишчи.

Въ данномъ переходѣ видятъ нѣкот. изслѣдователи „моравизмы“, принимая во вниманіе за основную черту даннаго вліянія переходъ **д** и **т**. Т. обр. **шч** „моравизмъ“, по ихъ мнѣнію, въ связи **з** и **ц** памятника, въ виду того, что комбинація **шч** в. **шт**, независимо отъ **ц** и **з**, встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Морфологія.

Склоненіе осн. на **о**, муж. родъ.

Твердое.

Ед. ч. И. п. подроугъ 1 об. 22, животъ 416, даръ 720, оученикъ 21, намѣстникъ 21-2, наслѣдникъ 22-3, бгъ 1 об. 2, 2 об. 10, 73.

Р. п. обѣта 3 об. 10, живота 65, 8, климента 1 об. 1, 3, 17, законника 1 об. 17-18, папежа 1 об. 4, мѣченка 1 об. 3-4, 18.

Д. п. климентоу 1 об. 12, мѣченкоу 1 об. 13, апостолоу 1 об. 20-21, петроу 1 об. 21.

В. и. даръ 2 об. 5, 23, 62, вѣсѣдъ 311, 3 об. 19, животъ 4 об. 5, плѣнъ 4 об. 12, приносъ 3 об. 1, 48-9.

Т. п. оплатмь 2 об. 18, 324, 47, 4 об. 16, хмь 23, 38, 3 об. 16, 425, 510, 5 об. 24, 620, образъмь 4 об. 19, оплатмь 1 об. 9, 6 об. 10, 719, вѣсѣдъмь 7 об. 10-11.

П. п. въсѣдѣ 2 4, 2 об. 1, 3 4, 3 об. 18, 6 21 и др., гнѣвъ
2 об. 11-12.

З. п. бже 1 об. 16, 2 6 и др.

Мн. ч. Р. п. грѣхъ 1 об. 4, 4 24, 7 об. 13, мѣченикъ 6 об. 4, 12,
7 8-9, 7 об. 19-20, анѣль 7 6, 7 об. 18, апостолъ 7 8,
7 об. 19 (сюда же и прил. непрѣзннѣ 5 9).

Д. п. народомъ 4 об. 12.

В. и. дарѣи 5 об. 2, 6 18.

Т. н. грѣхѣи 3 21, 3 об. 22, 4 3.

Мягкое скл. — твор. пад. ед. ч. отцемъ 4 об. 14-15.

Слова бгѣ, употребленное два раза, является именит. пад., почему мы и отнесли его къ им. п. На самомъ дѣлѣ мы по тексту ждали бы падежа звательнаго: Бгѣ . . . подазь. По всей вѣроятности форма эта стояла въ зависимости отъ дословнаго перевода латин. deus. Какъ увидимъ дальше, К. Л. представляютъ собой дословный переводъ и иногда несовсѣмъ въ духѣ славянской рѣчи.

Изъ падежей другихъ обращаютъ на себя вниманіе творительный единственнаго съ оконч. тѣмъ наряду въ мягкомъ емь, родительный множ. ч. съ постояннымъ значкомъ надъ тѣ, дат. пад. ед. съ иноу. И въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, впрочемъ, послѣдній примѣръ склоняется въ большинствѣ какъ основа на о.

Склоненіе основъ на о, средн. родъ.

Твердое.

Ед. ч. И. и. бальство 6 7.

Р. п. лѣта 2 об. 9, лѣкавства
5 об. 21-22.

Мягкое.

издрѣшение 5 об. 9, спа-
сение 5 об. 19.

избавленіѣ 4 10, спасеніѣ
2 об. 13, небѣтитѣ 4 17,
очішченіѣ 3 13, прѣстав-
леніѣ 6 5-6.

В. п. бальство 4 об. 21, 6 7, величество 5 12.	сѣдравіе 4 11, обѣцѣніе 4 об. 23, раздрѣшеніе 5 15, оупѣваніе 2 об. 21, съпа- сеніе 3 об. 4, очшпченіе 5 15-16.
П. п. (ц)ѣсарствѣ 4 об. 8.	въжлюбленіи 5 об. 5, мѣ- чении 2 2.
Мн. ч. Р. п. дѣлъ 2 об. 23, 3 об. 10, 5 9, 7 об. 9.	
В. п. лѣта 1 об. 1.	рованіа 1 об. 10, мѣчениѣ 1 об. 8, издрѣшеніѣ 2 10, обѣцѣніѣ 2 8-9, срьдцѣ 7 об. 12, 2 об. 15-16, срь- дца 5 21.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе формы род. пад. мн. ч. опять съ такимъ же значкомъ, какъ и въ муж. р., формы в. п. срьдца и срьдцѣ, показывающія на извѣстное колеба- ніе (если въ одномъ случаѣ, именно срьдца не описка), затѣмъ формы сред. рода разныхъ п. на ие, иѣ, и і безъ і въ ѣ. Послѣднее стояло, очевидно, въ зависимости отъ того, что **и** было ударяемо.

Склоненіе женскаго рода на **а**.

Твердое.	Мягкое.
Ед. ч. И. п. вѣра 3 14, молитва 5 об. 16, 7 14, зѣлоба 5 об. 8.	мышѣ 2 об. 8, 3 16, 4 1, 4 об. 7, 5 об. 20, 6 об. 3, 7 1, прѣ- фациѣ 3 5, 5 об. 6-7, 6 9, 1 об. 16.
Р. п. молитвѣи 7 3, фелштѣи 2 11, 15.	пѣца 4 об. 4, марніа 7 5, бѣца 7 4, мѣченица 2 7.
Д. п. приснодѣвѣ 7 16-17.	бѣи 7 16, мари 7 17.

В. п. правѣдѣ 2 об. 6, хвалѣ
7 об. 2, молитвѣ 2 об. 20,
З 18—19, 4 13, 2 22.

Т. п. слоѣ 4 об. 5—6, 1 об. 7.
славоѣ 6 об. 7.

Ш. и. литиѣ 4 7.

Мн. ч. И. п. слоужбѣи 5 3.

Р. п. силѣ 7 22, силахѣ 7 7—8,
7 об. 8, дѣвѣ 7 10, 7 21.

В. п. силѣи 3 2, 7 8, слоужь- доуша 4 12.
бѣи 2 18.

Т. п. молитвами 2 об. 3, 6 об. доунѣми 3 12—13.
13, 22.

П. п. мѣченцѣхѣ 6 об. 3,
силѣхѣ 7 1.

Литиѣ, какъ видимъ, отнесено къ склоненію твердому. Въ параллель формамъ род. п. силахѣ можно бы привести подобныя формы, попадающіяся въ древнихъ памятникахъ и современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Напр., отъ прѣвѣ ихъ разоумѣхъ (Будиловичъ, XIII словъ Гр. Богосл., 25), достойна твора та и оучастію стыхъ и постыницѣхъ (Требникъ Син., 170), приобъштити ны танахъ (Клоцовъ Сб., изд. Вондрака, стр. 46 строка 47—48) и т. д.¹⁾ Важно, что въ большинствѣ такихъ примѣровъ оконч. род. на ахѣ находится въ связи съ употребленіемъ прилагательныхъ. То же самое мы находимъ и въ К. Л. (небесьскѣихъ силахѣ), такъ что здѣсь можно видѣть влияніе близъ находящагося прилагательнаго. И для К. Л. является правильной форма силѣ, употребленная также въ соединеніи съ прилагательнымъ (тоже —

1) Ср. также указанія у Лаврова (Обзоръ звук. и ф. особ. б. яз., 181); Broch'a (Arch. f. s. Ph. XVII, 323—4).

небесьскѣихъ силъ). Характерно также, что въ формѣ силъ мы видимъ значекъ, какъ въ дѣвѣ, какъ именахъ муж. и ср. р., въ формѣ же силахъ этого значка нѣтъ. Въ этомъ отношеніи интересно также сопоставленіе род. п. прил. усѣч. непріѣзннѣ съ род. п. прил. полныхъ свѣатѣихъ и пр. Эти сопоставленія указываютъ на разницу въ произношеніи конечныхъ слоговъ.

Склоненіе на и.

Муж. р.	Жен. р.
Ед. ч. И. п.	тврѣдъ 4 об. 17, помощь 6 об. 15.
Р. п. $\bar{г}\bar{и}$ 4 об. 13, 5 об. 10.	
Д. п. $\bar{г}\bar{и}$ 6 11.	
В. п.	тварь 2 об. 10, мѣлость 6 18, чѣсть 1 об. 7, 6 об. 4—5.
Т. п. $\bar{г}\bar{м}\bar{ь}$ 1 об. 9, 15, 23, 2 об. 6, 3 8, 15, 23 и пр.	чѣстьѣ 1 об. 5, 2 20, по- мощьѣ 5 17, милостиѣ (иѣ) 2 19, 2 об. 16, 5 об. 22—23, 3 22, 6 об. 9, мѣлостьѣ 4 4—5, 4 об. 8—9.
П. п.	чѣсти 2 1, инокости 1 об. 22, исповѣди 1 об. 23, 2 1.
З. п. $\bar{г}\bar{и}$ 1 об. 10, 2 7, 3 об. 2, 8 и пр.	
Мн. ч. Р. п. люди 2 18.	сквѣрности 1 об. 14, за- повѣды 6 об. 19, зли 4 5—6.
В. п.	заповѣди 3 об. 14—15, чѣсти 7 15.
Т. п.	мысльми 3 об. 13—14, 5 4, заповѣдми 6 об. 14.

Такимъ обр. здѣсь интереснымъ представляется колебаніе между **и** и **ь** въ формахъ твор. п. милостиѣ — мѣлостьѣ

и другими форм. на **иж** и **ьж**, о чемъ мы говорили въ отдѣлѣ фонетики. То же род. п. множ. скврности и заповѣды. Форма зли отъ суц. зъль.

Склоненіе днь представлено въ двухъ падежахъ: вин. ед. днь 1 об. 1, 2 11, 2 об. 8 и вин. мн. дњи 7 15.

Склоненіе основъ на **ъв**: род. ед. крѣве 26, црѣкъѣве 64; дат. п. любѣви 3 об. 23; вин. н. любѣвь 2 об. 21; предл. п. любѣви 6 19. Въ Зогра. Ев. вин. п. любовь 3 раза (См. Шольв. Arch. f. sl. Ph. II, 524—27. Ср. 542).

Изъ основъ на согласную имѣемъ: род. ед. тѣлесе 25; вин. ед. врѣма 2 об. 6; вин. множ. тѣлеса 4 12—13; творит. мн. тѣлесѣи 3 об. 13. По подсчету Шольвина въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ форма тѣла (род. п.) употребительнѣе, чѣмъ тѣлесе (Arch. II, 539). Впрочемъ, въ Зографскомъ Ев. мы встрѣчаемъ 3 раза тѣлесе и 3 раза тѣла (Ср. стр. 543). Въ Сунрасльской же рукописи первая ф. 3 раза, 2-я -- 21 разъ.

Склоненіе ирилагательныхъ опредѣленныхъ.

Муж. р.	Сред. р.	Жен. р.
	Единственное число.	
И. п. всемогѣи 2 13.	вѣчное 6 9—10, достоиное 7 об. 3—4.	вѣсжднаѣ 5 об. 16.
Р. п. блаженаго 1 об. 3 1) свіатаго 2 5, вѣчнаго 6 8, чѣстнаго 1 об. 17.		прѣдрагѣи 2 6, блаженѣи 2 13, 7 4, небескъѣи 4 об. 3.
Д. п. блаженоумоу 1 об. 12, 20.		свіатѣи 7 об. 16, небескъѣи 3 об. 23.
В. п. свѣтѣи 3 11.		вѣкоупнѣж 2 15.

1) Одинъ примѣръ неопред. прил. чловѣчска 4 11.

муж. р.	сред. р.	женск. р.
Т. п. свѣтъимъ 4 об. 15.		вѣчноѡ 5 17-18, небесьскоуѡ 6 об. 7-8.
П. п. вѣчнѣмъ 2.		
З. п. милостивы 1 об. 6, всьеомгы 3 17, 4 2, 4 об. 2, 5 13, (—тъи) 2 об. 2-3, вѣчны 3 17-18, 4 15, 5 об. 3, 6 9-10, 1 об. 10.		

Множественное число.

И. п. достоинѣ 3 13, скръбнѣ 4 3.		
Р. п. З-хъ родовъ: свѣтъихъ 2 20, 2 об. 3-4, 7 11, 7 21, 23, 7 об. 18, 22; земельскъихъ 5 22; тьмнъихъ 5 об. 12; блаженъихъ 7 5-6, 7 об. 19; небесьскъихъ 6 об. 18, 7 7, 7 21-22; прѣподобнъихъ 7 9, 7 об. 20; чьстъихъ 7 10, 7 об. 21; праведнъихъ 7 об. 1, 10.		
Д. п. поганьскъимъ 4 об. 12-13; небеськъимъ 5 23-24. мягк. скл.: тоузимъ 4 об. 10-11.		
В. п. радостнѣи 2 21-22, достоинѣи 3 4-5, 7 об. 17-18, причастнѣи 7 об. 15-16.	млостиваѣ 2 8, рѣснотивнаѣ 2 9, вѣчнаѣ 3 6, небесьскаѣ 4 22, земльскаѣ 4 22-23, цирѣкнаѣ 4 об. 16, правдѣнаѣ 5 7-8, свѣтаѣ 5 13, мяг. вѣнѣтрнѣѣ 3 20.	небесьскѣи 3 2, 7 18.
П. п.		небесьскѣ(1)хъ 7 1-2.

Итакъ въ К. Л. мы видимъ стяженныя формы въ склоненіи прилагательныхъ. Въ этомъ отношеніи К. Л. особенно сходятся съ Клоцовымъ Сборникомъ и Пражскими Отрывками. Въ Клоцовомъ Сбор. лишь изрѣдка попадаются формы съ ааго, аего (1 разъ), ымъ (2 р.). Но съ другой стороны,

мы можемъ провести нѣкоторую аналогію здѣсь и съ другими памятниками, имѣющими формы ааго, оуоумоу, или употребляющими эти формы наряду съ аго, оумоу, омоу. Дѣло въ томъ, что надъ стяженными формами прилагательныхъ въ К. Л. иногда поставлены значки, въ которыхъ мы видимъ обозначеніе долготы (См. объ этомъ въ I вып. работы о К. Л.). Слѣдовательно, въ ф. чьстнаго мы видимъ отчасти то же своего рода чьстнааго, въ ф. блаженоумоу — блаженоуоумоу и нр. Интересенъ въ этомъ случаѣ примѣръ въเสมอгъи: писецъ поставилъ здѣсь по ошибкѣ ѣи и потому сейчасъ же дополнилъ еще і. Этотъ примѣръ можетъ исполнѣ освѣщать ироизношеніе такихъ ф., какъ млостивъи и пр.

Въ окончаніяхъ причастныхъ формъ мы также иногда видимъ постановку значка, какъ въ прилагательныхъ (см. Пв.).

Прич. дѣйств. и ср. з. настоящ. вр: ходатаацю 1 об. 11 (дат. ед. м. р.); приѣмлѣце 3 12, просіаце 6 об. 1, чьстіаце 1 об. 19, 6 об. 5 (им. п. мн. ч. м. р.); противіацѣхъ 6 об. 11 (род. мн.); огриадѣцѣ 1 об. 2, обидѣцѣ 2 об. 9 (вин. п. мн. ч. ср. р.).

Прич. дѣйств. и ср. з. прошедш. вр.: въсхотѣвъ 2 об. 15—16 (м. р. им. п.); отпадѣша 4 19 (вин. п. мн. ч. м. р.).

Прич. прош. на лѣ (въ фор. прошедш. изъяв.): принеслѣ 4 об. 23, далѣ 6 3, сѣтворилѣ 6 3—4 и пр.

Прич. страд. зал. прош. вр.: принесены 3 об. 1, 4 9, 6 2, 6 об. 11 (винит. п.) 7 20 (им. п. ед. ч. м. р.); на-нльнені 2 6, насъицені 6 23 (им. п. мн. ч. м. р.); възятѣимь 7 об. 11—12 (твор. ед. м. р.); въжлюбленѣиа 5 3—4 (им. мн. ч. ж. р.).

Къ слову рованиа отнесено прич. принесенѣиа 1 об. 10, по окончаію вин. и. мн. ч. ж. р. Очевидно, само слово существительное было понято не какъ дарованіе.

Интересно здѣсь сравнить формы принесены (имен. и вин. п. ед. ч.) и принесенѣиѧ (вин. п. мн. ч.). Орфографич. разница окончаній указываетъ здѣсь, какъ и въ прилагательныхъ, на разницу звуковую.

Мѣстоименія.

Изъ мѣстоим. на **о** имѣемъ: самъ 2 об. 4, 4 23, 5 16—17, 5 об. 11—12, то 6 8, род. самого 6 17, то(г)о 4 об. 21—22, тоѧзе 2 16, тѣзе (вин.), томъзе 3 16, 4 1, 4 об. 7, 5 19, 5 об. 20 (иредл.), тѣмъже 6 17 (твор.), такъже 5 4, тѣкъже 5 2 (им. мн.), 5 об. 2 (вин. мн.).

Изъ склоненія мѣстоименій на **ю** отмѣтимъ лишь слѣд.: род. п. отъ и же — егоже 1 об. 6 и негоже 6 15; твор. п. имъже; соотвѣтственно послѣднему примѣру отъ съ — симъ 7 об. 11, симъ 1 об. 13. Интересно употребленіе съ: оно имѣетъ форму съ 2 об. 23, 7 20, съ 4 9, сы 6 2 (имен. пад.), сы 3 об. 1 (вин. п.). Мѣстоименіе это употребляется здѣсь так. обр. въ опредѣленной и неопредѣленной формѣ, при чемъ въ неопредѣленной ф. съ стоитъ послѣ того слова, къ которому относится (даръ съ 2 об. 23, 7 20), а въ опредѣленномъ — передъ (сы даръ 6 2, сы приносъ 3 об. 1). Если мы обратимся къ другимъ ц.-слав. памятникамъ, напр., Зограф., Мар. Ев., то здѣсь увидимъ такіе примѣры — въ съ вѣкъ (Мат., XII. 32), образъ съ (Марка 12—16 въ Маріин.), образосъ (Зограф.) и пр. Слѣдовательно, такого разграниченія, какъ въ К. Л., не найдемъ.

Примѣровъ склоненія нашъ, твоі, своі не отмѣчаемъ, т. к. здѣсь не представляется ничего особенно характернаго. Отмѣтимъ лишь формы со значками: твоеіѧ 2 14 (ж. р. род. п. ед. ч.), своѣѧ 2 об. 10 (ж. р. вин. п.), твоѣѧ 7 16 (твор. п. ж. р.), нашімъ 3 8, —имъ 3 об. 17, 5 об. 15 (твор. ед.), твоіхъ 7 6, 7 об. 22 (род. мн.), нашіѣ 2 об. 16 (вин. п. ср. р. мн. ч.), твоіѧ (вин. п. ж. р. мн. ч.).

То же относительно всьъ: всьѣ 4 22 (сред. р. им. п. мн. ч.), всьѣхъ 7 7, 7 и др. (род. и пред.).

Отмѣчаемъ ничьсоже 6 15—16 (ничьсоже сътворитї). Подобную же форму мы имѣемъ и въ другихъ древнѣйш. ц.-сл. памятникахъ, но уже иногда съ замѣной ъ—е. Такъ въ Зограф. Ев. чесо чаще, чѣмъ чьсо, ничесоже, чаще, чѣмъ ничьсоже; въ Ассем. и Сав. исключительно чесо и ничесоже; въ Супр. чьсо чередуется съ чесо, чсо, ч'сого, ничьсоже, нич'соже, ничьсоже, ничесоже, ничсоже (Ср. примѣры, выбр. у Шольвина, Beiträge 559—660).

Изъ личныхъ мѣстоименій отмѣчаемъ съ удареніями: тѣбе 3 об. 6 (род. п.), тѣбѣ 2 об. 24 и др. (дат. п.), нѣи 4 об. 20, нѣи 5 14, 6 7, 7 14 (им. п.), насъ 4 об. 11, 3 14 (род. и пр.), намъ 2 12, 2 об. 15 и др. (дат.), нѣи 2 17, 21 и др. (вин.).

Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій мы отмѣчаемъ также употребленіе въ винит. пад. множ. числа нѣи и насъ (нѣи 2 17, 21, 20, 5 об. 17, 6 14 и пр.; насъ 2 6, 5 об. 9), при чемъ насъ только 2 раза, а нѣи около 24 разъ. Слѣдовательно здѣсь начало проникновенія одного падежа въ область другого. При чемъ въ этихъ примѣрахъ съ насъ вм. нѣи мы не отмѣчаемъ какой-л. особой выразительности, каковой объясняютъ причины подобныхъ замѣнъ (Ср. Мюлленбахъ объ употребленіи родит. п. вмѣсто винительн. Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г., IV т., 1195). Въ К. Л. мы не найдемъ также подтвержденія того мнѣнія, что подобная замѣна случилась раньше въ единственномъ числѣ (мене, тебе, себе вм. ма, та, са Ср. *ibid.* 1209), т. к. въ К. Л. 17 разъ употреблено та и ни разу тебе въ значеніи винит. падежа. Особой „выразительности“ мы не встрѣтимъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ, въ случаѣ употребленія формы родит. вм. винительнаго, напр. изъ Клоцова Сб.: кѣто насъ разлѣчитъ (Изв. Вондр. II, 11), насъ изгнавшѣхъ (II, 59—60), нѣи обогатитъ (I, 41—42) и пр.

Обращаемъ вниманіе особенно на нѣи имен. п. мн. ч.:

въ К. Л. нѣтъ мѣи, какъ въ др. памятникахъ. Въ Сборн. Клоца мы отмѣчаемъ только разъ ни I, 58—59 (ни сокровиште раскопаваемъ), наряду съ 3 раза унотр. мы I 26—27, 49, 53. Если принять во вниманіе, что въ нѣкот. случаяхъ въ Кл. Сб. смѣшивается ты и I, напр. несъмыслѣни вм. —ны I (зват. п., I, 18), то можно думать, что и мѣст. ни вм. ны I. 2 раза ны I встрѣчается въ Добромировомъ Ев. (См. изд. Ягича Ев. Dobr. Sitzungsber. W. Ak., т. 138, 9). Так. обр. говорить о вліяніи на ф. ны I К. Л. латинскаго мѣстоименія nos, какъ дѣлалъ это Коляржъ (Čas. M. Kř. S., 78, III), конечно, невозможно. Форма эта была отзвукомъ существовавшей въ рѣчи, какъ, напр., современное болг. ни, ние.

Глаголы.

Въ формахъ спряженія глагола мы отмѣчаемъ лишь слѣдующее. Настоящее время выражается, напр., въ подобн. формахъ: веселіши, достоятъ, чьстимъ, соушіатъ, сѣхтъ; повел. накл.: подазь, свіати, обьемемъ, бѣдѣ (5 16). Послѣдній единич. примѣръ представляется характернымъ для 3-го лица множ. ч. — эта форма безъ тѣ.

Въ памятникѣ видимъ употребленіе аориста и прошедшаго сложнаго. И что особенно замѣчательно: аористъ употребляется главнымъ образомъ въ 3-мъ лицѣ ед. числа, а прошедшее сложное во 2-мъ. Разницы по значенію не замѣчаемъ. Такъ, аор.: заклепе, помилова и пр. Только одинъ примѣръ: изволі 2 об. 12 собственно 2-е лицо, но дѣло въ томъ, что обращеніе здѣсь поставлено въ именит. п. бѣ, затѣмъ слѣдуетъ I же, такъ что въ сознашіи нисавшаго 2 и 3 лица какъ то сливались. На 7 глаголовъ въ формѣ аориста приходится 10 примѣровъ прошедшаго сложнаго во 2-мъ лицѣ единств. числа и 1 пр. перваго лица множ. ч. Такъ, еси обѣцѣлъ, посълалъ и пр. При чемъ вспомогательный глаголъ въ 2-хъ случаяхъ стоитъ впереди, въ остальныхъ — сзади.

Въ примѣненіи разныхъ формъ для выраженія лишь разныхъ лицъ и именно въ примѣненіи прошедшаго сложнаго съ вспомогательнымъ глаголомъ ко 2-му лицу сказалось, можетъ быть, стремленіе къ болѣе выразительности. И въ другихъ древне-ц.-слав. памятникахъ, напр., въ Зогр., Мар. Ев., мы наблюдаемъ, что 2-лицо прошедшаго времени выражается прошедш. сложнымъ преимущественно передъ аористомъ.

Если мы сгруппируемъ наши наблюденія надъ памятникомъ, то насъ, несомнѣнно, должна поразить цѣльность языка его. Эта цѣльность обнаруживается особенно изъ тѣхъ сравненій, которыя приходилось намъ дѣлать съ другими памятниками. Въ немъ, нѣтъ, напр., какого-то колебанія въ передачѣ словъ съ *l-epentheticum*, формы прилагательныхъ отличаются замѣчательной также послѣдовательностью: въ нихъ не наблюдается разнообразія, какъ въ другихъ памятникахъ. Наряду съ совершенно правильнымъ употребленіемъ носовыхъ гласныхъ въ К. Л. замѣчаются уже нѣкоторыя отклоненія отъ правильнаго употребленія глухихъ. И эти отклоненія являлись отзвуками живой рѣчи писавшихъ. Въ языкѣ К. Л. были отличія, какъ мы видѣли, отъ языка другихъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ не только тѣ, о которыхъ писали раньше, но и другія. И отличія опять-таки говорятъ за цѣльность языка памятника.

Лексика.

Лексическому матеріалу, конечно, должно отводить также одно изъ важныхъ мѣстъ при изученіи памятника. Этимъ объясняется въ настоящее время тотъ интересъ, который возбуждаютъ памятники именно съ этой стороны, т. к. лексика лишь иногда возможность опредѣлить отношеніе извѣстнаго памятника къ ряду другихъ: лексика труднѣе вообще поддается измѣненію, чѣмъ фонетика и морфологія. Исторія

изученія древне-ц.-сл. памятниковъ со стороны ихъ лексического состава показываетъ, впрочемъ, насколько шатки были иногда мнѣнія ученыхъ, стремившихся на основаніи нѣкоторыхъ лексическихъ особенностей разрѣшать разнообразные вопросы. Лексика памятниковъ требуетъ такой же детальной разработки, какой подвергались въ памятникахъ фонетика и морфологія. И ее не должно отрывать отъ этихъ послѣднихъ и ставить въ какое-то вполнѣ самостоятельное мѣсто.

Прежде всего въ лексическомъ составѣ К. Л. поражаетъ въ словахъ заимствованныхъ присутствіе заимствованія не только изъ латинскаго, но и изъ греческаго: мѣша, оплатъ, прѣфациѣ — съ одной стороны, съ другой — литиѣ. Очевидно, въ сознаніи переводчика носился знакомый уже терминъ, имѣвшій своимъ источникомъ греч. *λιτή* и имъ то этотъ переводчикъ и передалъ латинское слово. Любопытную аналогію словамъ мѣша и литиѣ можно привести изъ извѣстнаго Евангелія Мирослава, памятника сербской редакціи, 12 вѣка. Здѣсь десять разъ встрѣчается слово мѣша и шесть литоргиа (соб. лито^р, ли^{тр}, лто^р). Слово мѣша въ Миросл. Ев. свидѣтельствуетъ т. обр. о своемъ позднѣйшемъ проникновеніи, какъ высказываетъ это въ предисловіи къ извѣстному изданію памятника ак. Стояновичъ, и, можетъ быть, объ одновременномъ существованіи затѣмъ въ языкѣ наряду съ терминомъ, заимствованнымъ изъ греческаго. Съ другой стороны Еванг. Мир. показываетъ въ этомъ случаѣ, что считать мѣша словомъ характеристичнымъ только для „паннонской“ эпохи или въ иной огласовкѣ для дальнѣйшихъ хорватскихъ памятниковъ нельзя. Так. обр. я не вижу здѣсь проявленія „паннонскаго консерватизма“, какъ выражается относительно текста этого памятника ак. Ягичъ (*Zur Entst.* II, 59).

Латинск. слово *oblata* или оставляется въ формѣ оплатъ или переводится словомъ приносъ. Прежде всего характерно въ написаніи оплатъ п, передающее лат. в. Слово,

очевидно, написано такъ какъ оно произносилось славяниномъ (ср. польск. *oplatek*). Слова *оплатъ* и *приносъ* могутъ намъ свободно указывать, какимъ образомъ возникаютъ въ одномъ и томъ же памятникѣ два слова для выраженія одного понятія — одно слово славянское, другое непереведенное, иностранное (здѣсь, впрочемъ, уже съ извѣстной новой звуковой окраской). Подобные же случаи мы находимъ и въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Такъ, въ Клоцовомъ Сборникѣ акрогониен (776, изд. Вондр.) — *жгъленъ* (868) и пр. Эти примѣры могутъ указывать, что подобные дублиеты могли возникать не какъ замѣны послѣдовавшія для улучшенія (Ср. Облакъ, *Arch. f. sl. Ph.* XО, 350—1) а одновременно, въ одномъ и томъ же памятникѣ.

Наряду съ мѣша паннонизмомъ считается рѣснота. Слово это въ К. Л. имѣется въ формахъ *рѣснотівьнаѣ* 29 и *върѣснѣ сіа* 5 об. 8.

„Рѣснота“, какъ замѣчаетъ Облакъ (Нѣколко бѣлѣжки . . . 14—15. Ср. *Zur Würd.*, 381), слово чуждое болгарско-македонской почвѣ. Но это слово употребляется и въ хорват. служебникѣ Новака, Карпинскомъ Ев., Синайск. Пс. и др. Паннонскимъ считаетъ это слово и Ягичъ (*Zur Entstehungsg.* II, 58), Но какъ могло оно тогда попасть въ К. Л. — развѣ также на мѣрсно было введено въ текстъ вмѣсто истиннѣ, какъ то было съ *з* и *ц*, по Ягичу, вмѣсто *жд* и *шт*? Облакъ считаетъ слова *рѣснота* и *истина* дублиетами возникшими еще въ памятникахъ паннонскихъ и проводитъ въ этомъ случаѣ параллель съ такими словами, какъ *власвиѣма-хоула*. Но здѣсь нѣсколько невѣрное сравненіе: въ послѣднемъ случаѣ одно изъ словъ представляется непереведеннымъ греческимъ. Да и какъ поставить на одну линію слова „рѣснота“ и „истина“ въ этомъ случаѣ. Если „рѣснота“ слово несуществовавшее на болгаро-макед. почвѣ, то слѣдовательно оно было внесено позже, на почвѣ паннонской. Слѣдовательно, становясь на такую точку зрѣнія нельзя здѣсь говорить объ этихъ словахъ, какъ о равноправныхъ дублиетахъ.

Интересна ф. тоузімъ 4 об. 10—11. Слово это можетъ быть поставлено въ параллель съ ф. тоуждъ, находящейся въ древнихъ ц.-слав. памятникахъ. Впрочемъ, въ послѣднихъ относительно употребленія этого слова замѣчается нѣкоторое колебаніе: наряду съ болѣе употребительнымъ тоуждъ мы видимъ и ф. штоуждъ. Если обратимся къ современнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, то въ болгарскомъ увидимъ наряду съ формами чуждъ, чужденецъ (Дювернуа, Словарь б. яз. 2569), чуздинакъ (2570), чуздински (2570), туѣина (2389), тугинъ, туги (2388), въ сербскомъ туѣ (Карадж., 753), слов. *tuj* (Pleternik Slov.-nem sl. II, 701), въ русскомъ — чужой, польск. — *czuzy*, чешск. *szí*. Такимъ образомъ не только сопоставленіе штоуждъ съ готскимъ *thluda* (какъ думаетъ Вондракъ *Zur Kritik*, 775), но и сличенія съ русскими, польскими и чешскими и отчасти болгарскими формами этого слова указываютъ на его первоначальность. Характерно, что К. Л. примыкаютъ въ этомъ случаѣ къ памятникамъ, гдѣ форма этого слова носитъ южнославянскую окраску.

Въ употребленіи словъ животъ, небесьскъ, раді, считающимися болѣе древними сравнительно съ жизнь, небесьнъ, дѣльма, дѣля, радьма, К. Л. сходятся съ другими д.-ц.-сл. памятниками, особенно съ Зографск. и Мар. Евангеліями. Такъ Зограф. Ев. знаетъ только животъ, тоже Маринское Ев. Въ К. Л. попадаетъ слово животъ въ раз. ф. 5 разъ (а не 2 раза, какъ находимъ указаніе у Вондрака *Altslov. Studien, Sitz.-B W. Ak. 122 т. 10*).

То же можно сказать относительно словъ: бальство 4 об. 21, 67, цѣсарітъ 4 об. 14, цѣсарьствѣ 4 об. 8, не-пріѣзнинъ 59, папежа 1 об. 4, поганьскѣимъ 4 об. 12—13, законьника 1 об. 17—18, жѣдаемъ 36—7.

Здѣсь мы встрѣчаемъ слово вѣсемогоу 2 об. 2—3, 317 и др., считаемое обыкновенно нереводомъ лат. *omnipotens*. Подобную форму (*vsemogou*) мы видимъ въ Фрейзинг. отрывкахъ. Въ послѣднемъ памятникѣ находимъ *česti* въ томъ

же значеніи, какъ чѣсть 1 об. 7 К. II. (праздникъ). Интересно, что въ Фр. Отр. для анѣлъ (К. II. 78, 7 об. 18) слав. слово *krilatec*, а для апостолау 1 об. 20—21 — *sel*. Подчеркиваемъ здѣсь характерную окраску въ передачѣ слова анѣлъ (дѣръ). Раньше уже отмѣчено слово литиѣ (*λιτή*), соотвѣтствующее — латинскому *supplicatio*.

Интересно часто встрѣчающееся слово въ сѣдѣ. Слово это до сихъ поръ не объяснено. Срезневскій ставитъ надъ нимъ знакъ вопроса. Ягичъ почему то замѣчаетъ, что правильнѣе была бы форма въ сѣдѣ (*Zur Entstehungsgesch.*, II, 64). Намъ кажется наоборотъ, а именно правильнѣе такъ, какъ пишется въ К. II., т. е. въ сѣдѣ. Въ основѣ этого слова несомнѣнно лежитъ сѣдѣ. Понятно, почему основное понятіе этого слова могло соотвѣтствовать современ. нашему слову причастіе или древн. брашньце. Слѣдовательно, былъ уже славянскій терминъ для передачи лат. слов. *commissio*, которое въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, какъ извѣстно, передавалось словами комъканіе. Въ совр. словен. существуетъ слово *visud*. Правда, это слово предполагаетъ оусѣдѣ, оусѣдити (Ср. Миклошича, *Lexicon palaeosl.*, 1073). Наряду съ послѣднимъ можно предположить и существованіе слова въ сѣдити (Ср., Микл., *ibid.*, 112). Представляется, впрочемъ, воирсомъ, не есть ли въ здѣсь замѣна этого оу? Наводитъ на эту мысль упомянутое ранѣе слово въ рѣсн са. Въ другихъ памятникахъ мы не видимъ этого слова съ приставкой въ, а съ оу: оурѣсьнити (Ср. Миклошичъ, *Lexicon*, 1063).

Изъ двухъ синонимовъ обидѣцѣ 2 об. 9 и оградѣцѣ 1 об. 2 рѣдкимъ по употребленіи является послѣдній. Такъ его мы не имѣемъ совсѣмъ въ *Lexicon*'ѣ Миклошича.

Къ рѣдкимъ словамъ относится инокость (—1 об. 21—22).

Характеръ перевода.

Переводъ дѣлался дословный. Мѣстами текстъ не особенно ясенъ и, вѣроятно, не все было понятно и переводившему. Дословность перевода видна прежде всего изъ крайне неудобной мѣстами разстановки словъ, не соответствовавшей строю славянской рѣчи. Дословность перевода сказывается съ самаго начала: лат. *Beus*, употр. въ значеніи звательнаго падежа переводится именительнымъ бѣ, а сказуемое поставлено во 2-мъ лицѣ. На неточности, неясности перевода обратилъ вниманіе уже ак. Срезневскій.

Если оригиналомъ для перевода служилъ текстъ, подобный тѣмъ отрывкамъ, что находимъ у ак. Срезневскаго и ак. Ягича, то можно сказать, что переводчикъ не особенно хорошо зналъ латинскій языкъ. Такъ, на 1 л. об., строки 14—15 „отъ грѣхъ скверности нашихъ“ — „a peccatorum postorum maculis“, прежде всего могли бы это показывать. Ак. Срезневскій указываетъ на нелѣпность этого мѣста, т. к. должно было быть „отъ скверности нашихъ грѣхъ“. Впрочемъ, сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторую поправку къ этому заключенію ак. Срезневскаго: переводъ могъ быть сдѣланъ невѣрно, между тѣмъ онъ былъ понятенъ для переводчика. Къ этому заключенію приводитъ насъ одно мѣсто, подобное указанному, въ рукописномъ служебникѣ 14 вѣка (Вѣнск. Придв. Библиот. № 4): „отъ грѣхъ нашихъ сквернь очисти“ (184 об.).

Параллельное мѣсто въ Миссалѣ Новака „отъ грѣхъ нашихъ и сквернь очисти“ (230 об.) говоритъ о нѣсколько иной редакціи. Правда, можно говорить о пропускѣ и въ предыдущихъ или объ извѣстномъ осмысленіи въ послѣднемъ памятникѣ.

И слѣдующее мѣсто можно отчасти объяснить подобно предыдущему и найти ему извѣстное осмысленіе:

да еже милостиваѣ общѣннѣ носимъ рѣнотивнаѣ
издрѣшениѣ объемъ.

Какъ показываетъ сравненіе съ соотвѣтственными мѣстами Миссала Новака и рукописнаго служебника 14 в Вѣнск. Пр. б., а также съ тѣмъ латинскимъ текстомъ, который имѣется (Ср. 4 прим. въ изд. Ягича, на стр. 55) переводъ сдѣланъ былъ невѣрно. Приводимъ мѣсто это изъ служебника (184 об.):

да еже чистимъ обѣтомъ творимъ. истин'нимъ оку-^т
пленіемъ да примемъ.

Къ совершенно невѣрнымъ переводамъ относится слѣдующее, напр., мѣсто: **Ѣ**же еси образъмъ своимъ оуподобилъ (4 об. 19—20).

Переводъ, мнѣ кажется, дѣлался однимъ лицомъ. Въ этомъ убѣждаютъ не только извѣстнаго рода однообразіе перевода, на которомъ отразилось, конечно, и стремленіе къ дословности, но и однообразныя ошибки, проистекшія отъ непонятыхъ оборотовъ (напр. бѣ вм. бже — лат. deus. Ср. перев. 1 в 2, 2 в 10, 7 з). Затѣмъ можно предположить, что первому писцу этотъ переводъ диктовался, на что указываетъ такой примѣръ, какъ р о в а н и а п р и н е с е н ѣ и а — примѣръ совершенно непонятный при перепискѣ или переводѣ писавшимъ.

Изъ синтаксиса памятника.

Дословный переводъ сказался и на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ соединеніяхъ словъ. Такъ: скръбни грѣхѣи нашми могло быть въ полной зависимости отъ подоб. латин. выр. *reccatis nostris contristati*. Впрочемъ, дословность перевода коснулась глав. обр. общаго строя памятника, не отразившись такъ на частностяхъ. Въ К. Л. мы видимъ употребленіе оборотовъ, свойственныхъ вообще древнѣйшимъ ц.-сл. памят-

никамъ. Такъ здѣсь мы встрѣчаемъ: вин. п. времени — лѣта огрѣдѣ; дат. са мост. — ходатаѣцю бл. климентоу; мѣстный п. безъ предл.: цѣсарьствѣ; соедин. гл. хотѣти съ дат. пад., насѣтити — съ род. п., призвѣти — съ предл. на.

Ак. Ягичъ (Zur Entst., II, 80—81) указываетъ на употреб. въ К. Л. дат. п. принадлежности, имѣя въ виду гл. обр. примѣръ: „не обрати насъ въ плѣнъ народомъ поганьскѣимъ“. Здѣсь, однако, дательный мы скорѣе отнесемъ къ глаголу и т. обр. здѣсь нѣтъ дат. принадл., что подтверждаютъ и другіе случаи съ род. падежемъ.

Вообще со стороны синтаксиса К. Л. не представляютъ какихъ-либо важныхъ особенностей сравнительно съ другими др. ц. сл. памятниками. Сама несложность содержанія памятника, является, конечно, одной изъ причинъ, почему со стороны синтаксиса К. Л. не представляютъ особенно любопытнаго матеріала.

1 страница К. Л., которую мы не затрогивали здѣсь, и по языку принадлежитъ иному времени и иному мѣсту. Въ этомъ случаѣ совершенно правъ ак. Ягичъ (Glag., 57), когда относится совершенно отрицательно къ мнѣнію Гейтлера (Wie alban., 185), видящаго здѣсь лишь разницу почерковъ съ послѣд. страницами. Употребленіе одного глухого (тъ), потеря основнаго значенія носовыхъ гласи. (сѣмънѣниѣ, отчасти и оуп(тъва)анцаа, гдѣ собственно смѣшеніе носовыхъ гл.), употребленіе жд, щ въ извѣстныхъ случаяхъ — говорятъ уже объ огромной разницѣ въ языкѣ 1-й с. и остальныхъ стр. К. Л.

Связь текста (молитвы Пр. Вог.) съ западомъ составляетъ ак. Ягича говорить вообще о „римско-латинскомъ“ характерѣ 1-й страницы К. Л. Почему онъ и рѣшается отнести происхожденіе этой страницы къ Хорватіи, къ концу

XI или нач. XII вѣка, при чемъ не отрицаетъ возможности связи отрывка изъ дѣяній апост. съ древнѣйшимъ переводомъ. Къ этому мы еще замѣтимъ, что этотъ отрывокъ, очевидно, переписанъ: здѣсь есть характерное написаніе (с)тоуждего¹⁾, с написано, затѣмъ полузатерто — получается т. обр. какъ бы написаніе оригинала, переписанное первоначально, а затѣмъ исправленные въ духѣ языка писавшаго. Затѣмъ обращаю вниманіе на поставитѣи вм. поставити: здѣсь очевидное указаніе на произношеніе **ѣи** какъ **и**.

1) У Ягича ошибочно (с)тоуждего.

III. Можно ли ставить К. Л. наряду съ Пражскими Отрывками ?

К. Л. ставятся обыкновенно наряду съ Пражскими Отрывками¹⁾. Оба памятника считаются нѣкоторыми учеными будто бы одинаковыми представителями такъ называемой западно-слав. редакціи. Если всмотрѣться глубже, то, намъ кажется, нельзя сопоставлять такъ эти памятники — нельзя ихъ сблизить совершенно, считая возникшими почти въ одно и то же время или отдѣлить какимъ либо столѣтіемъ. Въ особенностяхъ палеографіи и языка данныхъ памятниковъ можно найти также

1) Праж. гл. Отр., (2 л., одинъ изъ нихъ палимпсестъ) содержащія церковн. пѣснопѣнія по восточному обряду, открыты были въ 1855 г. проф. Гефлеромъ на переплетѣ одной латинской рукописи и изданы имъ и Шафарикомъ въ 1857 г. Факсимиле 3 страницъ при изд. являются очень цѣнными въ настоящее время въ виду того, что памятникъ этотъ, нужно думать, нѣсколько утратилъ тотъ видъ, который былъ при открытіи. Но въ то же время можно съ увѣренностью сказать, что обликъ его не былъ совершенно такой, какой получается на таблицахъ Шафарика. Это своего рода „идеализированные“ Пражск. Отрывки. Съ одной стороны это, съ другой, то обстоятельство, что факсимиле иной разъ не совсѣмъ точно воспроизводитъ начертанія заставляетъ признать необходимыми новое изданіе Пр. Отр., но уже путемъ фотографіи. Подобныя снимки уже сдѣланы по моему заказу въ извѣстн. специальн. фот. заведеніи Виліма въ Прагъ и вышли, какъ показало сличеніе съ рукописью, очень удачными. И между тѣмъ, какая разница между этими снимками, совершенно мѣстами неясными, и свѣтлыми, ясными таблицами Шафарика.

указаніе на разницу въ исторіи возникновенія того и другого памятника.

Въ языкѣ Пр. Отр. мы не находимъ такой цѣльности, какъ въ К. Л. Будемъ ли мы считать К. Л. памятникомъ отдѣльнаго какого-то нарѣчія или памятникомъ, въ которомъ лишь отдѣльныя черты намѣрено измѣнены, мы все равно не можемъ поставить его на одну линію съ Пр. Отр., представляющими извѣстнаго рода неустановленность, разныя наслоенія въ языкѣ.

Первый изслѣдователь Пр. Отр. Шафарикъ относилъ время возникновенія памятника къ 862—950 гг. (Glagol. Fragmente, 61; въ другомъ своемъ изслѣд. Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glag., см. рус. перев. Чт. М. Общ. И. и Д. 60 г. № 4, стр. 11, 14, частнѣе опредѣлялъ — къ времени молодости св. Вячеслава, умершаго въ 935 г.). Шафарикъ не зналъ К. Л., которые сдѣлались извѣстны позже. И если бы онъ зналъ разбираемый нами памятникъ, то врядъ ли онъ отнесъ бы къ такому раннему времени Пр. Отр. Страннымъ кажется, какъ могъ въ новѣйшее время Вондракъ (Altsl. Studien, Sitzungsb. d. W. Ak. W., ph-hist., т. 122, 78—80) высказывать почти подобное же мнѣніе. Правда, Вондракъ въ нѣсколько болѣе позднемъ своемъ трудѣ (Zur Würd. d. altsl. Wenzelsleg. Sitz. B. d. W. Ak., т. 127, 45) относитъ Пр. О. къ 11 или 12 столѣтію. За это же время высказывался и Облакъ, критикуя предыдущій взглядъ Вондрака (Arch. f. sl. Ph., XV, 359). Къ этому времени относилъ еще раньше Срезневскій (Изв. II отд. Им. Ак. Н., VI). Еще къ болѣе позднему времени отнесъ этотъ памятникъ Макушевъ, высказавшій догадку, что первоначальный текстъ Пр. Отр. былъ написанъ въ 13 ст. и переписанъ затѣмъ въ 14 ст. въ Чехіи, именно въ Эммаусскомъ монастырѣ, куда были приглашены монахи-глаголиты изъ Далматіи (Фил. Зап. 77, III. Изъ чтеній о старочешск. письм.).

Вотъ краткая справка, показывающая насколько трудно поддаются опредѣленію относительно главныхъ вопросовъ даже

такіе памятники, въ которыхъ есть несомнѣнно рѣзкія черты какъ со стороны языка, такъ и палеографіи.

И исторія происхожденія памятника не поддается строго опредѣленному объясненію. Здѣсь нѣтъ также единства въ воззрѣніяхъ ученыхъ. Мнѣніе Гейтлера, выволившаго Пр. Отр. изъ Македоніи наряду съ К. Л., не пользуется популярностью (*Die alban. und sl. Schr.*, 153; хотя поддерж., напр., Калиной, реценз. на *Glagolitica Яг.*, 6—7). Одинокой остается догадка проф. Будиловича о приадриатической родинѣ Пр. Отр., при чемъ писавшимъ былъ чехъ или словакъ (*Общесл. яз.* II, 89). Господствующимъ является мнѣніе высказанное первымъ изслѣдователемъ памятника — Шафарикомъ о чешско-словацкомъ происхожденіи, хотя и здѣсь при дальнѣйшей разработкѣ вопроса внесены нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Такъ Облакъ, критикуя мнѣнія, высказанныя Шафарикомъ и Вондракомъ, указывалъ, что родиной первоначальной редакціи Пр. Отр. была сѣверная Болгарія, отсюда уже черезъ область древней Дакии проникла эта редакція на чешско-морав. почву (*Arch.* XV, 358). Облакъ т. обр. соглашается съ указываемою Вондракомъ связью Пр. Отр. съ болгарской почвой (*Sitzungs.*, 122, 75—80), но только возникновеніе самого памятника онъ относитъ къ словацкой почвѣ, гдѣ и возникло, по его мнѣнію, оживленіе глагол. письменности подъ вліяніемъ новой болг. редакціи. Еще раньше (*Arch.* XIII, 247) Облакъ мимоходомъ высказывалъ, что родиной Пр. Отр. была сѣверо-восточная часть Словачины. Одновременно съ ранѣе упомянутымъ мнѣніемъ Облака Вондракъ въ другомъ своемъ трудѣ (*Sitzber.*, 127, 45), измѣнивъ свой прежній взглядъ, началъ проводить теорію о проникновеніи памятника изъ Болгаріи прежде всего въ прикарпатскія области, отсюда уже этотъ памятникъ могъ попасть и въ Чехію, хотя здѣсь онъ не долженъ былъ въ силу своего восточнаго обряда быть въ употребленіи.

Ягичъ, опровергая нѣкоторыя мнѣнія Вондрака, видитъ въ Пр. Отр. памятникъ съ основой болгаро-русской, но воз-

никшіи въ западно-русск. областяхъ и затѣмъ проникшіи въ Чехію, при чемъ ставитъ это въ связь съ близкими сношеніями сазавскихъ монаховъ съ западомъ Руси (Zur Entsteh., I, 57.). Возвращаясь снова къ этому вопросу (Zur Entst. II, 60) и говоря о возникновеніи Пр. Отр. въ сѣв.-вост. Панноніи, Яг. не выводитъ ихъ непосредственно изъ Болгаріи, а ставитъ въ связь съ паннонской письменностью, именно съ новой редакціей этой письмен., кот., по его предположенію, могла возникнуть въ восточной Панноніи и Дакіи.

При детальномъ изслѣдованіи Пр. Отр., нельзя ихъ соединять или даже раздѣлять какъ бы на 2 части (по числу листовъ), необходимо всегда имѣть въ виду также ту разницу, которая обнаруживается между 1 и 2 страницами 1-го отрывка ¹⁾.

И если мы будемъ сравнивать К. Л. съ разными страницами Пр. Отр. прежде всего съ палеограф. стороны, то увидимъ, что на этихъ разныхъ страницахъ извѣстные пункты сходства: здѣсь обнаруживаются какъ бы „обломки“ того, что такъ цѣльно проводится въ К. Л. Такъ, на 1 а (неизданной Шафарикомъ въ снимкахъ), имѣется начертаніе **ъ**, совершенно подобное начертаніямъ 1 п. К. Л., то же **л**, маленькое **оу** (изъ 2-хъ **о**; большое **оу** слившееся), начер. унциальн. (меньше другихъ буквъ), начер. **н** (здѣсь 2 отмѣч. раніе формы). Въ 1 б мы находимъ, повидимому, сходство

1) Такъ, напр.:

1 а	1 б
свѣтлѣнѣ, свѣтил ^с на.	свѣтидлѣна,
употребленіе такъ назыв. „паерковъ“ и одного только ъ ,	отсутствіе „паерковъ“ и употр. ъ и ь ,
прѣполовленіе, различіе въ начертаніяхъ іотированнаго и неіотиров. малаго юса.	прѣставленіе, земла, употребленіе одного начертанія для ют. и неіот. м. юса.

разница вообще въ начертаніи разныхъ буквъ (особенно **е**, **т**, **л**, **оу**), обусловленная, конечно, прежде всего индив. привычками писцовъ.

въ употребленіи *ī*, какъ союза (или *ībo*; но такой случай, какъ *ходатаі*¹⁾ подрываетъ отчасти это сходство). Затѣмъ это сходство обнаруживается (какъ и въ 2-мъ отр.) въ употребленіи одного начертанія для іотированнаго и неіот. малаго юса, въ начерт. *ou*. Во 2-мъ Отр. насъ особенно поражаетъ остатки надстрочныхъ значковъ надъ словами *іюда* и *антифонъ*. Съ другой стороны, конечно, между графич. системами К. Л. и Пр. Отр. открывается и большая разница. Пр. Отр. не знаютъ, напр., начерт. *і*, знаютъ только одно начерт. *ѣи*. Я не говорю уже здѣсь о характерѣ отдѣльныхъ буквенныхъ начертаній.

Въ общемъ, типъ большинства начертаній Пр. Отр. нѣсколько болѣе угловатъ, чѣмъ типъ нач. К. Л. Въ этомъ случаѣ я совершенно несогласенъ съ Облакомъ, который говоритъ (*Arch.*, XV, 359), что Пр. Отр., несмотря на сильно выраженный угловатый типъ начертаній, все же уступаютъ въ этомъ отношеніи К. Л. Сравненіе начертаній того и другого памятника говоритъ не въ пользу мнѣнія Облака. Весьма вѣроятно, что Облакъ, высказывая подобное мнѣніе, руководствовался глав. обр. начертаніями, сгруппированными особо Шафарикомъ. Характерны особенно нѣкоторыя буквенныя начертанія, напр. *t*: на *īb* оно имѣетъ форму иногда близкую къ позднѣйшей хорватской (*y* Шаф. на таблицѣ не отмѣчена разница въ написаніи этой буквы). Правда, нѣкоторыя буквы (особ. напр. *o*, *i*) въ иныхъ случаяхъ болѣе круглы, но этого нельзя сказать о многихъ другихъ, поражающихъ своей угловатостью²⁾.

Если мы обратимся къ языку Пр. Отр. то и здѣсь кромѣ постоянно указываемыхъ черезъ сходства съ К. Л., въ пере-

1) У Шафарика въ транскрипціи невѣрно *ходатаи* (стр. 32, 39₁₂).

2) На лит. таблицѣ, прил. ко 2-му вып. моей работы о К. Л. (изъ Зап. Ун.), приведены далеко не всѣ начертанія изъ Пр. Отр., какъ и изъ др. пам., а наиболѣе характерныя для разрѣшенія затронутыхъ тамъ вопросовъ.

ходѣ $t + j$, $d + j$ въ **ц**, **з**, затѣмъ въ соч. **шч**, мы видимъ сходство въ склоненіи прилагательныхъ (правдѣднаго II b 19, но слѣпомоу 1 a 22)¹⁾, отчасти въ окончаніи твор. пад. на **ѣмъ** въ сущ. и неопред. прил. (напр., дрѣвѣмъ крижѣнѣмъ II в 10—11, зато и наоборотъ — относительно употребленія носовыхъ гласныхъ и глухихъ, такъ выдвигающаго **К. Л.** изъ среды другихъ др.-ц.-сл. иамятниковъ, видимъ полное несходство. Въ Пр. Отр. **ѡ**, **ѡѡ**, **ѡ** замѣняются **у**, **ю**, **а**, и сами замѣняютъ ихъ. Постановка одного только глухого въ II отр. и 1-й стр. I-го употребленіе на 1-й стр. I отр. „паерковъ“ говоритъ о глубокой уже разницѣ между **К. Л.** и Пр. Отр. У насъ нѣтъ данныхъ видѣть въ правильномъ употребленіи носовыхъ и глухихъ въ **К. Л.** отраженіе лишь традиціи; слѣдовательно, эти черты были въ языкѣ. Напротивъ, жалкіе остатки носовыхъ и глухихъ въ Пр. Отр. говорятъ намъ о стремленіи удержать нѣкоторые традиціонные приемы, не находившіе себѣ уже оправданія въ языкѣ.

Затѣмъ разница сказывается и въ такихъ знаменательныхъ формахъ; какъ **ф**. Пр. Отр. **вѡшѣх**^с 1 a 17, **вѡѣчьскаѣ** 1 b 2, **вѡи** 1 b 5, 8; молитвами 1 a 16, молитвою 1 b 13—14, **вѡседли** II b 12; формъ колеблющихся: **свѣтидѣтна** 1 в 9—10, **свѣтил**^с на 1 a 22; **проѡвѣваше** II a 10—11, **земѡ** 1 b 26, **прѣставеніе** 1 b 24—26 — **прѣполовленіе** 1 a 7. Эти послѣднія формы характеризуютъ разныя страницы и могли быть объясняемы или разностью первоначальныхъ текстовъ или разнымъ отношеніемъ перенисчиковъ.

Отмѣчу еще слѣдующія отдѣльныя формы: **дара цѣленіе** II a 23²⁾, **панѣтикоствіе** I b 4²⁾, гдѣ въ постановкѣ **е** вмѣсто

1) Интересно, описка ли живонос^сних^с 1 a 8 или форма эта вызвана подѣ давлениемъ языка писавшаго. Между прочимъ, **Облакѣ** (Arch. f. sl. Ph., 15, 358) и въ формѣ слѣпомоу видѣлъ ошибочную постановку **о** вмѣсто **оу**, на что вовсе нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ Ассем. Ев. мы встрѣчаемъ также, напр., **ф. благовѣрьномоу** съ подобнымъ же окончаніемъ, возникш. иодѣ вліяніемъ склон. мѣстоимен.

2) **Шаф.** считалъ окончаніе этихъ словъ ошибкой, 52.

Ѣ (ѡ) вижу какъ бы возможность перегласовки. Кромѣ оударенимъ Па 5, смѣренимъ Га 25 къ стяженнымъ формамъ отноу милосръди Пв 6¹⁾, на пѡнтѣтикости Ib 3¹⁾. Имѣютъ также значеніе и другія формы, какъ то: мнѣ Па 18 (р. пад.), гѣна Ib 10, еза Па 21—24, Пв 1; та (вин. п. вм. та) Па 20, каковую форму Шафарикъ сближалъ съ словацкой t'a, а Облакъ считалъ прямо отраженіемъ послѣдней²⁾. Къ особенностямъ Пр. Отр. относятся и такія формы: какъ къзни Па 20, млости Пв 7.

Сравненіе К. Л. и Пр. Отр. обнаруживаетъ полную невозможность постановки этихъ памятниковъ на одну доску. Сходство въ памятникахъ, обнаруживающееся въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ языка и палеографіи, а затѣмъ, что представляется также очень важнымъ, въ нѣкоторыхъ деталяхъ, говоритъ о какомъ-то родствѣ памятниковъ. И если К. Л. близки къ Кирилло-Меѡ. времени, то Пр. Отр. далеки сравнительно отъ этого времени. Вотъ къ какимъ выводамъ можно прійти, не вдаваясь въ черезчуръ гипотетическія предположенія. Если мы будемъ считать К. Л. и Пр. Отр. одинаковыми представителями западно-слав. редакціи, то получится у насъ нѣсколько разное освѣщеніе памятниковъ: мы принуждены будемъ тогда въ Пр. Отр. видѣть памятникъ гораздо болѣе передающій черты народнаго говора, а въ К. Л. гораздо большее вліяніе традиціи. Это могло бы, конечно, найти себѣ объясненіе въ томъ, что К. Л. древнѣе Пр. Отр., но если мы будемъ говорить о силѣ традиціонныхъ рамокъ,

1) Шаф. считалъ окончаніе этихъ словъ ошибкой, 52.

2) Впрочемъ, здѣсь можетъ быть и непричемъ эта словац. форма. Фраза: каъ та къзни юдо — можетъ, кажется, дать поводъ думать, что та (та) за раздѣленіемъ отъ слова юдо (июдо) было осмыслено со словомъ къзни и не является так. обр. уже мѣстоим. личнымъ. Къ этому заставляеть склоняться и то обстоятельство, что въ памятникѣ нѣсколько разъ попадается правильное написаніе мѣстоим. та (та); правда, разъ еще, повидимому, есть Ѣ. тж, Па₁₄ кот. Вондр. считаетъ болгаризмомъ, но относительно этой формы не все ясно — въ рукописи нѣтъ т, а только ж, приходится добавлять эту букву, а мѣста сообразно съ другими строками нѣтъ.

тогда это нужно будет перенести и на фонетич. черту **ц** и **з**, слѣдовательно нельзя будетъ говорить о замѣнѣ шт и жд для „націонализаціи“ памятника.

З а к л ю ч е н і е.

Мы ясно могли убѣдиться въ существованіи многихъ отличій въ графикѣ и языкѣ К. Л. сравнительно съ другими др.-ц.-слав. памятниками. Если стать теперь на ту точку зрѣнія, что К. Л. возникли или во время дѣятельности Меѳодія или сравнительно вскорѣ послѣ нея, то мы должны будемъ признать, что въ другихъ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ ц.-сл. пам. не сохранились многія черты кирилло-меѳ. письменности. Съ другой стороны, если мы признаемъ, что въ этихъ послѣднихъ пам. особенно сохранились Кирилло-меѳод. традиціи, тогда К. Л. будутъ памятникомъ, обнаруживающимъ какую то новую работу въ области системы графикки и языка. Видя въ К. Л. именно памятникъ, стоящій ближе другихъ къ Кир.-М. порѣ, мы отказываемся отъ опредѣленія его родины. Станнымъ можетъ показаться это послѣ предпринятаго детальнаго изслѣдованія. Между тѣмъ такъ требуетъ желаніе остаться на фактической почвѣ, не представляющей въ этомъ случаѣ возможности дать удовлетворительное опредѣленіе и не переходить въ область догадокъ, уже достаточно наводнившихъ собой исторію времени первоначальн. ц.-сл. письменности. Достаточно вспомнить тѣ разнообразныя теоріи, которыя высказаны относительно К. Л. и другихъ др.-ц.-сл. пам., чтобы убѣдиться въ томъ, насколько мало еще у насъ фактовъ для созданія болѣе достовѣрныхъ обобщеній. Въ настоящее время господствующимъ убѣжденіемъ является то, что К. Л. носятъ на себѣ слѣды чехо-мор. редакціи. Представителямъ этого убѣжденія инныя теоріи о К. Л. кажутся какой-то

научной ересью. Между тѣмъ, если внимательнѣй всмотрѣться во всѣ данныя открываемыя при изученіи К. Л. и при сравненіи этого памятника съ другими памятниками, ясна будетъ и шаткость этой теоріи, имѣющей повидимому такъ много за себя шансовъ. Склоняясь болѣе къ теоріи о цѣльности языка¹⁾ памятника, мы сознаемъ слабость этой теоріи въ недостаткѣ возможности указать подобное нарѣчіе въ современномъ, хотя здѣсь можно сказать: чего нѣтъ теперь, то могло быть раньше. Мы сознаемъ также, что, склоняясь къ этой теоріи, мы создаемъ себѣ мучительную загадку, т. к. разрушаемъ тѣмъ самымъ ту стройную систему предположеній, которыя могутъ быть выведены благодаря первой теоріи. Что же дѣлать? — факты должны быть прежде всего, а затѣмъ наши догадки. Мы думаемъ также, что слабыя стороны теоріи о чехо-морав. редакціи К. Л. сказались уже въ ходѣ доказательствъ приверженцевъ этой теоріи, въ частности въ трудахъ ак. Ягича, перешедшаго въ концѣ концовъ къ мысли о сознательной замѣнѣ извѣстныхъ чертъ языка въ силу желанія „націонализировать“. Мы бы могли еще говорить о сознательномъ измѣненіи но только не въ томъ смыслѣ, какъ ак. Ягичъ. Мы могли бы допустить то, принимая во вниманіе всѣ вышеуказанныя данныя, лишь при признаніи, что въ К. Л. имѣется своего рода искусственный литературный языкъ, созданный не для одного только памятника, но для такого предположенія нѣтъ, конечно, достаточныхъ данныхъ²⁾.

Н. К. Грунскій.

1) Къ представителямъ этой теоріи, кромѣ упомянутыхъ ранѣе, принадлежитъ и ак. Фортунатовъ.

2) Во II в. моей раб. о К. Л. (Зап. Имп. Юр. Ун.) вкралось нѣсколько досадныхъ опечатокъ. Такъ, напр., нужно чит.: 53₁₁ начертаній, 53₁₄ slova, 48₆ Констанчскій, 49₂₀ угловатая, 56₃₀ ко. Къ 22₉ нужно прибавить: и і. Въ наст. статьѣ, повторяю, далеко не вездѣ и не всегда ставились надстр. значки.

Народныя школы въ Германіи.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Предстоящій рефератъ на тему: „Народныя школы въ Германіи“ составленъ мною на основаніи личныхъ наблюденій, которыя я вынесъ при посѣщеніи народныхъ училищъ (Volksschulen), городскихъ училищъ (Bürgerschulen), учительскихъ семинарій (Lehrerseminare) и училищъ для продолженія образованія (Fortbildungsschulen) въ разныхъ государствахъ Германіи, куда я въ прошломъ году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ командированъ для ознакомленія съ постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ народныхъ училищахъ.

Такъ какъ Германская имперія представляетъ союзъ 25 самостоятельныхъ во внутреннемъ управленіи государствъ, имѣющихъ свои особые законы, то народное образованіе въ Германіи поставлено не вездѣ одинаково. Поэтому, прежде чѣмъ говорить вообще о германскихъ народныхъ школахъ, я сначала опишу наиболѣе типичныя системы организациіи народнаго образованія въ королевствахъ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи и Вюртембергѣ и сравню съ нею устройство народныхъ школъ въ другихъ мелкихъ государствахъ.

І. Пруссія.

1. Различныя виды народныхъ школъ.

Къ числу народныхъ школъ въ Пруссіи относятся народныя училища (Volksschulen), городскія, или среднія училища (Bürger- oder Mittelschulen) и училища для продолженія образованія (Fortbildungsschulen). Съ народными училищами также тѣсно связаны подготовительныя учебныя заведенія для поступленія въ учительскую семинарію (Präparandenanstalten) и учительскія семинаріи, служащія для подготовки народныхъ учителей.

Народныя школы, подготовительныя учебныя заведенія для ноступленія въ учительскую семинарію и учительскія семинаріи открываются, содержатся и управляются на основаніи „Allgemeine Bestimmungen des Königlich Preussischen Ministers der geistlichen, Unterrichts- und Medizinal-Angelegenheiten vom 15. Oktober 1872, betreffend das Volksschul-Präparanden- und Seminar-Wesen“, при чемъ послѣдняя часть этихъ постановленій, касающаяся подготовки учителей для народныхъ школъ, въ настоящее время замѣнена другими, новыми положеніями: „Bestimmungen des Königlich Preussischen Ministers der geistlichen, Unterrichts- und Medizinal-Angelegenheiten vom 1. Juli 1901, betreffend das Präparanden- und Seminarwesen sowie die Prüfung der Volksschullehrer, der Lehrer an Mittelschulen und der Rektoren.“

2. Народныя училища (Volksschulen).

Народныя училища раздѣляются на школы А) съ однимъ учителемъ, В) съ двумя учителями и В) со многими учителями.

А) Училища съ однимъ учителемъ бываютъ а) одноклассныя и б) двусмѣнныя или полудневныя (Halbtagsschulen). Въ одноклассномъ училищѣ однимъ учи-

телемъ одновременно обучаются дѣти всякаго школьнаго возраста въ одномъ и томъ же классномъ помѣщеніи. Число учащихся въ классѣ не должно превышать 80. Дѣтямъ низшей ступени дается 20, а дѣтямъ средней и высшей ступеней — 30 уроковъ въ недѣлю, включая въ это самое число уроковъ гимнастику для мальчиковъ и женскія рукодѣлія для дѣвочекъ. Если въ одноклассномъ училищѣ число учащихся превышаетъ 80, или классная комната слишкомъ мала даже и для меньшаго числа дѣтей, и обстоятельства не позволяютъ имѣть другого учителя, то оно, съ разрѣшенія учебнаго начальства, можетъ быть преобразовано въ полудневное (двусмѣнное) училище, т. е. въ такое училище, гдѣ одна часть дѣтей (обыкновенно двѣ старія ступени) обучаются до обѣда и другая часть послѣ обѣда. Обѣимъ смѣнамъ вмѣстѣ дается 32 урока въ недѣлю.

Б) Въ училищѣ съ двумя учителями обученіе ведется въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ. Если въ такомъ училищѣ число учащихся превышаетъ 120, то открывается третій классъ. Въ трехклассномъ училищѣ съ двумя учителями дается въ III (низшемъ) классѣ 12, во II (среднемъ) классѣ 24 и въ I (вышемъ) 28 уроковъ въ недѣлю, т. е. вмѣстѣ 64 урока, или каждымъ учителемъ 32 урока въ недѣлю. Такъ какъ въ училищахъ послѣдняго рода обыкновенно бываютъ только двѣ классныя комнаты, то въ нихъ дѣти обучаются по смѣнамъ.

В) Въ многоклассномъ училищѣ, т. е. въ такомъ училищѣ, въ которомъ не менѣе трехъ учителей и трехъ классныхъ помѣщеній, дается учащимся низшей ступени 22, средней ступени 28 и высшей ступени отъ 30—32 уроковъ въ недѣлю.

Во всякомъ народномъ училищѣ, будь оно одноклассное, двухклассное или многоклассное, учащіеся, сообразно возрасту и познаніямъ, разпредѣляются на три ступени: низшую (Unterstufe, которая сокращенно называется и обозначается U), среднюю (Mittelstufe, или M) и высшую (Oberstufe, или O). Каждая изъ ступеней, сообразно числу лѣтъ обученія, распадается на нѣсколько

отдѣлений, напр.: U² (первый годъ обученія), U¹ (второй годъ обученія); M³ (третій годъ обученія), M² (четвертый годъ обученія), M¹ и т. д. Въ 4-хъ классныхъ училищахъ на долю средней ступени приходится два среднихъ класса; въ 6-ти классныхъ училищахъ на долю каждой ступени приходится по два класса. Счетъ классамъ ведется сверху внизъ, т. е. въ многоклассныхъ училищахъ V^{III} классъ (первый годъ обученія) считается самымъ низшимъ и I классъ (восьмой годъ обученія) самымъ высшимъ.

Наиболѣе распространенными видами народныхъ училищъ являются въ деревняхъ трех-, четырех- и пятиклассныя, а въ городахъ шести-, семи- и восьмиклассныя училища. Одно- и двухклассныхъ училищъ осталось сравнительно не много. Такихъ училищъ больше всего въ Силезіи, Познани и Восточной Пруссіи, гдѣ народныя школы, вслѣдствіе несочувственнаго, даже враждебнаго отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія и католическаго духовенства, находятся еще въ довольно плохомъ состояніи.

Многоклассныя народныя училища съ расширенными программами иногда называются высшими народными школами (Gehobene Volksschulen). Въ высшихъ народныхъ школахъ могутъ преподаваться и различные дополнительные предметы. Такъ, напр., въ одномъ изъ мною посѣщенныхъ восьмиклассныхъ высшихъ училищъ въ Восточной Пруссіи близъ жел. дорожной станціи Гейдекругъ преподавался въ качествѣ обязательнаго предмета даже латинскій языкъ, чтобы такимъ образомъ облегчить дѣтямъ переходъ въ гимназію.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Берлинѣ и Познани, народныя училища называются общинными училищами (Gemeindeschulen).

Въ сельскихъ одно-, двух- и трехклассныхъ училищахъ мальчики и дѣвочки обучаются вмѣстѣ; въ многоклассныхъ же сельскихъ и городскихъ народныхъ училищахъ дѣвочки обучаются отдѣльно отъ мальчиковъ. Въ женскихъ и смѣшанныхъ классахъ обучаютъ какъ учителя, такъ и учитель-

ницы, хотя послѣднихъ значительно меньше, такъ какъ онѣ обыкновенно преподають лишь въ низшихъ классахъ.

Всѣ мальчики и дѣвочки обязаны обучаться въ народномъ или другомъ сравнительно высшемъ училищѣ не менѣе 8 лѣтъ, съ 6—14 лѣтняго возраста, при чемъ слабо успѣвающія дѣти могутъ быть задержаны въ училищѣ еще на одинъ годъ больше. Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и Лауэнбургѣ, гдѣ еще дѣйствуетъ датскій законъ 1814 г., мальчики обязаны обучаться 10 и дѣвочки 9 лѣтъ. Только на островѣ Альзенѣ, въ силу другого датскаго закона, обязательность обученія продолжается для мальчиковъ 7 и для дѣвочекъ 6 лѣтъ. Въ теченіе обязательнаго срока для обученія дѣти обязаны аккуратно посѣщать училище, потому что за всѣ безъ законнаго основанія пропущенные дни, уроки и даже части уроковъ на родителей учащихся налагаются строгія взыскація. По окончаніи училища или исполненіи 14 лѣтняго возраста дѣти конфирмируются и освобождаются отъ посѣщенія школы.

Въ учебномъ году отъ 40—44 недѣль. Въ деревняхъ вакаціонное время распредѣляется сообразно сельскимъ работамъ. Обыкновенно лѣтнія вакаціи бывають въ іюлѣ мѣсяцѣ и продолжаются 3—4 недѣли, осеннія, или михайловскія вакаціи начинаются съ Михайлова дня (29 сентября по новому стилю) и продолжаются 2—3 недѣли, зимнія, или рождественскія и весеннія, или пасхальныя вакаціи продолжаются около 1 недѣли. Въ протестантской Пруссіи, кромѣ трехъ дней на Пятидесятницѣ, не бываетъ ученія въ школахъ только въ день Покаянія и Молитвы (Buss- und Betttag), въ праздникъ Реформаціи (31 октября), въ день рожденія короля и неофициально въ день Седана (2 сентября). Но и въ эти дни учащіяся собираются въ училище, гдѣ имъ объясняется значеніе празднуемаго событія. Такъ какъ іріемныхъ и переводныхъ испытаній въ народныхъ школахъ тоже не бываетъ, то все время посвящается только обученію.

Учебный годъ начинается послѣ пасхальныхъ или михайловскихъ вакацій, и тогда принимаются въ школу вновь

поступающія шестилѣтнія дѣти. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Кенигсбергѣ и Фленсбургѣ, дѣти принимаются въ школу два раза въ году: послѣ пасхальныхъ вакацій принимаются тѣ дѣти, которымъ исполнилось 6 лѣтъ до Пасхи, и послѣ михайловскихъ вакацій тѣ дѣти, которымъ исполнилось 6 лѣтъ до Михайлова дня. Вслѣдствіе этого въ Кенигсбергѣ, гдѣ всѣ народныя училища съ 6 восходящими классами, и въ Фленсбургѣ, гдѣ всѣ училища 7 классныя, всякое училище двойное: для однихъ классовъ учебный годъ начинается съ Пасхи, а для другихъ съ Михайлова дня. Сообразно съ этимъ, въ каждомъ кенигсбергскомъ училищѣ 12 и въ каждомъ фленсбургскомъ училищѣ 14 основныхъ классовъ, которые обозначаются такъ: I^o (буква O здѣсь означаетъ Ostern — Пасха), I^m (буква M здѣсь означаетъ Michaeli); II°, II^m; III°, III^m и т. д.

Учебный годъ подраздѣляется на лѣтній и зимній семестры. Въ лѣтнемъ семестрѣ (съ Пасхи до Михайлова дня) занятія начинаются въ 7 часовъ и въ зимнемъ семестрѣ (съ Михайлова дня до Пасхи) въ 8 часовъ утра. Позже 8 часовъ утра нигдѣ ни лѣтомъ ни зимою учебныя занятія не начинаются. Только первогодники, шестилѣтнія дѣти, у которыхъ бываетъ меньше уроковъ, обыкновенно приходятъ въ училище часомъ позже. До обѣда даются 4 урока, а именно: отъ 7—11 часовъ лѣтомъ и отъ 8—12 часовъ зимою. Исключая среды и пятницы, которыя предназначены дѣтямъ для отдыха и наз. недѣльными вакаціями (Wochenferien), послѣ обѣда бываютъ еще два урока.

Въ народныхъ училищахъ преподаются слѣд. предметы: законъ Божій, нѣмецкій языкъ (разговоръ, чтеніе, письмо), ариѳметика съ элементарными свѣдѣніями изъ геометріи, черченіе и рисованіе, исторія, географія, естествовѣдѣніе, пѣніе, гимнастика для мальчиковъ и женскія рукодѣлія для дѣвочекъ.

Въ Allgemeine Bestimmungen даны лишь общія указанія о цѣляхъ и методахъ обученія и только въ общихъ чертахъ

намѣчены тѣ отдѣлы изъ каждаго учебнаго предмета, которые должны быть пройдены во всякомъ, даже одноклассномъ или иолудневномъ училищѣ. Вслѣдствіе этого въ настоящее время въ каждой провинціи, даже чуть ли ни въ каждомъ городѣ, сообразно мѣстнымъ условіямъ и числу восходящихъ классовъ въ училищахъ, существуютъ свои особыя учебныя планы. Въ общемъ учебныя планы для народныхъ училищъ, съ обязательнымъ 8 лѣтнимъ курсомъ обученія, весьма близко подходятъ къ программамъ нанихъ городскихъ по положенію 1872 г. училищъ, въ которыхъ тоже при 6 лѣтнемъ курсѣ обученія можетъ быть различное число классовъ.

Обученіе въ народныхъ училищахъ вездѣ бесплатное.

3. Городскія, или среднія училища (*Bürger- oder Mittelschulen*).

По *Allgemeine Bestimmungen*, городскія, или среднія училища имѣютъ цѣлью, съ одной стороны, давать дѣтямъ сравнительно высшее образованіе, чѣмъ въ народныхъ училищахъ, и, съ другой стороны, удовлетворяютъ условіямъ промышленной жизни и иотребностямъ такъ называемаго средняго сословія.

Вся разница между народными и городскими училищами обыкновенно заключается въ слѣдующемъ: 1) въ городскихъ училищахъ обученіе платное; значитъ, въ нихъ обучаются преимущественно дѣти болѣе достаточныхъ родителей, не желающихъ, чтобы ихъ сыновья и дочери учились вмѣстѣ съ дѣтьми простыхъ рабочихъ; 2) учебныя предметы проходятся по значительно расширеннымъ программамъ; 3) обязательно изученіе одного изъ новыхъ языковъ — французскаго или англійскаго; 4) сообразно мѣстнымъ условіямъ, можетъ быть введено преподаваніе земледѣлія, горнаго дѣла, коммерческихъ наукъ и пр.; 5) низшіе классы ио курсу могутъ быть приноровлены къ соотвѣтствующимъ младшимъ классамъ гимназій и реальныхъ училищъ, чтобы такимъ образомъ облегчить учащимся переходъ изъ народной школы въ среднее учебное

заведеніе; 6) ученики принимаются въ училище и переводятся изъ класса въ классъ по экзамену; 7) въ старшихъ классахъ примѣняется предметная система преподаванія; 8) учителями служатъ лица съ бѣльшимъ образовательнымъ цензомъ, выдержавшія экзаменъ на званіе учителя городского училища; 9) городскія училища обыкновенно состоятъ изъ 8 восходящихъ классовъ и обставлены значительно лучше народныхъ училищъ.

Такъ какъ въ Allgemeine Bestimmungen не дѣлается никакого различія между Bürgerschulen и Mittelschulen, то въ нѣкоторыхъ городахъ городскія училища наз. Bürgerschulen, а въ другихъ Mittelschulen. Но есть и такія города, гдѣ на ряду съ народными училищами и Bürgerschulen существуютъ и Mittelschulen. Такъ, напр., въ Познани мы встрѣчаемъ всѣ три типа народной школы: 1) бесплатныя семиклассныя народныя училища — Gemeindeschulen съ восьмилетнимъ курсомъ; 2) платныя восьмиклассныя Bürgerschulen тоже съ восьмилетнимъ курсомъ (обязательное изученіе одного новаго языка), и 3) девятиклассныя Mittelschulen съ девятилетнимъ курсомъ (болѣе высокая плата и обязательное изученіе двухъ новыхъ языковъ). Здѣсь между Mittelschulen и Bürgerschulen существуетъ почти такая же разница, какъ между Bürgerschulen и Gemeindeschulen: а) еще болѣе высокая плата за обученіе; б) болѣе обширныя программы по учебнымъ предметамъ; в) обязательное изученіе двухъ новыхъ языковъ — французскаго и англійскаго; и г) восходящихъ классовъ 9. Въ свободомыслящемъ Берлинѣ, гдѣ существуетъ такъ называемая единая (Einheitsschule), а не сословная школа, къ 1-му апрѣля 1902 г. было 256 народныхъ училищъ (Gemeindeschulen), каждое съ 8 восходящими классами, но ни одной Bürgerschule и Mittelschule, хотя любое народное училище по обширности программъ и благоустройству можетъ быть переименовано въ городское или среднее училище. Какъ на недостатокъ берлинской единой школы, провинціальныя города указываютъ на необыкновенное развитіе въ Берлинѣ частныхъ училищъ, а потому оправдываютъ существованіе сословной

школы, съ одной стороны, желаніемъ давать дѣтямъ средняго сословія болѣе высокое образованіе и, съ другой стороны, тѣмъ самымъ предотвратить процвѣтаніе частныхъ школъ.

Какъ городскія, такъ и среднія училища бываютъ мужскія и женскія.

4. Училища для продолженія образованія (Fortbildungsschulen).

Повсемѣстно въ городахъ и деревняхъ при народныхъ и городскихъ училищахъ существуютъ особые дополнительные классы, называемые училищами для продолженія образованія (Eortbildungsschulen). Эти училища бываютъ мужскія и женскія. Въ нихъ обучаются окончившіе народное училище юноши и дѣвушки, желающіе на ряду съ общимъ образованіемъ получить и специальное образованіе, сообразно избранному роду занятій. Такъ какъ учащіеся въ городскихъ Fortbildungsschulen могутъ принадлежать къ самымъ разнообразнымъ званіямъ, то подобныя училища нерѣдко состоятъ изъ нѣсколькихъ десятковъ классовъ: въ одномъ классѣ обучаются будущіе портные, въ другомъ — сапожники, въ третьемъ — маляры, въ четвертомъ литографчики, въ пятомъ — приказчики и т. д. Занятія въ Fortbildungsschulen происходятъ обыкновенно отъ 6—8 часовъ вечера, при чемъ каждый ученикъ посѣщаетъ отъ 4—6 уроковъ въ недѣлю. Мастера и работодатели обязаны въ назначенные часы освобождать своихъ учениковъ отъ работы для посѣщенія Fortbildungsschulen.

Въ Пруссіи, въ противоположность остальнымъ германскимъ государствамъ, посѣщеніе Fortbildungsschulen пока еще необязательно. Но такъ какъ обучавшіеся только въ народномъ училищѣ и не окончившіе Eortbildungsschule не могутъ получить званія приказчика, мастера (напр.: столяра, слесаря, портного) и т. д. и занимать нѣкоторыхъ общественныхъ должностей, то волею-неволею приходится посѣщать Fortbildungsschulen. Тѣ же самыя ограниченія правъ и относительно женщинъ, которыя, не окончивъ Fortbildungsschule, не могутъ

получить званія даже швейки или кухарки. Вслѣдствіе этого училища для продолженія образованія посѣщаетъ большая часть окончившихъ народное училище, тѣмъ болѣе, что въ нихъ сообщается много интереснаго, а главное — полезнаго для практической жизни, что весьма важно въ такомъ государствѣ, гдѣ конкуренція слишкомъ велика.

Такъ какъ Fortbildungsschulen имѣютъ цѣлью давать учащимся не только дальнѣйшее общее образованіе, но и сообщать своимъ питомцамъ тѣ знанія и умѣнія, которыя, сообразно ихъ призванію или избранному ими роду занятій, болѣе всего имъ будутъ необходимы въ практической жизни, то училища для продолженія образованія являются своего рода народными университетами, гдѣ каждый гражданинъ вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ можетъ получить обученіе и по своей специальности. Въ городахъ, гдѣ въ Fortbildungsschulen преподаютъ лица съ высшимъ или специальнымъ техническимъ образованіемъ, эти училища не мало содѣйствуютъ поднятію промышленности. Нѣмецкіе учителя, которые, по словамъ Бисмарка, въ 1870—1871 гг. на полѣ брани побѣдили французовъ, гордятся тѣмъ, что теперь они на заграничныхъ рынкахъ побѣждаютъ англичанъ.

5. Подготовка и содержаніе учителей.

Для подготовки учителей народныхъ училищъ существуютъ приготовительныя заведенія (Präparandenanstalten) и учительскія семинаріи.

Въ приготовительное заведеніе поступаютъ окончившіе народное или городское училище и обучаются въ немъ три года. Курсъ приготовительныхъ заведеній основывается на пройденномъ въ народныхъ училищахъ, но не служитъ его новтореніемъ, а продолженіемъ. Въ Präparandenanstalten преподаются слѣд. обязательные предметы: законъ Божій, нѣмецкій языкъ, французскій или англійскій языкъ, исторія, математика (ариѳметика, алгебра и геометрія), естествовѣдѣніе

(ботаника, зоологія, мінералогія і фізика), географія, чистописаніє, рисованіє і черченіє, гимнастика і музыка (п'їніє, игра на скрипкѣ, игра на роялі, игра на органахъ, теорія музыки). Судя по учебнымъ планамъ и объяснительной къ нимъ запискѣ, означенные предметы въ приготовительныхъ заведеніяхъ проходятся очень подробно и по весьма солиднымъ учебникамъ.

Приготовительныя заведенія существуютъ или въ видѣ самостоятельныхъ училищъ съ основными и параллельными классами или въ видѣ отдѣльныхъ классовъ при лучшихъ народныхъ и городскихъ училищахъ. Подобное Pfrparagandenanstalt я посѣтилъ въ Кенигсбергѣ, и оно какъ по своему внѣшнему и внутреннему благоустройству, такъ и по познаніямъ учащихся въ наукахъ и искусствахъ оставило во мнѣ самое лучшее воспоминаніє.

Къ пріємнымъ испытаніямъ въ учительскую семинарію допускаются только лица, окончившія приготовительное заведеніє. Курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ тоже трехлѣтній и служитъ естественнымъ продолженіємъ пройденнаго въ приготовительныхъ заведеніяхъ. Въ учительскихъ семинаріяхъ проходятся слѣд. обязательные предметы: педагогика (психологія, логика, дидактика, ученіє о воспитаніи, исторія педагогики, училищевѣдѣніє: школьное устройство, школьная гигиена, школьное управленіє, школьные законы, практическія занятія и методики всѣхъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ народной школѣ), законъ Божій, нѣмецкій языкъ, французкій или англійскій языкъ, исторія, математика (алгебра, геометрія, тригонометрія), естествовѣдѣніє (антропология, зоологія, ботаника, мінералогія, химія, фізика), географія, рисованіє и черченіє, гимнастика, музыка (п'їніє, игра на скрипкѣ, роялі и органахъ и теорія музыки) и сельское хозяйство. Изъ учебныхъ плановъ и употребляемыхъ въ семинаріяхъ учебниковъ видно, какое основательное и всестороннее образованіє получаютъ прусскіє народные учителя.

Выпускныя испытанія (die erste Lehrerprüfung) производятся не педагогическимъ совѣтомъ семинаріи, а особою

комиссією подъ предѣдательствомъ комиссара королевской провинціальной училищной коллегіи по точнымъ, строго и опредѣленно выработаннымъ правиламъ. Постороннія лица, желающія пріобрѣсти званіе народнаго учителя, должны держать экзаменъ вмѣстѣ съ семинаристами изъ всего семинарскаго курса и удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, какія предъявляются семинаристамъ. Выдержавшіе это испытаніе семинаристы и постороннія лица не получаютъ званія учителя и не назначаются учителями, а лишь командируются въ какое-нибудь училище для исполненія обязанностей учителя и состоятъ въ полномъ распоряженіи учебнаго начальства, которое можетъ ихъ постоянно переводить съ одного мѣста на другое. По истеченіи не менѣе двухъ и не болѣе пяти лѣтъ, не включая сюда одинъ годъ военной службы (въ Германіи обязаны служить въ войскѣ безъ различія всѣ граждане; окончившіе учительскую семинарію пользуются правами вольноопредѣляющихся, а потому служатъ только одинъ годъ), кандидатъ на учительскую должность, если представитъ чрезъ свое начальство въ королевскую провинціальную школьную коллегію хорошую аттестацію отъ уѣзднаго инспектора училищъ и окружнаго правительственнаго училищнаго совѣтника о томъ, что онъ успѣшно занимался въ народной школѣ и хорошо практически знакомъ съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ, допускается ко второму испытанію (*die zweite Lehrerprüfung*). При этомъ кандидатъ долженъ указать, какіе два предмета онъ избралъ своею спеціальностью и какія педагогическія сочиненія онъ основательно изучилъ. Второе испытаніе производится особою комиссією главнымъ образомъ по педагогикѣ и методикамъ избранныхъ кандидатомъ предметовъ и по тѣмъ предметамъ, по которымъ при первомъ испытаніи получены лишь удовлетворительныя отмѣтки. Выдержавшіе второе испытаніе получаютъ званіе учителя народнаго училища и назначаются на постоянное мѣсто.

Какъ мы передавали учителя и уѣздные инспекторы училищъ, то вторыя испытанія бывають очень строгія, и на

нихъ ежегодно проваливается около $\frac{1}{3}$ всѣхъ экзаменующихся. Не выдержавшіе экзамена въ первый разъ допускаются по истеченіи не менѣе одного года еще ко вторичному испытанію. Кандидаты на учительскую должность, которые по окончаніи семинаріи въ теченіе пяти лѣтъ не сдали второго экзамена, лишаются права преподавать въ школахъ, а равно и права держать экзаменъ на званіе учителя.

Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти званіе народнаго учителя, нужно самымъ серьезнымъ образомъ проучиться, по крайней мѣрѣ, 16 лѣтъ, а именно: 8 лѣтъ въ народномъ или городскомъ училищѣ, 3 года въ приготовительномъ заведеніи, 3 года въ семинаріи и 2 года на практикѣ.

Завѣдывающіе городскими училищами и такими народными училищами, въ коихъ не менѣе 6 восходящихъ классовъ, называются ректорами, а завѣдывающіе народными училищами съ 2—5 классами называются главными учителями (Hauptlehrer).

Для полученія званія учителя городского, или средняго училища и высшихъ женскихъ училищъ (то же, что Mittelschulen) нужно держать особое испытаніе, къ которому допускаются народные учителя, выдержавшіе второе испытаніе, духовныя лица и кандидаты университетовъ. Лица съ спеціальнымъ высшимъ образованіемъ держатъ экзаменъ лишь по методикамъ и наукамъ педагогическимъ, а остальные кандидаты и по двумъ предметамъ своей спеціальности.

Желающіе получить мѣсто директора семинаріи, учителя семинаріи, королевскаго уѣзднаго инспектора училищъ (то же, что напѣ инспекторъ народн. училищъ), завѣдывающаго высшимъ женскимъ училищемъ, городскимъ училищемъ или 6—8 класснымъ народнымъ училищемъ, должны выдержать ректорскій экзаменъ (Rektorprüfung), къ которому допускаются учителя, духовныя лица и кандидаты университетовъ, имѣющіе уже званіе учителя городского училища и прослужившіе въ учительской должности не менѣе трехъ лѣтъ.

Главнымъ средствомъ для поощренія учителей къ даль-

нѣйшему образованію служатъ сѣзды учителей, имѣющіе цѣлью поднимать умственный уровень учителей и возбуждать въ нихъ рвеніе къ практической сторонѣ дѣла. Въ Германіи въ каждомъ городѣ или уѣздѣ существуетъ одно или нѣсколько учительскихъ обществъ, и каждый учитель или учительница непременно принадлежитъ къ какому-нибудь обществу. Члены этихъ обществъ по временамъ (обыкновенно разъ въ мѣсяцъ), безъ всякаго разрѣшенія полиціи и учебнаго начальства, собираются для выслушиванія докладовъ и обсужденія вопросовъ педагогическо-научнаго содержанія. Такимъ собраніемъ или сѣздомъ учителей руководитъ предсѣдатель общества или его товарищъ, которыхъ сами члены избираютъ изъ своей среды. Кромѣ этихъ частныхъ собраній, ежегодно разъ происходитъ такъ называемое *Amtsversammlung* (служебный сѣздъ) подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзднаго инспектора училищъ, на который сѣзжаются учителя и учительницы со всего уѣзда. Точно также бываютъ и провинціальныя сѣзды учителей, на которые собираются учителя со всей провинціи. Чрезъ каждые два года въ какомъ-нибудь городѣ происходитъ всеобщій сѣздъ нѣмецкихъ учителей, который открывается во второй день Пятидесятницы и продолжается 3—4 дня. На подобныя собранія сѣзжаются тысячами учителя и учительницы изъ всѣхъ нѣмецкихъ странъ и государствъ. Последний всеобщій сѣздъ нѣмецкихъ учителей былъ въ 1902 г. въ Хемницѣ (въ Саксоніи), а ближайшій будетъ въ 1904 г. въ Кенигсбергѣ.

Мнѣ удалось побывать только на одномъ сѣздѣ сельскихъ учителей въ деревнѣ Глюксбургѣ (въ Шлезвигѣ). Изъ 30 членовъ Глюксбургскаго общества на сѣздѣ присутствовало 27 учителей и учительницъ. Сначала одинъ изъ членовъ далъ въ Глюксбургскомъ народномъ училищѣ (собраніе происходило въ послѣобѣденное время) образцовый урокъ (математической) географіи по катехетической методѣ. Затѣмъ въ помѣщеніяхъ общества около двухъ часовъ за чашкой кофе и стаканомъ пива обсуждались хорошія и дурныя стороны

даннаго образцоваго урока. Потомъ двое изъ учителей, посѣтившихъ въ томъ году всеобщее нѣмецкое учительское собраніе въ Хемницѣ, прочитали рефераты объ этомъ собраніи учителей.

Съ учительскими обществами тѣсно связаны учительскія бібліотеки, состоящія главнымъ образомъ изъ книгъ и періодическихъ изданій педагогическаго содержанія. Многія учительскія общества сами издають книги, газеты и журналы и заводятъ школьные музеи, гдѣ выставлены лучшія наглядныя пособія и различныя системы классной мебели. Подобные школьные музеи, содержимые учительскими обществами, были мною осмотрѣны въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Познани. Замѣчательно, что часто школьные музеи возникаютъ и существуютъ безъ всякой или при весьма малой правительственной субсидіи. Такъ, напр., „Нѣмецкій школьный музей“ (Deutsches Schulmuseum) въ Берлинѣ былъ основанъ однимъ учителемъ Гале. Состоя редакторомъ *Pädagogische Zeitung*, онъ помѣщалъ въ своей газетѣ рецензіи о новыхъ изданіяхъ въ педагогической литературѣ. Авторы и издатели стали присылать ему свои книги для рецензій. Этими книгами онъ положилъ начало „Нѣмецкому школьному музею“, въ бібліотекѣ котораго теперь уже около 25,000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій. До 1891 г. музей не получалъ ни отъ города ни отъ государства никакого пособія. Теперь, по смерти Гале, музей находится въ завѣдываніи учительскаго общества, которое получаетъ для содержанія музея всего 500 марокъ ежегодной субсидіи. Продолжая издавать „Педагогическую Газету“, общество все болѣе и болѣе обогащаетъ музей новыми изданіями, присылаемыми для рецензій. Почти такая же исторія школьнаго музея въ Познани, который былъ основанъ учительскимъ обществомъ на добровольныя пожертвованія въ 1895 г. Въ прошломъ году по инвентарю въ немъ числилось учебныхъ пособій больше, чѣмъ на 6000 марокъ: торговыя фирмы охотно присылають во всякій школьный музей свои изданія, чтобы такимъ образомъ съ ними могли ознакомиться учителя. Такъ, напр., во время моего

посѣщенія въ познанскомъ музеѣ перебивало около 30—40 учителей (музей бываетъ открытъ только по воскресеньямъ), и всѣ они были заняты обсужденіемъ пригодности и непригодности вновь прибывшихъ учебныхъ пособій и руководствъ. Въ Кенигсбергѣ, гдѣ въ слѣд. году имѣеть быть всеобщій съѣздъ нѣмецкихъ учителей, уже въ прошломъ году, когда я тамъ посѣщалъ народныя школы, начальники учебныхъ заведеній разсылали письма во всѣ извѣстныя издательскія фирмы съ просьбою о бесплатной присылкѣ своихъ изданій въ ихъ училища, и радовались, что ко времени всеобщаго съѣзда учителей кенигсбергскія училища даромъ будутъ снабжены самыми лучшими учебными пособіями.

Понятно, что какъ учительскіе съѣзды, общества и союзы, такъ и учительскіе библіотеки, школьные музеи и богатая педагогическая литература много содѣйствуютъ самообразованію учителей на педагогическомъ поприщѣ.

Что же касается содержанія учителей, то въ Пруссіи оно значительно хуже, чѣмъ въ остальной Германіи. По существующему закону прусскій учитель получаетъ отъ общины при поступленіи на службу въ годъ при готовой квартирѣ съ отопленіемъ не менѣе 1000 марокъ, не включая сюда доходовъ съ церковныхъ службъ, если учитель вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ органистомъ или канторомъ. Понятно, что общины въ городахъ и богатыхъ мѣстностяхъ назначаютъ учителю значительно бѣльшее жалованье. Къ жалованью, получаемому отъ общины, черезъ каждые 2—5 лѣтъ идутъ отъ казны постоянныя прибавки въ размѣрѣ 150—300 марокъ въ годъ, такъ что послужившіе учителя получаютъ 2000—3000 марокъ въ годъ. Если учитель черезъ 10 лѣтъ выходитъ по болѣзни въ отставку, то получаетъ пенсію въ $\frac{1}{4}$ ч. послѣдняго жалованья; за каждый дальнѣйшій годъ службы прибавляется $\frac{1}{60}$ часть жалованья, такъ что черезъ 40 лѣтъ службы получается пенсія ($\frac{1}{4} + \frac{30}{60} =$), равная $\frac{3}{4}$ жалованья. По смерти мужа жена получаетъ $\frac{1}{3}$ пенсіи мужа и каждое изъ дѣтей до 18 лѣтняго возраста $\frac{1}{5}$ пенсіи матери.

6. Посѣщеніе чисто нѣмецкихъ школъ.

Сдѣлавъ краткій общій очеркъ отдѣльныхъ типовъ прусскихъ школъ и подготовки ихъ педагогическаго персонала, перейду теперь къ описанію училищъ въ нѣкоторыхъ городахъ съ чисто нѣмецкимъ населеніемъ, а именно: въ Кенигсбергѣ, Фленсбургѣ и Берлинѣ.

А. Народныя училища въ Кенигсбергѣ.

Всѣ народныя училища (Volksschulen) въ г. Кенигсбергѣ съ 6 восходящими классами. Такъ какъ въ VI (самый низшій) классѣ дѣти принимаются два раза въ году — послѣ пасхальныхъ и послѣ михайловскихъ ваканцій, то всѣ училища двойныя: для однихъ классовъ учебный годъ начинается съ Пасхи, а для другихъ съ Михайлова дня, и сообразно съ этимъ въ каждомъ училищѣ бываетъ не менѣе 12 классовъ. Въ низшихъ 5 классахъ (съ VI—II) дѣти сидятъ по одному году, а въ I классѣ остаются 3 года (6, 7 и 8 годы обученія), если уже раньше въ какомъ-нибудь классѣ не оставались на повторительный курсъ. Во избѣжаніе отдѣленій въ I классѣ учебный матеріалъ распределяется такъ, что всѣ ученики одновременно проходятъ одно и то же, а потому и здѣсь только одно отдѣленіе. Въ г. Кенигсбергѣ, гдѣ около 190,000 жителей, 12 нар. училищъ для мальчиковъ и 12 такихъ же училищъ для дѣвочекъ; въ каждомъ изъ нихъ отъ 12—14 классовъ и отъ 600—700 учащихся. Кромѣ того, въ Кенигсбергѣ одно среднее и одно городское училище для мальчиковъ, 2 высшихъ женскихъ училища (эти училища для дѣвочекъ замѣняютъ среднія и городскія училища) и нѣсколько Fortbildungsschulen для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Не имѣя никакой возможности въ своемъ докладѣ описать всѣхъ училищъ, которыя я посѣтилъ, а подавно всѣхъ уроковъ, на которыхъ я побывалъ, ограничусь какъ здѣсь, такъ и вездѣ далѣе краткимъ описаніемъ лишь нѣкоторыхъ училищъ и болѣе тишныхъ уроковъ.

Въ VIII народномъ училищѣ для мальчиковъ я присутствовалъ въ VI⁰ классѣ на медицинскомъ осмотрѣ дѣтей, поступившихъ въ школу послѣ Пасхи. Осмотръ производился такъ: одна дама раздѣвала и одѣвала дѣтей (нѣмецкая дѣтская одежда настолько сложна, что еще не всѣ 6 лѣтнія дѣти умѣютъ раздѣваться и одѣваться); врачъ осматривалъ глаза, уши, грудь, тѣлесное сложеніе, выслушивалъ пульсъ, измѣрялъ ростъ, взвѣшивалъ на вѣсахъ, а классный наставникъ все это записывалъ въ особую книгу.

При этомъ училищѣ существуютъ особые классы для исправленія недостатковъ выговора учениковъ. Сюда въ извѣстные часы собираются ученики съ подобными недостатками и изъ другихъ училищъ. Во время моего посѣщенія урокъ велся слѣд. образомъ: Ученики сидѣли прямо, сложивъ руки на спину, и по командѣ учителя вдыхали и выдыхали воздухъ. Для произношенія „ха“ ученики, широко раскрывъ ротъ въ видѣ O, по командѣ вдыхали воздухъ и затѣмъ, по командѣ медленно выдыхая воздухъ, произносили „ха“. Расширивъ ротъ на подобіе , они тѣмъ же путемъ произносили „хе“. Придавая рту формы , они произносили „ха—хе“. Затѣмъ они, образовавъ изъ губъ трубочку, при выдыханіи произносили „хи“, а потомъ, придавая рту соответствующія формы, по командѣ при выдыханіи произносили „ха—хе—хи“. Далѣе, они произносили слова съ этими слогами. Вначалѣ слова со слогами: ха, хе, хи, давались дѣтямъ трудно, а нѣкоторые ученики совсѣмъ не могли ихъ произносить. Но послѣ долгихъ упражненій въ произношеніи отдѣльно и хоромъ слоговъ: ха, хе, хи, учитель добился того, что эти слоги стали довольно ясно произносить даже самые слабые ученики. По заявленію учителя, результаты получаются хорошіе. Но, къ сожалѣнію, я за недостаткомъ времени не могъ прослѣдить полного курса исправленія заикъ и шепелявыхъ дѣтей.

VIII народное училище для дѣвочекъ представляетъ настоящій дворецъ, расположенный на высокомъ мѣстѣ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ городскихъ зданій. Все

въ немъ устроено и приспособлено по всѣмъ требованіямъ нѣсколькой гигіены: большія свѣтлыя классныя помѣщенія, особый классъ для пѣнія; великолѣпный гимнастическій и рекреационный залъ; особая комната для медицинскаго осмотра ученицъ; прекрасно устроенныя гардеробныя; широкіе коридоры и лѣстницы; въ подвальныхъ помѣщеніяхъ ванныя съ душами, гдѣ ученицы еженедѣльно моются; хорошая вентиляція; отопленіе теплымъ воздухомъ; освѣщеніе газомъ Ауэра (Gasglühlicht); вездѣ образцовая чистота; классная мебель полированная; парты системы Лакрота; при училищѣ обширный дворъ, усыпанный мелкими камешками.

Для того, чтобы имѣть представленіе о томъ, чего можно достигъ въ благоустроенномъ женскомъ народномъ училищѣ, я присутствовалъ въ I (старшемъ) классѣ на урокахъ по всѣмъ предметамъ.

На урокъ закона Божія ученицы рассказывали притчу о Милосердномъ Самаранинѣ со слѣд. измѣненіями: 1) Отъ имени священника: „По окончаніи службы въ церкви я шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ къ одному своему знакомому. На дорогѣ мнѣ стало страшно, такъ какъ здѣсь неоднократно на путниковъ нападали разбойники. Вдругъ я вижу челоуѣка, ограбленнаго разбойниками, избитаго и лежащаго въ крови. Я вспомнилъ о женѣ и дѣтяхъ, и убѣжалъ скорѣе прочь“. 2) Отъ имени левита: приблизительно то же самое. 3) Отъ имени ограбленнаго: „Я шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ. Вдругъ на меня напали разбойники, избили, ограбили, оставивъ еле живымъ. Вотъ вижу — изъ церкви идетъ священникъ, и думаю: онъ иосланъ мнѣ Богомъ; но онъ только подошелъ ко мнѣ, иосмотрѣлъ и пошелъ дальше. Вижу — идетъ левитъ, и думаю, что онъ поможетъ мнѣ; но и онъ только иосмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше. Затѣмъ, къ ужасу своему, вижу — идетъ нашъ врагъ, самаранинъ, и думаю, что онъ совсѣмъ покончитъ со мною. Но онъ сдѣлалъ то и то и. т. д.“ Самаранинъ же о своемъ поступкѣ никому не рассказывалъ. Потомъ ученицы изъ

этой притчи сдѣлали выводъ, что нашъ ближній — всякій человѣкъ, нуждающійся въ помощи, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

На урокъ нѣмецкаго языка ученицы сначала выразительно прочитали нѣсколько стихотвореній Шиллера и Гете и рассказали біографіи и литературное значеніе ихъ авторовъ. Затѣмъ онѣ рассказали о непосредственномъ и посредственномъ управленіи словъ и о предлогахъ, управляющихъ однимъ и двумя падежами, подтверждая всякое грамматическое правило примѣрами изъ произведеній классическихъ писателей.

На урокъ женскихъ рукодѣлій ученицы, подъ руководствомъ двухъ учительницъ — специалистокъ, занимались шитьемъ рубахъ. Учительницы показали мнѣ также работы, исполненныя ученицами этого курса, и рассказали, что формальной цѣлью уроковъ рукодѣлій служитъ — развитіе въ ученицахъ эстетическое чувство, а практической цѣлью — научить ихъ изготовить ту или другую часть платья или бѣлья, умѣть опредѣлить достоинство и недостатки употребляемыхъ матеріаловъ и приучить ихъ въ хозяйствѣ соблюдать экономію. Издѣлія остаются собственностью ученицъ. Рукодѣліямъ обучаютъ только педагогически подготовленныя учительницы, избравшія своею спеціальностью рукодѣлія. Если въ классѣ болѣе 30 ученицъ, то съ ними одновременно занимаются двѣ учительницы. Рукодѣлія во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательный предметъ обученія. Вообще изъ видѣннаго и слышаннаго я заключилъ, что преподаваніе женскихъ рукодѣлій, имѣющее цѣлью развитіе у дѣвочекъ эстетическаго вкуса и подготовку къ практической жизни, въ этомъ училищѣ поставлено на рациональныхъ началахъ.

На урокъ гимнастики, которая тоже составляетъ обязательный предметъ обученія для дѣвочекъ, маршировка и военная выправка ученицъ не оставляли желать ничего лучшаго: онѣ съ пѣніемъ веселыхъ патріотическихъ и военныхъ пѣсень, маршировали, какъ настоящіе солдаты, а учительница командовала подобно офицеру. Но самое главное достоинство урока

гимнастики заключалось въ необыкновенномъ вниманіи ученицъ къ командѣ учительницы. На снарядахъ ученицы тоже исполняли довольно трудныя и сложныя упражненія.

IX мужское народное училище по своему внѣшнему благоустройству и внутреннему содержанію ни въ чемъ не уступаетъ только что описанному VIII женскому народному училищу. Училищныя помѣщенія здѣсь гораздо просторнѣе, чѣмъ въ VIII женскомъ училищѣ. Кроме того, въ этомъ училищѣ имѣются еще большія комнаты съ соответствующими приспособленіями для ручного труда и особый залъ для преподавація физики и химіи, въ которомъ сидѣнія для учениковъ расположены амфитеатромъ и окна при помощи особаго механизма закрываются спускающимся сверху общимъ занавѣсомъ изъ темной матеріи, не пропускающей свѣта. Въ широкихъ коридорахъ помѣщаются большихъ размѣровъ акваріумы, гдѣ ученики могутъ прослѣдить стадіи развитія, напр., лягушки, саламандры, рыбъ, водяныхъ жуковъ и пр. На громадныхъ окнахъ въ коридорахъ горшки съ самыми разнообразными цвѣтами. Стѣны коридоровъ и лѣстницъ украшены нравственно-религіозными реченіями и стихами. Въ классахъ на передней стѣнѣ нарисованы въ естественную величину мѣры метрической системы и на потолкѣ изображены главныя направленія вѣтровъ (Windrose).

При училищѣ большой дворъ, который усыпанъ мелкими камешками и въ сухую погоду поливается водою. Дворъ обнесенъ заборомъ. Вдоль забора на полосѣ земли шириною $1\frac{1}{2}$ —2 сажени, отгороженной металлической сѣткой, разведена культура растений, съ соответствующими каждому участку печатными надписями на заборѣ: „Цвѣтникъ“ (Blumengarten), „Плодовый садъ“ (Obstgarten), „Огородъ“ (Gemüsegarten), „Поля“ (ржаное, пшеничное, ячменное и т. д.), „Лугъ“, „Лѣсъ“. Въ каждомъ участкѣ на отдѣльныхъ растеніяхъ висятъ дощечки съ печатными надписями. Эти растенія лишь для того, чтобы ученики могли въ самой природѣ — въ саду, огородѣ, полѣ, лѣсу — прослѣдить жизнь и ростъ растеній.

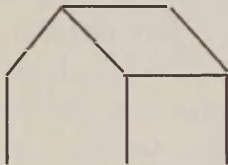
Но ихъ ни въ коемъ случаѣ не трогаютъ не только ученики, но и учителя не срываютъ ихъ для показыванія при обученіи въ классѣ: для класснаго показыванія и учебныхъ цѣлей извѣстные садовники поставляютъ необходимыя растенія во всѣ училища на счетъ города.

На солнечной сторонѣ двора помѣщены улей и стеклянные ящики, гдѣ разводятся бабочки, жуки, черви и пр., чтобы, постоянно разсматривая ихъ, дѣти могли слѣдить за развитіемъ и превращеніемъ различныхъ насѣкомыхъ. Какъ культура растеній, такъ и культура насѣкомыхъ на училищномъ дворѣ содержатся въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ.

Въ этомъ училищѣ я побывалъ на урокахъ почти во всѣхъ классахъ, и вездѣ, какъ и въ другихъ кенигсбергскихъ училищахъ, дѣти отвѣчали толково и обстоятельно. Особенно оригинальностью отличалось преподаваніе ручного труда. Ректору училища г. Брюкману, который напечаталъ брошюру *Formenkunde*, школьнымъ отдѣленіемъ магистрата разрѣшено въ видѣ опыта преподавать ручной трудъ по собственной системѣ, существенное отличіе которой отъ другихъ системъ заключается въ томъ, что обученіе ручному труду соединяется съ наглядными бесѣдами и обученіемъ геометріи, счету, черченію и пѣнію.

Въ VI⁰ классѣ, гдѣ обучались только что послѣ Пасхи поступившія въ школу дѣти, г. Брюкманъ велъ урокъ такъ: Сначала онъ бесѣдовалъ о томъ, кто (люди, птицы, улитки и пр.) строятъ себѣ жилища, и изъ чего строятъ себѣ жилища люди и разныя животныя; жилища людей наз. домами; дѣти строятъ дома изъ палочекъ. Затѣмъ дѣти взяли 3 красныя, 3 зеленыя и

2 бѣлыя палочки (спички) и построили изъ нихъ фигуру домика. Потомъ учитель велѣлъ каждому ученику сосчитать палочки, изъ которыхъ построенъ его домикъ, и отнимать палочки по 2, 3, 4. Далѣе ученики начертили фигуру домика и пропѣли пѣсенку:

Kommt herbei und sehet an, was ich alles bauen kann:

ohne Winkelmass und Kelle bau' ich Häuser, Scheunen, Ställe, Turm' und Schlösser gross und klein, brauche weder Kalk noch Stein (Приходите, посмотрите, что я могу построить: безъ угломѣра и лопаточки я строю дома, амбары, конюшни, башни и замки, большіе и малые, не употребляя ни извести ни камня). Когда ученики продѣлали еще нѣсколько подобныхъ упражненій, то учитель роздалъ имъ по листу бумаги. Учитель, приложивъ свой листъ къ классной доскѣ, показалъ, какъ слѣдуетъ сгибать его, чтобы получить изъ него каску (шлемъ). Когда у учениковъ изъ листа бумаги получилась каска, какую носятъ прусскіе солдаты, то по командѣ учителя каждый ученикъ надѣлъ свою каску на голову, сдѣлалъ подъ козырекъ, и весь классъ хоромъ пропѣлъ соответствующую военную пѣсню. Затѣмъ ученики начертили каску въ своихъ тетрадяхъ. Прибавивъ къ своей каскѣ два пера, ученики получили каску нѣмецкаго стрѣлка, и учитель повелъ бесѣду о стрѣлкахъ, въ концѣ которой ученики пропѣли еще одну военную пѣсню. Урокъ прошелъ очень живо, и малыши занимались своей работой съ большимъ интересомъ и воодушевленіемъ.

Въ III⁰ классѣ передъ каждымъ ученикомъ лежали дощечка, карандашъ, папка и нѣкоторые необходимые при ручномъ трудѣ инструменты. Учитель предлагалъ геометрическія задачи на построеніе, которыя рѣшались учениками на классной доскѣ. Затѣмъ ученики то же самое и точно такъ же чертили на папкѣ и по проведеннымъ карандашомъ линіямъ разрѣзывали ее на части, изъ которыхъ потомъ строили и клеивали разныя фигуры и предметы.

Во II^m классѣ ученики работали на верстакахъ, а именно: выстрагивали правильную восьмигранную призму, которую постепенно превращали въ правильную 16 и 32 гранную призму, а послѣднюю въ цилиндръ, изъ котораго должны были сдѣлать молотъ. Каждый переходъ своей работы они чертили и точно вычисляли полную поверхность и объемъ полученныхъ иризмъ.

Ручной трудъ необязательный предметъ обученія. Классы ручного труда существуютъ только при нѣкоторыхъ училищахъ.

Б. Народныя училища въ Фленсбургѣ.

Фленсбургскія народныя училища, которыя я посѣщаль съ 28—31 мая, весьма похожи на кенигсбергскія. Существенное отличіе ихъ состоитъ только въ томъ, что въ Фленсбургѣ, какъ и во всемъ Шлезвигъ-Гольштейнѣ (за исключеніемъ острова Альзена) и Лауэнбургѣ, по дѣйствующему еще датскому закону 1814 г. мальчики обязаны обучаться 10 лѣтъ, съ 6—16 лѣтняго возраста, а дѣвочки 9 лѣтъ, съ 6—15 лѣтняго возраста, и что въ фленсбургѣ народныя училища для мальчиковъ съ 7, а для дѣвочекъ съ 6 восходящими классами. Сроки поступленія въ училище 1 апрѣля и 1 октября. Вслѣдствіе этого народныя училища для мальчиковъ имѣютъ не менѣе 14 и для дѣвочекъ не менѣе 12 классовъ. Понятно, что въ фленсбургскихъ училищахъ можно достигъ и лучшихъ результатовъ, чѣмъ въ кенигсбергскихъ.

Всѣ мною осмотрѣнныя фленсбургскія училища помѣщаются въ большихъ 3-хъ этажныхъ зданіяхъ, которыя въ общемъ очень похожи на кенигсбергскія. Во многихъ изъ нихъ ванныя съ душами, которыми въ опредѣленные дни и часы могутъ пользоваться и учащіеся тѣхъ училищъ, въ которыхъ еще нѣтъ своихъ ваннъ. Въ г. Фленсбургѣ, который по числу жителей (50,000) приблизительно равенъ г. Юрьеву, 8 мужскихъ и 7 женскихъ народныхъ училищъ, 2 городскихъ училища (Mittelschulen) для мальчиковъ и 2 высшихъ женскихъ училища для дѣвочекъ.

Свято-Маріинское мужское народное училище, въ которомъ 16 классовъ и около 800 учащихся, помѣщается въ весьма грандіозномъ зданіи, построенномъ въ готическомъ стилѣ. Въ немъ особый, весьма обширный залъ для рисованія. Въ рисовальномъ залѣ парты длинныя, широкія и специально приспособлены для цѣлей рисованія. Въ шкафахъ и на полкахъ

цѣлая масса моделей, орнаментовъ, рисунковъ, картинъ и другихъ принадлежностей обученія рисованію. Рисованіе преподаетъ особый учитель-спеціалистъ.

Во время моего посѣщенія въ рисовальномъ залѣ учитель занимался съ учениками I класса. Сообразно своимъ способностямъ, одни ученики рисовали поставленные передъ ними предметы, другіе тушевали, третьи рисовали красками и т. д. Учитель показаль мнѣ также работы, исполненныя учениками IV и I классовъ. По истинѣ нужно удивляться, чего можно достигъ по рисованію при правильной постановкѣ учебнаго предмета даже въ народномъ училищѣ: подобными работами по рисованію могли бы гордиться и наши реальныя училища.

Во II классѣ (6-ой годъ обученія) на урокъ нѣмецкаго языка ученики прочитали нѣсколько стихотвореній. Они читали очень медленно, почти по слогамъ, но громко и съ такимъ выраженіемъ, что слушая ихъ чтеніе, какъ будто слышишь разговоръ между дѣйствующими лицами. Разсказавъ правила постановки знаковъ препинанія въ слитномъ предложеніи, ученики потомъ на эти правила приводили примѣры, разбирали слитныя предложенія по книгѣ, и вообще своими отвѣтами доказали, что они очень тверды въ грамматикѣ. Въ концѣ урока они, по предложенію учителя, хорошо и съ большимъ воодушевленіемъ пропѣли нѣсколько патріотическихъ пѣсенъ.

По окончаніи уроковъ ректоръ показаль мнѣ учебныя пособія, которыми училище весьма богато. Однихъ чучелъ птицъ и звѣрей болѣе 100. Не менѣе богато училище также картинами по всѣмъ учебнымъ предметамъ.

Въ Св. Николаевскомъ женскомъ народномъ училищѣ 12 классовъ и около 600 ученицъ, которыхъ обучаютъ 1 ректоръ, 1 проректоръ и 14 учителей и учительницъ.

Въ VI⁰ классѣ учительница занималась обученіемъ чтенію по аналитико-синтетической методѣ. Цѣлью урока служило ознакомленіе ученицъ со звукомъ и иечатною буквою р (г). Показавъ розу, и затѣмъ ея картину, учительница нѣсколько разъ сама протяжно произносила слово Rose, а потомъ велѣла

точно такъ же произносить это слово ученицамъ. Потомъ отъ слова Rose былъ отдѣленъ начальный звукъ „р“. Когда ученицы звукъ „р“ нѣсколько разъ протяжно повторили отдѣльно и хоромъ, то учительница, вертя рукою на подобіе колеса прялки и произнося „ррр“. . ., спросила: „Что такъ вертится?“ Ученицы отвѣтили: „Колесо“ (Rad). Потомъ ученицы встали и, вертя рукою, произносили звуко-подражаніе колеса „ррр. . .“. Послѣ того учительница показала печатную букву „р“ (r), и когда ученицы нѣсколько разъ назвали звукъ этой буквы и по звуку „р“ показали букву „р“, то она на читальной машинѣ (Lesemaschine) составила слоги и слова съ буквою „р“, которые ученицы читали отдѣльно и хоромъ¹⁾.

Употребляя разные интересные приемы, живо и наглядно объясняя значеніе непонятныхъ словъ, умѣло предлагая вопросы и привлекая къ общей работѣ весь классъ, учительница дѣлала свой урокъ крайне занимательнымъ, и шестилѣтняя дѣтвора, отъ которой иногда трудно и слова добиться, на перерывѣ отвѣчала на вопросы учительницы.

Въ V⁰ классѣ (второй годъ обученія) учительница вела наглядныя бесѣды (Sprech- und Anschauungsunterricht) по картинамъ Пфейеффера и тексту К. Кера. На картинѣ представлено находящееся въ кустахъ гнѣздо, въ которомъ сидятъ птенчики; надъ ними на вѣткѣ сидитъ птичка; у куста стоитъ мальчикъ, смотреть въ гнѣздо на птенчиковъ, но не трогаетъ ихъ. На эту тему учительница по картинѣ повела весьма занимательную и поучительную бесѣду, которую потомъ обобщила въ видѣ коротенькой статейки.

1) Читальной машиной наз. особаго рода учебное пособие для обученія грамотѣ, при помощи котораго изъ крупныхъ разрѣзныхъ буквъ, ясно видныхъ всему классу, легко составляются слова и фразы. Читальная машина ставится передъ учащимися на столъ или на кафедру и, по мѣрѣ того, какъ преподаватель при помощи особаго механизма машины составляетъ слоги, слова и фразы, дѣти читаютъ ихъ отдѣльно или хоромъ.

Когда дѣти усвоили содержаніе статейки, то учительница прочитала небольшое стихотвореніе: „Мальчикъ и птички“ (Der Knabe und die Vögelchen), въ которомъ въ стихотворной формѣ изложено то же самое, что въ статейкѣ въ прозаической формѣ. Стихотвореніе это ученицы сначала со словъ учительницы заучили наизусть, а затѣмъ по какой-то уже извѣстной мелодіи пропѣли его. Въ концѣ урока ученицы прочитали и пропѣли около 10 другихъ ими раньше заученныхъ дѣтскихъ стихотвореній съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ. (Въ нѣмецкихъ школахъ дѣти, заучивъ наизусть какое-нибудь стихотвореніе, немремѣнно должны умѣть и пропѣть его).

Въ I классѣ, гдѣ занимался самъ ректоръ г. Генигсенъ, весьма опытный и дѣльный педагогъ, ученицы подробно рассказывали и разбирали первыя дѣйствія изъ „Вильгельма Телля“ Шиллера, которыя ими на предыдущихъ урокахъ были прочитаны и разобраны. Приступая къ разсказу, ученицы прежде всего на классной доскѣ начертили Фирвальдштеттерское озеро, какъ центръ дѣйствій драмы, и кругомъ него — рѣки, города, деревни и пр., гдѣ происходятъ отдѣльныя сцены. Рассказывая содержаніе той или другой сцены, ученицы прежде всего указывали, гдѣ она происходитъ и канія въ ней участвуютъ дѣйствующія лица, и затѣмъ подробно рассказывали самую сцену языкомъ весьма близкимъ къ тексту, а лучшія и характерныя мѣста передавали буквальными словами автора. Характеры дѣйствующихъ лицъ были очерчены ярко и всесторонне и ихъ отличительныя черты подтверждаемы указаніемъ на поступки дѣйствующихъ лицъ или приведеніемъ цитатовъ изъ драмы. Связно, подробно и послѣдовательно передавая содержаніе драмы и умѣло, обстоятельно характеризуя дѣйствующихъ въ ней лицъ, ученицы доказали, что онѣ развитыя и въ полномъ смыслѣ слова образованныя дѣвушки, а не простыя зубряжки.

Въ связи съ высраниваніемъ драмы преподаватель спранивалъ и изъ теоріи словесности, при чемъ болѣе по-

дробно остановился на стихосложеніи. Сначала ученицы рассказали о различных видахъ стихосложенія, начертили ихъ на классной доскѣ, приводили на каждый изъ нихъ массу образцовъ и, читая эти образцы съ должными повышеніями и пониженіями голоса, ударяли при повышеніяхъ голоса въ ладоши. Затѣмъ учитель самъ называлъ различныя стихотворенія, и ученицы опредѣляли ихъ размѣръ и читали ихъ хоромъ, ударяя при повышеніяхъ въ ладоши.

На вопросъ ректора, какія стихотворенія Гейбеля знаютъ ученицы, онѣ назвали около 10. Нѣкоторыя изъ нихъ были прочитаны ученицами съ каеэды, и чтеніе это было не только выразительное, но и въ полномъ смыслѣ художественное.

Не менѣе блестяще ученицы отвѣчали по грамматикѣ о сложномъ предложеніи и о знакахъ препинанія въ немъ, подтверждая все сказанное литературными примѣрами.

Вообще, слушая отвѣты ученицъ въ этомъ училищѣ, совсѣмъ забываешь, что находишься въ народномъ училищѣ, а не въ среднемъ учебномъ заведеніи. А главное, что здѣсь отвѣчаютъ не отдѣльныя ученицы, а весь классъ на перерывѣ, и притомъ съ какимъ воодушевленіемъ! Въ нѣмецкихъ школахъ на всякій вопросъ учителя должны поднимать руку всѣ учащіеся, желающіе отвѣчать, при чемъ въ большинствѣ случаевъ не возбраняется учащимся поднимать руку, какъ угодно высоко. Въ этомъ отношеніи у г. Генигсена ученицы до того усердствовали, что сидящія на переднихъ скамейкахъ буквально постоянно вертѣли руками около его носа. Но г. Генигсенъ на это не обращалъ вниманія и только по временамъ отнималъ руки ученицъ и клалъ ихъ на столъ или держалъ ихъ въ своихъ рукахъ, чтобы онѣ не болтались около его носа.

На мой вопросъ, проходятъ ли ученицы и остальные драматическія произведенія Шиллера, Гете, Лесинга и другихъ классическихъ писателей такъ же подробно, какъ „Вильгельма Телля“, г. Генигсенъ отвѣтилъ, что такъ подробно и основательно онѣ проходятъ лишь по одному образцу на каждый

видъ драматическій произведеній, хотя и другія классическія произведенія тоже по мѣрѣ возможности прочитываются и объясняются въ классѣ; кромѣ того, онъ проходитъ „Вильгельма Телля“ такъ подробно еще и потому, что эта драма скоро будетъ дана въ городскомъ театрѣ для учащихся народныхъ школъ.

Что сказано объ успѣхахъ ученицъ, то же самое нужно сказать и объ образцовомъ порядкѣ, какой здѣсь царствуетъ вездѣ и во всемъ по учебно-воспитательной части, чистотѣ и опрятности училищныхъ помѣщений, двора и самихъ учащихся. Такъ, напр., ректоръ обратилъ мое вниманіе, что послѣ большой перемѣны (въ 20 минутъ), во время которой ученицы завтракаютъ и играютъ на дворѣ, на послѣднемъ будетъ такая же чистота, какъ и до перемѣны. И дѣйствительно, послѣ перемѣны, несмотря на то, что тамъ играло и кружилось около 600 ученицъ, дворъ оказался чистехонькимъ. На мой вопросъ, чѣмъ это достигается, г. ректоръ объяснилъ, что для того, куда бросать корки хлѣба, лоскутки бумаги и другія ненужныя вещи, есть на дворѣ корзинки; что по очереди ученицы сами дежурятъ на дворѣ и слѣдятъ за чистотою, а если не услѣдили, то дежурныя должны тотчасъ послѣ ухода ученицъ со двора все собрать и бросить въ корзинки. Ученицы изъ классовъ выходятъ и приходятъ со двора въ классы въ извѣстномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего нѣтъ шума, толкотни, противоположныхъ теченій на лѣстницахъ и т. д. Впрочемъ подобный порядокъ существуетъ не только здѣсь, но и вездѣ въ германскихъ школахъ. Такъ, напр., въ германскихъ городскихъ школахъ не рѣдко учится отъ 2000—2500 дѣтей, но тамъ никогда нельзя встрѣтить, чтобы дѣти толпились около училища на улицѣ, или, проходя по улицѣ, можно было слышать какой-либо шумъ въ училищѣ. Учащіеся приходятъ въ училище и выходятъ изъ него лишь въ точно опредѣленное время, когда ихъ при входѣ встрѣчаютъ и при уходѣ провожаютъ учащіе. Точно также и во время перемѣнъ они всегда

выходятъ изъ классовъ и приходятъ обратно въ классы вмѣстѣ со своими учителями и учительницами, между которыми строго распредѣленъ порядокъ надзора въ классахъ, въ коридорахъ и на дворѣ.

По окончаніи учебныхъ занятій г. ректоръ повелѣ меня въ кабинетъ учебныхъ пособій, гдѣ особенно бросалась въ глаза масса картъ и картинъ. Картины распредѣлены по отдѣламъ и расположены въ извѣстномъ порядкѣ: 1) Вѣтхій Завѣтъ, 2) Новый Завѣтъ, 3) церковная исторія, 4) наглядное обученіе, 5) картины къ статьямъ для чтенія по хрестоматіи, 6) картины по литературѣ и къ литературнымъ образцамъ, 7) картины по древней исторіи, 8) картины по исторіи отъ Карла Великаго до Лютера, 9) отъ Лютера до Фридриха Вильгельма I, 10) отъ Фридриха Вильгельма I до Фридриха Великаго, 11) отъ Фридриха Великаго до нашего времени, 12) географія (съ различными отдѣлами), 13) ботаника, 14) зоологія, 15) анатомія и фізіологія человѣка, 16) произведенія искусства. Каждый изъ этихъ отдѣловъ весьма богатъ и заключаетъ почти всѣ лучшія картины, предназначенныя для школьнаго обученія. Но па ряду съ такими спеціальными изданіями мы встрѣчаемъ и обыкновенныя картины, вырѣзанныя изъ разныхъ журналовъ и наклеенныя на папкѣ. Многія изъ картинъ послѣдняго рода тоже могутъ служить прекрасными пособіями при обученіи. Такимъ богатымъ собраніемъ картинъ училище обязано главнымъ образомъ ректору г. Генигсену, который, будучи большимъ любителемъ картинъ и произведеній искусства, собралъ и систематизировалъ ихъ.

В. Народныя училища въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ народныя училища наз. *Gemeindeschulen*, и всѣ они восьмиклассныя. Такъ какъ въ училища дѣти принимаются два раза въ годъ — послѣ Пасхи и послѣ Михайлова дня, то въ каждомъ училищѣ обыкновенно отъ 16—24 классовъ и отъ 800—1200 учащихся. Къ концу

1900 г. въ Берлинѣ было 241 народное училище съ 4242 классами и 210,098 учащимися (см. Verwaltungs-Bericht des Magistrats zu Berlin für das Etatsjahr 1900, № 8, стр. 5), а къ 1-му апрѣля 1902 г. было 256 народныхъ училищъ съ около 232,500 учащихся. Если сюда прибавимъ учениковъ и ученицъ, обучающихся во всевозможнѣйшихъ Fortbildungsschulen, то изъ однихъ учащихся въ народныхъ школахъ, содержимыхъ на средства города Берлина, образуется городъ не меньше нашей Риги.

Въ берлинскихъ народныхъ школахъ преподаются слѣд. предметы: религія, нѣмецкій языкъ, чистописаніе, наглядное обученіе, ариѳметика, геометрія, естественная исторія, физика, химія, родиновѣдѣніе и географія, исторія, пѣніе, черченіе и рисованіе, гимнастика и женскія рукодѣлія для дѣвочекъ. Какъ видно изъ учебныхъ плановъ (Der Grundlehrplan für die Berliner Gemeindeschulen), многіе изъ означенныхъ предметовъ проходятся почти въ такомъ же объемѣ, какъ въ нашихъ реальныхъ училищахъ или женскихъ гимназіяхъ.

Въ Берлинѣ (съ 10—17 іюня) я побывалъ на урокахъ до и послѣ обѣда въ 10 различныхъ народныхъ училищахъ. Всѣ посѣщенныя мною училища помѣщаются въ хорошихъ зданіяхъ, снабжены новѣйшими системами школьной мебели и богаты учебными пособіями. Точно также и познанія учениковъ во всѣхъ училищахъ не оставляютъ желать ничего лучшаго.

252 народное училище для дѣвочекъ помѣщается въ новомъ, недавно построенномъ зданіи, одинъ конецъ котораго занимаетъ названное женское училище, а другой конецъ такое же училище для мальчиковъ. Дворъ раздѣленъ оградой пополамъ, а гимнастическій залъ общій. Это огромное 5 этажное зданіе съ двумя флигелями похоже на порядочный дворецъ. Та же роскошь и внутри. Классы и коридоры просторны и свѣтлы. Въ классахъ по 4 окна; каждое окно съ 12 большими стеклами. Для уроковъ рисованія, женскихъ рукодѣлій, физики и химіи особыя залы съ соотвѣтствующею своему назначенію обстановкою. Въ обоихъ

концахъ всѣхъ коридоровъ ретирады, но онѣ устроены такъ хорошо и содержатся въ такой чистотѣ, что буквально ничѣмъ не даютъ себя чувствовать. Въ подвальныхъ помѣщеніяхъ ванныя съ душами (Brausebader). Мебель вездѣ самая лучшая, полированная. Парты одно- и двумѣстныя системъ Цана и Реттига. Парты системы Реттига устроены такъ, что при подметаніи класса ихъ совсѣмъ не нужно передвигать, а онѣ сами при помощи особаго механизма поднимаются и становятся концомъ вверхъ. Гимнастическій залъ помѣщается въ особомъ зданіи за дворомъ и по своимъ громаднымъ размѣрамъ и богатству снарядами могъ бы съ честью служить и для юнкерскаго училища. Рядомъ съ гимнастическимъ заломъ, въ томъ же зданіи, двѣ большія комнаты, куда во внѣклассное время приходятъ заниматься подъ руководствомъ учителей и учительницъ (послѣдніе за это получаютъ особое вознагражденіе отъ города) малоуспѣвающія дѣти, а также дѣти, не имѣющія дома надлежащаго надзора. Для того, чтобы въ случаѣ заразныхъ болѣзней не заражались отъ учащихся семейства ректоровъ и сторожей, или же наоборотъ, квартиры послѣднихъ помѣщаются въ особомъ домѣ, рядомъ съ училищнымъ.

Въ I классѣ (8-ой годъ обученія) я присутствовала на урокахъ нѣмецкаго языка, химіи и рисованія.

На урокѣ нѣмецкаго языка г. ректоръ занимался разборомъ лирическихъ и эпическихъ произведеній Людвигъ Уланда. Сначала ученицы весьма выразительно наизусть прочитали и подробно, съ подобающими поясненіями, рассказали изъ эпическихъ произведеній Уланда стихотворенія: „Frühlingsglaube“, „Schäferssonntagslied“ и „Die Kapelle“, а изъ эпическихъ произведеній стихотворенія: „Der blinde König“, „Schwäbische Kunde“, „Not des schwäbischen Ritters“, „Siegfrieds Schwerd“, „Einkehr“ и др. Потомъ онѣ, разсматривая и сравнивая эти стихотворенія, вывели опредѣленіе для лирической и эпической поэзіи и указали на различія между той и другой. Преподаватель умѣло предлагалъ вопросы

и вель урокъ живо и съ такимъ воодушевленіемъ, что на его преподаваніе было и пріятно и поучительно смотрѣть.

На урокѣ химіи, который происходилъ въ особомъ классѣ, учитель спрашивалъ о водородѣ, его добываніи и свойствахъ; о разложеніи воды на ея составныя части при помощи гальваническаго тока; объ атмосферномъ воздухѣ, его составныхъ частяхъ и свойствахъ и опредѣленіи вѣса его, при чемъ ученицы, измѣривъ длину и ширину верхней доски каѳедры, въ килограммахъ вычислили давленіе воздуха на нее. На всѣ вопросы ученицы отвѣчали толково, послѣдовательно и увѣренно, проявляя такимъ образомъ, что пройденное усвоено ими сознательно и основательно.

На урокѣ черченія учитель показалъ мнѣ всѣ чертежи ученицъ этого класса, которые отличались чистотою и хорошимъ исполненіемъ. Въ концѣ урока, по предложенію ректора, ученицы пропѣли на голоса нѣсколько пѣсенъ. Пѣніе это было вполнѣ хорошее.

Точно также и въ другихъ классахъ ученицы по всѣмъ предметамъ отвѣчали очень хорошо. Вообще это женское народное училище какъ по внѣшнему и внутреннему благоустройству, такъ и по постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла не оставляетъ желать ничего лучшаго.

28 народное училище по грандіозности здація и по познаніямъ ученицъ ни въ чемъ не уступаетъ только что описанному 252 женскому народному училищу.

Въ IV^м классѣ на урокѣ женскихъ рукодѣлій, который происходилъ въ классѣ рукодѣлій, ученицы занимались штопаніемъ а) разорваннаго и б) разрѣзаннаго мѣсть въ платѣ. Показанныя мнѣ учительницами работы ученицъ были прекрасно исполнены.

Въ III^о классѣ на урокѣ антропологіи, входящей въ составъ естественной исторіи, учитель сообщалъ о кровообращеніи. Наглядными пособіями служили модели внутреннихъ органовъ человѣка и картины этихъ органовъ съ изображеніемъ циркуляціи крови. Попутно съ своимъ разказомъ учитель очень хо-

рошо и ясно начертилъ на классной доскѣ сердце съ его 4 камерами и оба круга кровообращенія, обозначая движеніе артеріальной крови краснымъ и движеніе венозной крови синимъ мѣломъ. Въ концѣ урока ученицы все сообщенное два раза рассказали, что и свидѣтельствовало о томъ, что онѣ поняли и усвоили такъ наглядно и послѣдовательно объясненный урокъ. Потомъ учитель предложилъ ученицамъ все сообщенное на урокѣ вмѣстѣ съ чертежомъ большого и малаго кровообращенія дома письменно изложить въ своихъ тетрадяхъ.

Въ II^м классѣ на урокѣ химіи, который происходилъ въ особомъ классѣ химіи и физики, учитель сообщалъ о сѣрѣ, ея добычаніи, свойствахъ и соединеніяхъ. На урокѣ учителемъ было произведено много весьма удачныхъ опытовъ, наблюдая которые, ученицы дѣлали соответствующіе выводы и главнѣйшія соединенія сѣры съ другими тѣлами записывали въ видѣ химическихъ формулъ. Ученицы обладали довольно подробными и сознательно усвоенными познаніями изъ химіи, ибо только при этомъ условіи онѣ могли такъ бойко ориентироваться въ сложныхъ химическихъ соединеніяхъ и трудныхъ для запоминанія формулахъ. Для того, чтобы наглядно представить ту или иную химическую формулу, учитель вызывалъ на средину класса нѣсколько ученицъ, и онѣ разными сочетаніями рукъ и пальцевъ изображали химическій составъ сложныхъ тѣлъ и формулы послѣднихъ. Точно также, называя раньше усвоенныя формулы, ученицы представляли ихъ соединеніемъ своихъ рукъ и пальцевъ. Урокъ учитель провелъ живо и занимательно, а потому въ концѣ урока ученицы повторили въ формѣ разсказа вновь добытыя знанія о сѣрѣ и ея соединеніяхъ.

Въ I^о классѣ на урокѣ нѣмецкаго языка ученицы, прочитавъ наизусть и разобравъ балладу „Графъ Габсбургскій“, рассказали о балладѣ и исторію ея развитія. Въ связи съ разбираемымъ стихотвореніемъ онѣ рассказали объ избраніи и дѣятельности перваго императора изъ дома Габсбурговъ. Потомъ ученицы рассказали біографію и литературное значеніе Фр. Шиллера, написавшаго разобранную

балладу. Ученицы всегда отвѣчали бойко, толково и основательно; но главное достоинство заключалось въ томъ, что хорошо отвѣчали не единичныя ученицы, а цѣлый классъ.

Въ 3 городскомъ мужскомъ Fortbildungsschule, гдѣ занятія происходятъ отъ 7—9 часовъ вечера, я побывалъ по $\frac{1}{2}$ часа на четырехъ урокахъ, а именно: 1) на урокѣ физики, гдѣ учитель при помощи гальваническаго тока разложилъ воду на ея составныя части и вывелъ ея формулу HO_2 ; 2) на урокѣ письма машиной (Maschinenschreiben), гдѣ учитель объяснялъ, какъ устроена пишущая машина Ремингтона, и какъ ею нужно пользоваться; 3) на урокѣ алгебры, гдѣ учитель занимался объясненіемъ дѣленія многочленовъ; и 4) на урокѣ рисованія орнаментовъ и гипсовыхъ фигуръ.

Во всѣхъ мною посѣщенныхъ классахъ сидѣли большею частью юноши, которые обучаются разнымъ ремесламъ. Днем они работаютъ у ремесленниковъ въ мастерскихъ, а вечеромъ приходятъ въ училище продолжать свое общее образованіе въ связи съ избранною специальностью.

Въ 8 городскомъ женскомъ Fortbildungsschule на урокѣ письма машиной ученицы писали машинами 5 различныхъ системъ. Нѣкоторыя ученицы писали уже быстро и хорошо.

На урокѣ двойной бухгалтеріи и торговой корреспонденціи учитель показалъ мнѣ всѣ 7 книгъ, которыя обязана вести каждая ученица. Во время моего посѣщенія ученицы быстро рѣшили двѣ предложенныя учителемъ задачи и рѣшенія ихъ занесли въ свои бухгалтерскія книги. Замѣчательно, что всѣ ученицы пишутъ твердымъ, хорошо выработаннымъ почеркомъ, который ничѣмъ не отличается отъ хорошаго мужского почерка.

Въ классѣ рукодѣлій ученицы занимались подъ руководствомъ двухъ учительницъ и были распределены на двѣ группы: младшая группа нашивала заплатку на мужскую рубаху, а старшая группа по начерченному образцу выкраивала женскую рубаху. Въ старшемъ отдѣленіи учительница сначала начертила на классной доскѣ женскую

рубаху по нормальной мѣркѣ. То же самое ученицы въ уменьшенномъ масштабѣ начертили въ своихъ тетрадяхъ. Затѣмъ ученицы снимали мѣрку другъ у дружки, и потомъ каждая по этой мѣркѣ начертила въ тетради свою рубаху въ уменьшенномъ видѣ. Потомъ онѣ, сообразно рисунку, начертили на полотнѣ разныя части своей рубахи и, послѣ провѣрки учительницею, выкроили ихъ, и приступили къ дальнѣйшей работѣ. Въ концѣ урока учительницы показали мнѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ работы ученицъ, исполненныя ими въ этомъ и прошедшемъ семестрахъ. Изъ этихъ работъ и объясненій учительницъ видно было, что руководѣлія въ здѣшнихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ проходятся по строго обдуманному плану и разумному методу.

Затѣмъ я присутствовалъ на урокѣ гимнастики въ обширномъ, богато снабженномъ приборами гимнастическомъ залѣ, гдѣ ученицы исполняли упражненія, нѣсколько напоминающія разные новѣйшіе тапцы и служащія главнымъ образомъ для выработки въ ученицахъ вниманія, ловкости и граціозности движеній, и въ этомъ отношеніи онѣ достигли большихъ результатовъ.

Въ этомъ училищѣ обучались дѣвушки отъ 15—19 лѣтняго возраста и между ними было не мало изъ интеллигентныхъ семействъ.

Подробныя свѣдѣнія о Fortbildungsschulen въ Берлинѣ, которыя тамъ получили весьма широкое развитіе, мы черпаемъ изъ оффиціальнаго изданія: „Übersicht über das Fortbildungsschulwesen und die gewerblichen Unterrichtsanstalten der Stadt Berlin. Februar 1902.“

7. Посѣщеніе инородческихъ школъ.

Кромѣ чисто нѣмецкихъ школъ, въ Пруссіи мною было посѣщено около 40 сельскихъ инородческихъ, или двуязычныхъ народныхъ училищъ въ провинціяхъ: Восточной Пруссіи (литовскія школы), Шлезвигъ-Гольштейнѣ (датскія

школы), Верхней Силезіи и Познани (польскія школы). Не имѣя никакой возможности въ своемъ краткомъ рефератѣ дать описаніе посѣщенныхъ мною инородческихъ училищъ, я ограничусь лишь нѣсколькими общими замѣчаніями о нихъ.

Въ Восточной Пруссіи, гдѣ инородческое населеніе обыкновенно живетъ разбросанно среди нѣмцевъ, литовскія дѣти при поступленіи въ школу, по большей части, уже кое-какъ понимаютъ по-нѣмецки. Къ тому же въ школахъ они обыкновенно учатся вмѣстѣ съ нѣмецкими дѣтьми, не понимающими по-литовски. Вслѣдствіе этого литовцы, проручившись 8—9 лѣтъ въ благоустроенной нѣмецкой школѣ, хорошо усвоятъ нѣмецкій языкъ и даже мало-по-малу онѣмечиваются.

Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, гдѣ обязательность обученія продолжается для мальчиковъ 10 и для дѣвочекъ 9 лѣтъ и гдѣ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно поставлены народныя школы, датскія дѣти хорошо овладѣваютъ нѣмецкимъ языкомъ. Усвоенію нѣмецкаго языка датчанами много способствуетъ также близкое родство датскаго языка съ нѣмецкимъ. Такъ какъ прусское правительство не особенно преслѣдуетъ датскій языкъ и даже допускаетъ употребленіе его въ первое время при обученіи въ школахъ, то датчане не питаютъ къ нѣмцамъ большой ненависти и довольно охотно изучаютъ нѣмецкій языкъ. Законъ Божій (6 уроковъ въ недѣлю) въ низшей ступени (первые 2—3 года обученія) преподается только по-датски, въ средней и высшей ступеняхъ по 4 урока въ недѣлю по-датски и по 2 урока по-нѣмецки. Преподаваніе двухъ недѣльныхъ уроковъ закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ введено въ старнія отдѣленія съ того цѣлю, чтобы датскія дѣти, которыя всѣ лютеранскаго исповѣданія, впослѣдствіи при отбываніи воинской повинности или при переселеніи въ другія провинціи могли присутствовать на нѣмецкомъ богослуженіи. Кромѣ того, въ первое время при обученіи всѣмъ предметамъ, гдѣ необходимо, допускается въ качествѣ вспомогательнаго средства

и употребленіе родного языка. Напр., при посѣщеніи школъ на островѣ Альзенѣ инспекторъ народныхъ училищъ г. Тодзенъ, который любезно сопровождалъ меня по школамъ своего района и знакомилъ меня съ методами обученія въ нихъ, спрашивалъ дѣтей какъ по-нѣмецки, такъ и по-датски и на урокахъ пѣшія велѣлъ имъ пѣть не только нѣмецкія, но и датскія пѣсни. Точно также и учителя въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ допускали на урокахъ употребленіе датскаго языка.

Въ Эльзасѣ-Лотарингіи, какъ видно изъ употребляемыхъ въ школахъ руководствъ (напр.: *Deutsche Sprechübungen für zweisprachige Schulen in Anschluss an die Strassburger Anschauungsbilder. Ausgearbeitet von J. Lombard, Kreisschulinspektor, und K. König, Mittelschulvorsteher. I Lehrerheft*), употребленіе французскаго языка допускается даже на урокахъ нѣмецкаго языка. То же самое мы видимъ изъ статьи, помѣщенной за ноябрь мѣсяць 1903 г. въ журналѣ: *Diezweispfachige Volksschule*, стр. 251. Въ той же статьѣ рекомендуется — во французскихъ школахъ весь первый учебный годъ посвящать исключительно устнымъ бесѣдамъ и обученіе нѣмецкой грамотѣ начинать только во второмъ учебномъ году (стр. 250).

Въ Силезіи и Познани, хотя по закону допускается употребленіе польскаго языка какъ вспомоgetельнаго средства при обученіи въ первое время, тѣмъ не менѣе прусское правительство относится къ полякамъ гораздо строже, чѣмъ къ французамъ и датчанамъ. Польскій языкъ преподается въ качествѣ необязательнаго предмета лишь въ тѣхъ школахъ, гдѣ этого пожелаютъ родители дѣтей. (См. *Lehrplan für ein- und zweiklassige Volksschulen, bearbeitet von Schulrat R. Baumhauer*, стр. 4). Въ Силезіи законъ Божій преподается въ низшей ступени (первые 2—3 года обученія) частью на польскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ, а въ средней и высшей ступеняхъ только на нѣмецкомъ языкѣ. Преподаваніе закона Божія въ Силезіи ведется въ старшихъ классахъ и отдѣленіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ потому, 1)

что эта провинція уже давно принадлежитъ нѣмцамъ, вслѣдствіе чего значительная часть населенія должна уже понимать по-нѣмецки; 2) что поляки въ Силезіи не понимаютъ литературнаго польскаго языка и говорятъ на особомъ нарѣчьи — *Wasserpölnisch*, сильно разбавленномъ нѣмецкими словами и оборотами; и 3) что предполагается, что среди польскихъ дѣтей въ школахъ могутъ быть и нѣмцы. Въ Познани и Восточной Пруссіи, гдѣ поляки говорятъ на литературномъ языкѣ, въ одно-, двух- и трехклассныхъ училищахъ законъ Божій преподается только на польскомъ языкѣ (см. тамъ же, стр. 15). Только въ старшихъ классахъ многоклассныхъ училищъ, гдѣ дѣти нѣмецкою рѣчью уже владѣютъ, якобы своею родною рѣчью, съ Пасхи 1902 г. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. Врешенѣ, стали преподавать законъ Божій на нѣмецкомъ языкѣ.

Такъ какъ народная школа враждебно относится ко всему польскому, то естественно она вызываетъ такое же враждебное отношеніе къ себѣ со стороны польскаго населенія. Вслѣдствіе этого народныя училища содержатся главнымъ образомъ на средства государства, а не мѣстнаго общества. За недостаточностью государственной субсидіи въ польскихъ провинціяхъ еще много одноклассныхъ и полудневныхъ училищъ съ большимъ числомъ учащихся. Точно также вся внѣшняя обстановка школъ: училищныя помѣщенія, классная мебель, учебныя пособія и пр., ясно свидѣтельствуетъ, какъ мало заботится польское общество о своей народной школѣ. Понятно, что все это мѣшаетъ успѣшности обученія. Но больше всего вреда причиняетъ народной школѣ враждебное настроеніе поляковъ, особенно ксендзовъ и помѣщиковъ, противъ народныхъ училищъ, гдѣ преподаваніе ведется только на нѣмецкомъ языкѣ. Отъ взрослыхъ ненависть къ нѣмцамъ переходитъ и на дѣтей и переносится ими въ школу. Такъ, напр., еще до прошлаго года во многихъ училищахъ ученики, принадлежавшіе къ Обществу Соколицевъ, которое имѣетъ цѣлью

возстановленіе царства Польскаго, сидѣли въ классѣ со значкомъ герба бывшаго Польскаго королевства. Когда учащимся было запрещено носить въ школѣ значокъ Соколицевъ, то они стали носить на груди поверхъ платья портретикъ папы, потому что въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи понятія „католикъ“ и „полякъ“ однозначашія, а носить изображеніе папы прусское правительство не можетъ запретить. Къ тому же при существованіи въ Германіи свободы слова и печати открыто проповѣдуется народу, какъ опасна нѣмецкая народная школа для польской національности и католичества. Въ виду всего этого часто польскія дѣти посѣщаютъ училище вовсе не для того, чтобы учиться, а лишь для отбыванія извѣстной повинности, возлагаемой на нихъ закономъ. Поэтому значительная часть дѣтей, просидѣвъ въ народномъ училищѣ 8—9 лѣтъ обязательнаго обученія, не только не кончаетъ въ немъ курса, но и не достигаетъ высшихъ классовъ и отдѣленій.

Здѣсь нелишне замѣтить, что многія дѣти въ народномъ училищѣ учатся не 8, а 9 лѣтъ, потому что по закону мало успѣвающія дѣти могутъ быть оставлены въ школѣ на одинъ годъ дольше. Такъ какъ въ инородческихъ школахъ успѣхи учащихся гораздо хуже, чѣмъ въ чисто нѣмецкихъ училищахъ, то инспекторы инородческихъ, особенно польскихъ, народныхъ училищъ, широко пользуются указанной статьей закона, оставляя на девятый годъ въ школѣ всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыя въ теченіе 8 лѣтняго срока обязательнаго обученія плохо овладѣли нѣмецкою рѣчью. А такихъ дѣтей во всякой инородческой школѣ не мало. Законъ требуетъ, чтобы уѣздный инспекторъ училищъ лично производилъ испытаніе всякому оканчивающему народное училище ученику. Если при поступленіи въ военную службу кто-либо изъ рекрутовъ не умѣетъ говорить по-нѣмецки или оказывается неграмотнымъ, то инспекторъ народныхъ училищъ того района, гдѣ учился рекрутъ, долженъ давать объясненіе, почему такой-то NN выпущенъ

изъ училища съ недостаточными познаніями. Для того, чтобы во всякое время давать подобныя объясненія, въ каждой школѣ ведется особая книга, въ которой подробно записываются успѣхи и поведеніе каждаго ученика за всѣ 8—9 лѣтъ обученія. Вотъ почему инспекторы народныхъ училищъ такъ часто оставляютъ слабыхъ учениковъ на девятый годъ въ училищѣ. Тѣмъ не менѣе по оффиціальнымъ даннымъ среди рекрутовъ восточныхъ провинцій болѣе 30% совершенно неграмотныхъ, а не умѣющихъ говорить по-нѣмецки такъ много, что рекрутамъ, быстро усваивающимъ нѣмецкую устную рѣчь, выдаются преміи.

Въ инородческихъ школахъ для усвоенія дѣтьми нѣмецкаго языка употребляются слѣд. средства:

1. Шестилѣтнихъ дѣтей, которыя при поступленіи въ школу обыкновенно совсѣмъ не понимаютъ нѣмецкаго языка, учатъ говорить по-нѣмецки по наглядно-практической, или естественной методѣ. При обученіи по этой методѣ въ первые два мѣсяца почти на всѣхъ урокахъ и по всѣмъ предметамъ ведутся такъ называемыя наглядныя бесѣды и упражненія въ разговорной рѣчи (*Sprechübungen*). Во время этихъ бесѣдъ, по мѣрѣ возможности, совсѣмъ не допускается родной языкъ дѣтей. Для того, чтобы обойтись безъ родного языка учащихся, послѣднимъ показываются самые предметы, ихъ дѣйствія, качества, число, порядокъ, и когда дѣти составили понятіе о предметѣ или его признакѣ, то они знакомятся съ его нѣмецкимъ названіемъ. При ознакомленіи дѣтей съ новыми нѣмецкими словами рекомендуется показывать самые предметы или ихъ признаки въ самой дѣйствительности и только впослѣдствіи при повтореніи пользоваться картинами. Для того, чтобы всегда имѣть подъ рукою различные предметы для показыванія дѣтямъ, въ классномъ шкафу хранится достаточное количество наглядныхъ пособій: предметовъ, моделей, коллекцій, чучель, картинъ, рисунковъ и пр. Въ концѣ второго или въ началѣ третьяго мѣсяца начинаютъ обучать грамотѣ.

Прохожденію азбуки посвящаются 2—3 года. Въ это время бесѣды ведутся по поводу читаемыхъ въ азбукѣ словъ. Помимо этого въ первые три года существуютъ особые уроки нагляднаго обученія, спеціально назначенные для развитія устной рѣчи учащихся.

2. Во время перемѣнъ между уроками устраиваются игры съ пѣніемъ хороводныхъ пѣсень, при чемъ дѣтямъ разрѣшается разговаривать только по-нѣмецки. Подобныя игры иногда для оживленія маленькихъ дѣтей устраиваются и въ классѣ по срединѣ уроковъ. Въ устраиваемыхъ въ классѣ играхъ принимаетъ участіе лишь столько дѣтей, сколько позволяетъ мѣсто въ классѣ, а остальные дѣти, не оставляя скамеекъ, поютъ вмѣстѣ съ играющими хороводныя пѣсни.

3. Еще до обученія грамотѣ дѣти со словъ учителя заучиваютъ нѣсколько коротенькихъ дѣтскихъ пѣсенекъ и стихотвореній. Учитель для стихотвореній подбираетъ подходящія мелодіи, и дѣти вмѣстѣ съ заучиваніемъ наизусть научаются ихъ пѣть. Вообще всякое стихотвореніе, которое дѣти выучили наизусть, они должны умѣть пропѣть отдѣльно и хоромъ. Это правило строго соблюдается въ теченіе всего курса не только въ инородческихъ, но и въ чисто нѣмецкихъ училищахъ. Учитель долженъ даже приучить дѣтей самихъ запѣвать безъ тона, задаваемого учителемъ.

4. Съ пѣніемъ пѣсень на урокахъ нагляднаго обученія дѣти по временамъ отправляются въ садъ, огородъ, поле, лѣсъ и т. д., гдѣ знакомятся въ самой природѣ съ разными предметами и ихъ нѣмецкими названіями.

5. На урокахъ объяснительнаго чтенія учащіеся передаютъ содержаніе прочитанной статьи съ разными измѣненіями и, по возможности, переносятъ содержаніе статьи въ дѣйствительность. Напр., прочитавъ и усвоивъ содержаніе статьи „Благодарный сынъ“, въ которой говорится, какъ сынъ, желая матеріально помочь своему больному отцу-

старику, пришелъ къ сосѣду наниматься въ пастухи и просилъ послѣдняго выдавать ему жалованье по недѣлямъ, — ученики переносятъ содержаніе статьи въ дѣйствительность, представляя его въ лицахъ слѣд. образомъ: одинъ ученикъ (въ роли сына бѣдняка) выходитъ въ коридоръ и стучитъ въ дверь; другой ученикъ (въ роли хозяина-сосѣда) громко говорить: „войдите!“ Сынъ, входя въ классъ, изображающій избу, снимаетъ шапку и вѣжливо здоровается съ хозяиномъ. Хозяинъ, предложивъ стулъ, спрашиваетъ мальчика, какъ онъ поживаетъ, что подѣлываетъ его отецъ и т. д. Потомъ мальчикъ говоритъ хозяину о своемъ желаніи поступить къ нему въ пастухи. Заключивъ условія, они прощаются и расстаются. Такое перенесеніе содержанія статей въ дѣйствительную жизнь не безынтересно и не бесполезно для дѣтей-инородцевъ въ смыслѣ упражненія ихъ въ живой разговорной рѣчи.

6. Въ первые 2—3 года преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ сводится почти исключительно къ обученію нѣмецкому языку. Такъ, напр., преподаваніе закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ литовскимъ дѣтямъ въ Восточной Пруссіи и польскимъ дѣтямъ въ Верхней Силезіи путемъ описанія картинъ изъ библейской исторіи есть не что иное, какъ своего рода наглядное обученіе для усвоенія дѣтьми устной нѣмецкой рѣчи.

7. Второгодники сидятъ вмѣстѣ съ первогодниками и, за исключеніемъ уроковъ ариѳметики и письма-чтенія, они занимаются однимъ и тѣмъ же. На вопросы учителя обыкновенно отвѣчаютъ второгодники и потомъ отвѣты второгодниковъ повторяютъ первогодники. Второгодники продѣлываютъ также тѣ дѣйствія (напр.: ходить, бѣгаютъ прыгаютъ, пляшеть, ложится, лежитъ), съ названіями которыхъ желательно ознакомить первогодниковъ. Хотя второгодники никакихъ новыхъ знаній не усвоятъ, а только повторяютъ пройденное въ первомъ учебномъ году, однако нѣмецкіе педагогики считаютъ необходимымъ жертвовать вторымъ

годомъ обученія для успѣхности преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ въ первомъ учебномъ году. Очевидно, что при такомъ распредѣленіи учащихся первогодники, въ смыслѣ усвоенія нѣмецкой рѣчи, много выигриваютъ, такъ какъ есть, кто имъ подсказываетъ и съ кѣмъ разговаривать. Если на урокъ первогодники чего-либо не поймутъ по-нѣмецки, то объяснятъ имъ какъ-нибудь второгодники, если и не на урокъ, то послѣ урока.

8. Въ обширныхъ размѣрахъ практикуется взаимное обученіе дѣтей. Напр., второгодники обучаютъ первогодниковъ, четвертогодники — третьегодниковъ, шестогодники — пятогодниковъ и т. д. Въ большинствѣ полудневныхъ училищъ дѣти распредѣлены такъ, что во II классѣ сидятъ первые 4 и въ I классѣ слѣд. 4 года обученія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ классѣ только два отдѣленія: первогодники и второгодники составляютъ одно отдѣленіе, третьегодники и четвертогодники другое отдѣленіе и т. д. Въ то время, пока учитель занимается въ старшемъ отдѣленіи II класса, въ младшемъ отдѣленіи болѣе сильныя ученики (второгодники) обучаютъ своихъ болѣе слабыхъ товарищей (первогодниковъ); если младшему отдѣленію задана самостоятельная работа, то ее исполняютъ только первогодники, а второгодники лишь помогаютъ имъ исполнить ее или провѣряютъ и исправляютъ ее. Точно также четвертогодники помогаютъ третьегодникамъ, шестогодники пятогодникамъ и т. д.

При оцѣнкѣ выше указанныхъ средствъ обученія инородцевъ государственному языку нельзя не видѣть тѣхъ достоинствъ, которыми отличаются многіе приемы обученія нѣмецкому языку въ германскихъ инородческихъ школахъ. Самое главное достоинство различныхъ приемовъ обученія инородцевъ нѣмецкому языку заключается въ томъ, что дѣти всѣ свѣдѣнія усваиваютъ наглядно и тотчасъ практически примѣняютъ ихъ въ живой рѣчи. При умѣломъ веденіи наглядно-практическихъ упражненій такія бесѣды становятся крайне интересными для дѣтей, оживляютъ и одновременно занимаютъ цѣлый классъ.

Но на ряду съ достоинствами при практическомъ осуществленіи обнаруживаются и недостатки системы обученія инородцевъ государственному языку въ прусскихъ школахъ. Недостатки эти заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1. Такъ какъ сельскія народныя училища довольно бѣдны наглядными пособіями, то обыкновенно въ первое время ученики заучиваютъ названія лишь тѣхъ предметовъ, дѣйствій и качествъ, которые легко можно показать въ классѣ. Вслѣдствіе этого ученикамъ постоянно приходится повторять одно и то же. Конечно, повтореніе мать ученія; но и здѣсь нужно знать мѣру, потому что, повторяя однѣ и тѣ же слова и фразы, дѣти еще не научатся говорить по-нѣмецки. Напр., второгодники въ прошломъ году постоянно слышали и повторяли однѣ и тѣ же фразы; въ этомъ году, обучаясь вмѣстѣ съ первогодниками, они на каждомъ урокѣ слышатъ и повторяютъ тѣ же самыя фразы. Я посѣщалъ польскія школы въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, т. е. въ срединѣ учебнаго года (въ Пруссіи въ сельскихъ школахъ учебный годъ начинается послѣ пасхальныхъ вакацій); но въ какое бы училище я ни являлся, повсюду первогодники и второгодники называли только классную мебель, части классной комнаты, цвѣта и величины разныхъ предметовъ, находящихся въ классѣ, а также тѣ дѣйствія, которыя производились въ классѣ.

2. Многія дѣйствія, производимыя учениками въ классѣ, являются совершенно излишними и больше смѣшать дѣтей, чѣмъ интересуютъ ихъ, напр.: я прыгаю, мы прыгаемъ; онъ (и) ложится; они лежатъ, онъ спитъ; они пляшутъ и т. д.

3. Устраиваемыя для учащихъ низшей ступени игры съ пѣніемъ хороводныхъ пѣсень, безъ сомнѣнія, дѣло хорошее; но только самыя игры въ инородческихъ школахъ не отличаются разнообразіемъ. Такъ какъ первогодники знаютъ мало нѣмецкихъ словъ, а еще меньше нѣмецкихъ пѣсень, то они ежедневно повторяютъ однѣ и тѣ же 2—3

игры. Хотя мнѣ въ каждомъ училищѣ показывали эти игры, по вездѣ я видалъ только „зайчика“ и „семь сыновей Адама“ („Adam hatte sieben Söhne“). Такія игры особенно скучны для второгодниковъ, которые учатся и играютъ вмѣстѣ съ первогодниками, повторяя одно и то же, уже второй годъ.

4. Почти повсюду въ инородческихъ школахъ употребляется азбука Гирта (Ferdinand Hirts Deutsches Lesebuch. Ausgabe E. Für zweisprachige Schulen mit einfachen Schulverhältnissen. I. Teil. Fibel), по которой дѣти читаютъ большею частію только безсвязныя слова и фразы. При чтеніи безсвязныхъ словъ и фразъ мало обращается вниманія на сознательность чтенія, такъ какъ объясненіе отдѣльныхъ словъ и трудно и отнимаетъ много времени. Поэтому при прохожденіи азбуки дѣти учатся главнымъ образомъ механическому чтенію. Переходя потомъ къ чтенію статейекъ, они читаютъ еще весьма неважно, а пишутъ совсѣмъ плохо.

Во многоклассныхъ училищахъ азбука проходитъ въ два года, а въ полудневныхъ, одно- и двухклассныхъ училищахъ — въ три года, что по продолжительности учебного времени и числу учебныхъ дней составляетъ не менѣе 4—6 учебныхъ зимъ нашей сельской народной школы. Эта разница становится еще разительнѣе, если примемъ во вниманіе, что въ низшемъ классѣ прусскихъ инородческихъ школъ сидятъ только первогодники и второгодники, значить, въ классѣ только два отдѣленія (на урокахъ письма-чтенія и ариѳметики второгодники занимаютъ отдѣльно отъ первогодниковъ), тогда какъ въ нашей сельской одноклассной школѣ съ трехзимнимъ курсомъ три отдѣленія въ классѣ. Къ тому же у насъ гораздо больше праздниковъ, и при отсутствіи обязательности обученія дѣти пропускаютъ больше уроковъ, чѣмъ въ Германіи.

5. Въ виду того, что въ первые годы обученія преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ направлено главнымъ образомъ лишь къ усвоенію дѣтьми нѣмецкой рѣчи, ино-

родческая школа слишком мало сообщает имъ знаний и мало способствуетъ развитію ихъ душевныхъ силъ. Вслѣдствіе этого результаты даже обученія нѣмецкому языку, несмотря на значительную продолжительность курса (8—9 лѣтъ) и большое число недѣльныхъ уроковъ (отъ 8—11 уроковъ въ недѣлю) по этому предмету, въ общемъ получаются весьма ничтожные. „Бросается въ глаза, что еще теперь есть люди, которые не умѣютъ написать даже своего имени“, пишетъ объ инородцахъ Ф. Ржезничекъ въ своей методикѣ ¹⁾. Итакъ, есть поляки, которые, проучившись 8—9 лѣтъ въ прусской школѣ, не умѣютъ написать даже своего имени.

Сравнивая прусскую инородческую школу съ чисто нѣмецкими школами въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, мы находимъ, что инородческая школа во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ значительно ниже чисто нѣмецкой школы: даже лучшія многоклассныя польскія народныя училища ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы, напр., съ самыми простыми видами народной школы въ Саксоніи, Баваріи, Вюртембергѣ или Баденѣ.

II. Саксонія.

1. Различные виды народныхъ школъ.

При описаніи саксонской народной школы я придерживался слѣд. официальнаго изданія саксонскаго министра народнаго просвѣщенія П. фонъ Зейдевица: „Das Königlich Sächsische Volksschulgesetz nebst den zugehörigen Gesetzen und Verordnungen. Herausgegeben von P. v. Seydewitz. Dritte Auflage. Leipzig, 1899“.

1) F. Rzesnitzek. Der gesamte Unterricht auf der Unter-, Mittel- und Oberstufe der zweisprachigen Volksschule. I. Teil. Стр. 54.

Къ числу народныхъ школъ относятся А) простое, Б) среднее и В) высшее народныя училища (*die einfache, mittlere und höhere Volksschule*) и Г) училище для продолженія образованія (*Fortbildungsschule*).

А. Простое народное училище.

Простое народное училище бываетъ двухклассное, трехклассное или четырехклассное. Одноклассныхъ училищъ совсѣмъ нѣтъ. Если въ училищѣ только одинъ учитель, то онъ сначала занимается съ учениками I (старшаго) класса, а потомъ съ учениками II (младшаго) класса. Въ старшемъ классѣ онъ даетъ 18 и въ младшемъ классѣ 14 уроковъ, итого 32 урока въ недѣлю, не включая сюда уроковъ гимнастики и женскихъ рукодѣлій. Кромѣ этихъ 32 обязательныхъ для учителя уроковъ, онъ можетъ давать (за особую плату) еще до 6 уроковъ въ недѣлю, а именно: 2 урока гимнастики и 4 урока въ *Fortbildungsschule*.

Если въ училищѣ два учителя, то оно бываетъ четырехклассное: въ IV (младшемъ) классѣ дается 12 уроковъ, въ III кл. 14 ур., во II кл. 18 ур. и въ I кл. 20 ур., итого, не включая сюда уроковъ гимнастики и женскихъ рукодѣлій, 64 урока, т. е. каждый учитель даетъ въ недѣлю 32 урока. Когда при такомъ же числѣ учителей ученики распределены въ трехъ классахъ, то училище является трехкласснымъ.

Б. Среднее народное училище.

Среднее народное училище должно имѣть не менѣе 4 классовъ и не менѣе 4 учителей, сравнительно большее число уроковъ, по возможности, большую продолжительность учебнаго времени и должно давать своимъ питомцамъ по всѣмъ существеннымъ предметамъ болѣе широкое образованіе. Число учащихся въ классѣ не должно превышать 50. Не считая гимнастики и женскихъ рукодѣлій, для 3 и 4 годовъ обученія въ недѣлю должно быть назначено, по крайней

мѣрѣ, 20 уроковъ и въ остальные 4 года обученія не менѣе 26 уроковъ для мальчиковъ и 24 уроковъ для дѣвочекъ. Гдѣ позволяютъ обстоятельства, курсъ обученія можетъ быть растянутъ на 9 лѣтъ.

В. Высшее народное училище.

Высшее народное училище преслѣдуетъ значительно большія цѣли по существеннымъ предметамъ обученія, и въ немъ преподается въ качествѣ обязательнаго учебнаго предмета, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Число учащихся въ классѣ не должно превышать 40. Въ высшемъ нар. училищѣ, за исключеніемъ уроковъ гимнастики и женскихъ рукодѣлій, начиная съ третьяго года обученія, дается не менѣе 22 недѣльныхъ уроковъ, при чемъ число уроковъ въ высшихъ классахъ постепенно восходитъ до 32. Курсъ ученія обыкновенно десятилѣтній.

Г. Училище для продолженія образованія.

Цѣлью Fortbildungsschule служитъ давать окончившимъ народное училище дальнѣйшее общее образованіе и сообщить имъ знанія и умѣнья, необходимыя въ практической жизни. Fortbildungsschule примыкаетъ непосредственно къ простому народному училищу. Курсъ трехлѣтній, при чемъ въ недѣлю дается стъ 4—6 уроковъ. Сообразно тому, когда происходятъ занятія, Fortbildungsschule бываетъ воскресное или вечернее. Родители, опекуны, мастера и работодатели обязаны заботиться о правильномъ посѣщеніи ихъ питомцами Fortbildungsschule.

2. Обязательность обученія.

Каждое дитя обязано посѣщать народное или другое сравнительно высшее училище 8 лѣтъ, отъ 6—14 лѣтняго возраста. Дѣти, которыя, проучившись 8 лѣтъ, не удовлетворяютъ цѣлямъ народнаго училища по существеннымъ предметамъ — закону Божію, нѣмецкому языку, чтенію, письму и ариѳметикѣ, обязаны учиться еще одинъ годъ (§ 4).

Кромѣ того, мальчики по окончаніи народнаго училища обязаны посѣщать Fortbildungsschule въ теченіе трехъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, по 4 урока въ недѣлю. Правильное посѣщеніе средняго или высшаго народнаго училища до исполненія 15 лѣтняго возраста, если ученикъ достигъ соответствующаго своему возрасту класса, освобождаетъ отъ посѣщенія Fortbildungsschule (§ 4, стр. 5).

Всякая община можетъ обязать дѣвочекъ, окончившихъ простую народную школу, къ посѣщенію Fortbildungsschule въ теченіе двухъ лѣтъ (§ 14, стр. 56).

Калѣки, слѣпыя, глухо-нѣмыя, болѣзненные и слабоумныя дѣти, по надлежащемъ освидѣтельствованіи врачомъ, обязаны обучаться въ особыхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. Подобныя заведенія существуютъ и для нравственно испорченныхъ дѣтей и для такихъ дѣтей, которыя дома не имѣютъ надлежащаго надзора или могутъ быть испорчены окружающею средою (§§ 4—5).

Школьныя вакаціи продолжаются на Пасхѣ и Пятидесятницѣ по 1 недѣлѣ, на Рождествѣ Христовомъ съ 24 декабря по 1-ое января, и лѣтнія и осеннія каникулы, которыя распредѣляются общинами сообразно мѣстнымъ условіямъ и сельско-хозяйственнымъ работамъ, вмѣстѣ составляютъ 4 недѣли. Кромѣ того, празднуются день рожденія короля и день Седана (2 сентября). Въ послѣдніе два дня уроковъ не бываетъ, но все-таки ученики собираются въ училище, гдѣ имъ объясняется значеніе чествуемаго праздника (§ 12).

Въ католическихъ училищахъ къ этимъ праздникамъ присоединяются еще Благовѣщеніе Пресв. Дѣвы Маріи, праздникъ Пречистаго Тѣла Господня (въ четвергъ послѣ Пятидесятницы), день апостоловъ Петра и Павла, Успеніе Богородицы, Рождество Богородицы, праздникъ всѣхъ Святыхъ (1 ноября) и праздникъ зачатія Маріи (8 ноября).

3. Существенные предметы обученія.

Согласно § 1 „Закона о народныхъ школахъ“, „на-

родное училище имѣетъ своею задачею посредствомъ обученія и воспитанія давать юношеству нравственно-религіозное воспитаніе и необходимыя для жизни знанія и умѣнья“.

Существенные предметы обученія во всякомъ народномъ училищѣ слѣдующіе: законъ Божій и нравственное ученіе (Religions- und Sittenlehre), нѣмецкій языкъ съ письмомъ и чтеніемъ, ариѳметика, геометрія, исторія, географія, естественная исторія (зоологія, ботаника, минералогія и антропология) и естествовѣдѣніе (физика и химія), пѣніе, черченіе и рисованіе, гимнастика и, кромѣ того, для дѣвочекъ женскія рукодѣлія (§ 2).

4. Подготовка учителей.

Для подготовки учителей существуютъ учительскія семинаріи, которыя бываютъ мужскія и женскія. Въ учительскія семинаріи принимаются по особому конкурсному экзамену юноши и дѣвушки, успѣшно окончившіе народное училище. Учительскія семинаріи состоятъ изъ 6 классовъ, каждый съ годичнымъ курсомъ. Кромѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ прусскихъ семинаріяхъ, здѣсь преподаются еще латинскій языкъ и стенографія. Какъ видно изъ учебныхъ плановъ, то саксонскія семинаріи стоятъ выше прусскихъ. По окончаніи семинаріи (Schulamtskandidatenprüfung) кандидаты на учительскую должность въ теченіе 2—5 лѣтъ должны сдать второй экзамень — *Wahlfähigkeitsprüfung*, такъ какъ только выдержавшіе этотъ экзамень могутъ быть избираемы или назначаемы на постоянныя учительскія мѣста и, съ особаго разрѣшенія, могутъ поступать въ Лейпцигскій университетъ для приготовленія на высшія учительскія должности (§§ 16—18).

5. Законоположеніе о вендскихъ школахъ.

За наступленіемъ лѣтнихъ вакацій мнѣ не удалось побывать на урокахъ въ саксонскихъ ипородческихъ (вендскихъ) народныхъ училищахъ.

Въ § 12 „Школьнаго закона о народныхъ училищахъ“ говорится о вендскихъ школахъ слѣдующее: „Дѣтей вендской народности нужно обучать читать какъ по-нѣмецки, такъ и по-вендски. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно заботиться, чтобы они овладѣли устною и письменною рѣчью. Въ выснихъ классахъ всѣ предметы преподаются на нѣмецкомъ языкѣ. Только законъ Божій, если въ приходѣ богослуженіе совершается на вендскомъ языкѣ, преподается съ употребленіемъ родного языка.“ Примѣчаніе 4: „Что въ мѣстностяхъ съ вендскимъ населеніемъ при обученіи въ школахъ нужно преподавать и это нарѣчіе, если оно служитъ роднымъ языкомъ дѣтей, само собою понятно. Въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ только вендскія семейства, долженъ быть вообще вендскій языкъ, по крайней мѣрѣ, въ первые годы обученія преподавательскимъ языкомъ. Но въ такихъ мѣстностяхъ нужно также постоянно заботиться, чтобы дѣти, а именно — воспитанники Fortbildungsschulen, усвоили устную и письменную нѣмецкую рѣчь.“ („Dass die Schulen des wendischen Sprachgebiets auch der Pflege dieses Idioms gerecht werden müssen, soweit es Muttersprache der Kinder ist, ist selbstverständlich. An Orten, an welchen nur wendische Familien leben, wird deren Sprache wenigstens für die ersten Schuljahre überhaupt die Unterrichtssprache der Kinder sein müssen. Immerhin aber wird auch an solchen Orten eine ganz besondere Sorgfalt darauf zu wenden sein, dass Kinder — namentlich die Zöglinge der Fortbildungsschule — des Deutschen in Sprache und Schrift mächtig werden“ (§ 12, стр. 53).

Такимъ образомъ школьный законъ Саксоніи, считающейся однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ германскихъ государствъ, по отношенію къ употребленію родного языка въ вендскихъ школахъ совершенно сходенъ съ нашими законоположеніями объ употребленіи въ первое время родного языка дѣтей при обученіи въ инородческихъ училищахъ.

6. Посѣщеніе школъ.

А. Сельскія училища въ Лейпцигскомъ округѣ.

Желая ознакомиться съ простѣйшими видами саксонской народной школы, я посѣтилъ въ Лейпцигскомъ округѣ нѣсколько двух- и четырехклассныхъ сельскихъ училищъ. Всѣ осматрѣнные мною сельскія школы помѣщаются въ прекрасныхъ двухэтажныхъ зданіяхъ. Нижній этажъ занимаютъ помѣщенія для учениковъ, а верхній — квартиры учителей. Въ каждомъ училищѣ просторные, свѣтлые классы, особая комната для женскихъ рукодѣлій, кабинетъ для учебныхъ пособій, широкій коридоръ и отдѣльная гардеробная. Всѣ училищныя помѣщенія содержатся въ отмѣнной чистотѣ.

Въ двухклассныхъ училищахъ всего одна классная комната, гдѣ учитель сначала (лѣтомъ съ 7 и зимою съ 8 часовъ утра) занимается съ учениками I класса (последніе 4 года обученія) и потомъ съ учениками II класса (первые 4 года обученія).

Вотъ какъ велись занятія въ I классѣ Лаузенскаго двухкласснаго училища.

На урокъ религіи и нравственнаго ученія учитель одновременно занимался со всѣми учениками и ученицами, спрашивая ихъ и рассказывая имъ о призваніи Моисея. Ученицы отвѣчали по закону Божию очень толково и обстоятельно.

На урокъ математики дѣти были распредѣлены на три группы: I группу образовалъ 8 годъ обученія, II гр. 7 годъ обученія и III гр. 6 и 5 годы обученія. Сначала учитель провѣрилъ, какъ ученики исполнили заданную имъ домашнюю работу (рѣшеніе численныхъ примѣровъ). Для этого онъ, держа въ рукахъ доску то одного, то другого ученика, велѣлъ остальнымъ ученикамъ по очереди читать съ своей доски, каждому по одному числу. Затѣмъ, задавши ученикамъ двухъ младшихъ отдѣленій задачи для

самостоятельнаго рѣшенія, учитель первую половину урока занимался съ учениками I (старшаго) отдѣленія устнымъ рѣшеніемъ задачъ на правило процентовъ. Задачи ученики рѣшали быстро и прекрасно объясняли ихъ рѣшенія. Потомъ, задавши самостоятельную работу I отдѣленію, учитель вторую половину урока занимался съ учениками II отд. по геометріи объ измѣреніи угловъ и рѣшеніемъ сюда относящихся задачъ. Въ концѣ урока, тутъ же въ классѣ провѣривъ самостоятельныя работы учениковъ III и I отдѣленій, учитель задалъ ученикамъ рѣшить къ слѣд. уроку ариѳметики нѣсколько численныхъ примѣровъ.

На урокъ нѣмецкаго языка учитель одновременно занимался со всѣми дѣтьми, объясняя имъ, какъ слѣдуетъ адресовать письма, и правила почтоваго тарифа для отправки корреспонденціи по адресу въ предѣлахъ почтоваго округа (Postbezirk), имперіи и за границу. Объяснивъ это, учитель роздалъ дѣтямъ по конверту и листу почтовой бумаги и велѣлъ имъ дома написать на разработанную на канунѣ тему письмо къ другу, вложить его въ конвертъ съ адресомъ и на слѣд. день подать учителю для просмотра.

Послѣ этого урока мальчики ушли домой, а съ дѣвочками еще занималась жена учителя рукодѣліями, которыя составляютъ для дѣвочекъ обязательный предметъ обученія и проходятся по строго разработанной программѣ.

Въ четырехклассныхъ училищахъ обыкновенно только двѣ классныя комнаты и два учителя. Сначала учителя занимаются съ двумя старшими и потомъ съ двумя младшими классами. Въ каждомъ классѣ ученики сидятъ по два года. Учебный матеріалъ по всѣмъ предметамъ, исключая ариѳметику и геометрію, распредѣляется такъ, что оба года обученія одновременно проходятъ одно и то же. Вслѣдствіе этого лишь по математикѣ, не допускающей подобнаго распредѣленія по причинѣ своей строго научной системы, въ классѣ бываютъ два отдѣленія, а по всѣмъ остальнымъ предметамъ только одно отдѣленіе.

Учащієся Зоммерфельдскаго народнаго училища, какъ разъ въ день моего прїѣзда (28 іюня), отправлялись съ музыкою и флагами на лѣтнюю экскурсію. Дѣти, въ числѣ 200 человѣкъ, въ процессіи шли по классамъ. Впереди каждаго класса шли дѣвочки, одѣтыя въ бѣлыхъ платьицахъ, за ними слѣдовали мальчики съ флагомъ своего класса, многіе съ широкими лентами черезъ плечо. Процессія прошла чрезъ всю деревню, оттуда направилась къ вокзалу, потомъ повернула обратно въ деревню, и отсюда отправилась въ назначенное для экскурсіи мѣсто.

Б. Народныя училища въ Лейпцигѣ.

Народныя училища въ г. Лейпцигѣ носятъ троякія названія: 1) участковыя училища — *Bezirksschulen*, 2) городскія училища — *Bürgerschulen* и 3) высшія городскія училища — *höhere Bürgerschulen*. Во всѣхъ училищахъ курсъ восьмилѣтній, съ 8 восходящими классами, вездѣ одинаково хорошія училищныя помѣщенія, учебныя пособія и преподавательскій персоналъ, такъ что ученикъ, переходящій изъ одного учебнаго заведенія въ другое, не замѣчаетъ никакого различія. Въ *Bezirksschulen* и *Bürgerschulen* одна и та же программа. Въ *höhere Bürgerschulen* та же самая программа, и по курсу онѣ отличаются лишь тѣмъ, что въ нихъ обязательно изученіе одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ — французскаго или англійскаго. Главное же различіе между всѣми тремя категоріями училищъ заключается въ платѣ за обученіе: 4⁴/₅ марокъ, 18 марокъ и 36 марокъ въ годъ. Вслѣдствіе этого въ участковыхъ училищахъ учатся дѣти бѣдныхъ родителей, въ городскихъ училищахъ — дѣти средняго сословія и въ высшихъ городскихъ училищахъ — дѣти болѣе состоятельныхъ родителей. Такой сословный характеръ народной школѣ приданъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы воспрепятствовать развитію частныхъ учебныхъ заведеній: замѣчено, гдѣ народная школа бесплатная

или гдѣ въ ней плата одинаковая для бѣдныхъ и богатыхъ, въ такую народную школу интеллигентные родители не охотно посылаютъ своихъ дѣтей, не желая, чтобы ихъ сыновья и дочери учились вмѣстѣ съ дѣтьми рабочихъ. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, переполняются гимназіи и реальныя училища и, съ другой стороны, процвѣтаютъ частныя училища. (См. Dr. Wagler. Gutachten zur Frage, ob die Leipziger Bürgerschulen und Bezirksschulen vereinigt werden sollen).

Что же касается самаго вопроса о платѣ за обученіе въ народныхъ школахъ, то по § 7 „Саксонскаго школьнаго закона“ плата должна взиматься во всѣхъ саксонскихъ народныхъ школахъ. Въ примѣчаніяхъ къ тому же § говорится слѣд.: „Правительство неоднократно поднимало вопросъ объ уничтоженіи платы за обученіе въ народныхъ школахъ; но предложеніе это всегда отвергалось обѣими камерами на томъ основаніи, что 1) если семья не приковывается къ училищу прямыми взносами, то чрезъ это суживается ея интересъ къ школѣ, такъ какъ лишь рѣдко цѣнять то, что достается даромъ; и 2) школьныя деньги служатъ фактическимъ свидѣтельствомъ общности (Zusammengehörigkeit) между семьею и школою. Для бѣднаго класса населенія, не уничтожая въ принципѣ платы за обученіе, можно назначать низкую плату или плату съ подраздѣленіями (Abstufung).“ Такое подраздѣленіе платы существуетъ въ школахъ г. Лейпцига. Существованіе платы въ школахъ саксонскіе педагоги оправдываютъ еще тѣмъ, что дѣти должны сознавать, что ихъ учить не даромъ и что ученіе они покупаютъ за свои кровныя деньги.

Дѣти въ училище принимаются два раза въ годъ: послѣ пасхальныхъ и послѣ михайловскихъ вакацій.

По „Allgemeiner Bericht über die städtischen Volksschulen zu Leipzig das Schuljahr 1900/1901 betreffend“. къ 31 декабря 1900 г. во всѣхъ народныхъ школахъ, содержимыхъ на счетъ города, обучалось 63,646 дѣтей обоего пола, при

чемъ въ 1 учил. число учащихся превышало 2000 (а именно 2126), въ 12 учил. 1500 (а именно отъ 1526—1972), въ 25 учил. 1000 (отъ 1020—1498) и въ 10 учил. 500 (отъ 582—990).

Въ среднемъ выводѣ къ 31 декабря обучалось въ каждомъ классѣ высш. гор. училищъ 35,89, гор. училищъ 38,74, участковыхъ училищъ 39,63 и въ каждомъ классѣ для слабоумныхъ 14 дѣтей. Число учащихся въ классѣ лейпцигскихъ нар. училищъ нигдѣ не должно превышать 40.

Въ каждомъ училищѣ обучаются мальчики и дѣвочки, но въ отдѣльныхъ классахъ, и только, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ низшихъ классахъ мальчики и дѣвочки обучаются вмѣстѣ.

Во главѣ всякаго училища стоитъ директоръ, который въ многочисленныхъ училищахъ вовсе не даетъ уроковъ, а въ малочисленныхъ — даетъ отъ 10—12 уроковъ въ недѣлю. Бѣльшая часть преподавателей съ университетскимъ образованіемъ, и многіе изъ нихъ съ ученою степенью доктора, какъ это видно, напр., изъ выше указаннаго отчета, стр. 10, гдѣ изъ 13 перечисленныхъ учителей нар. училищъ 3 съ дипломомъ доктора.

20 июня я посѣтилъ 8 участковое училище (Bezirksschule), въ которомъ 20 классовъ для мальчиковъ, 21 классъ для дѣвочекъ и 2 смѣшанныхъ класса для дѣтей обоего пола. Во всѣхъ классахъ обучается около 1600 дѣтей.

Училище помѣщается въ огромномъ четырехъэтажномъ зданіи. Въ училищѣ между прочимъ нѣсколько весьма просторныхъ рисовальныхъ и комбинаціонныхъ классовъ. Послѣдніе предназначены для того, чтобы, въ случаѣ отсутствія какого-либо преподавателя и невозможности замѣнить его, въ нихъ могли вмѣстѣ обучаться два одноименныхъ класса, напр. V^a и V^b или V^b и V^c. Такое соединеніе всегда возможно, потому что въ классѣ лейпцигскихъ народныхъ училищъ обучаются максимумъ 40 дѣтей. Въ классѣ для физики и химіи сидѣнья для учениковъ располжены амфитеатромъ, и окна при помощи особаго

механизма закрываются однимъ общимъ, не пропускающимъ свѣта занавѣсомъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются два огромныхъ гимнастическихъ зала, ванныя (Brausebäder) для учащихся и центральное отопленіе.

При училищѣ большой дворъ съ садомъ. „Садъ“, говорится въ выше указанномъ отчетѣ за 1900/1901 уч. годъ, „составляетъ существенную принадлежность всякаго лейпцигскаго училища. Назначеніе училищнаго сада состоитъ въ томъ, чтобы дѣти могли знакомиться съ характерными растеніями родины, въ самой природѣ день ото дня слѣдить за ихъ развитіемъ и ростомъ, и тѣмъ самымъ развить врожденную любовь къ природѣ, ея красотамъ и законамъ (Gesetzmässigkeit)“. Кромѣ садовъ при каждомъ училищѣ, существуетъ еще „Центральный училищный садъ“, куда могутъ приходиться съ цѣлью знакомства съ растеніями ученики изъ всѣхъ училищъ. Научныя экскурсіи съ учениками въ Пальмовый и Зоологическій сады, прогулки въ ближайшія окрестности, поѣздки въ отдаленнѣйшія мѣстности и экскурсіи въ разныя времена года (die jahreszeitlichen Unterrichtsgänge) входятъ въ программу занятій учениковъ народныхъ школъ и самыми учебными планами вмѣняются въ обязанность учителямъ и учительницамъ. Точно также цѣлыми классами учащіеся посѣщаютъ разные лейпцигскіе музеи. По временамъ спеціально для учащихся даются представленія въ городскомъ театрѣ.

Училище весьма богато учебными пособиями, которыми загромождены цѣлыя три комнаты. Здѣсь нѣсколько сотенъ географическихъ и историческихъ картъ; сотни картинъ для нагляднаго обученія и объяснительнаго чтенія, для обученія закону Божию, исторіи, географіи, ботаникѣ, зоологіи, фізіологіи и анатоміи человѣка; весьма богаты также коллекціи минераловъ, насѣкомыхъ, бабочекъ; два громаднхъ шкафа полны чучелами животныхъ. Точно также очень богаты фізическій и химическій кабинеты.

Само собою разумѣется, что въ такъ прекрасно об-

ставленномъ училищѣ, гдѣ притомъ занимаются только хорошіе учителя, большею частью съ высшимъ образованіемъ, внѣшней обстановкѣ училища соотвѣтствуетъ и его внутреннее содержимое: во всѣхъ классахъ, гдѣ я присутствовалъ на урокахъ, учащіеся давали блестящіе отвѣты по грамматикѣ, литературѣ, исторіи, физикѣ и химіи.

21 іюня я посѣтилъ 7 городское училище (Bürgerschule), въ которомъ помѣщенія, классная мебель и учебныя пособія такія же хорошія, какъ и въ раньше описанномъ участковомъ училищѣ. Точно также и по познаніямъ учащихся Bürgerschule ни въ чемъ не уступало Bezirksschule.

На предложенный мною вопросъ: „какой процентъ изъ поступающихъ въ VIII классъ дѣтей достигаетъ I класса?“, директоръ училища, весьма почтенный педагогъ, отвѣтилъ, что изъ всѣхъ поступающихъ въ училище I класса достигаютъ 90—95 0/0. Когда я по поводу его отвѣта выразилъ удивленіе и даже сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что учащіеся въ высшихъ классахъ обнаружили столь обширныя и основательныя познанія въ учебныхъ предметахъ, то онъ представилъ мнѣ списки учащихся и такимъ образомъ подтвердилъ свои слова цифровыми данными. Въ подтвержденіе своихъ словъ директоръ привелъ еще и слѣд. соображеніе: „Случаи неперевода учащихся могутъ быть лишь въ низшихъ классахъ, куда иногда попадаютъ совершенно неспособныя дѣти. Начиная же съ V класса, гдѣ уже вполнѣ опредѣлились способности учащихся, переводятся въ высшіе классы всѣ ученики и ученицы. По закону въ народныхъ училищахъ дѣти обучаются только 8 лѣтъ, съ 6—14 лѣтняго возраста; по исполненіи 14 лѣтъ они конфирмируются и оставляютъ училище. Если бы дѣти сидѣли по два года въ одномъ классѣ, то у насъ не было бы не только I, но и другихъ высшихъ классовъ. Но какъ вы видите, у насъ высшихъ классовъ ровно столько же, сколько и низшихъ классовъ; при чемъ въ каждомъ высшемъ классѣ учится почти столько же дѣтей, сколько и въ каждомъ низшемъ классѣ. Слѣдствіемъ

параллельныхъ классовъ у насъ никогда не бываетъ, такъ это есть явленіе ненормальное, болѣзненное, и служить признакомъ искалѣченности училища. Въ этомъ году изъ болѣе, чѣмъ 1200 учащихся, не было переведено лишь 9 дѣтей, которыя обучались въ низшихъ классахъ.“

Нужно замѣтить, что въ народныхъ училищахъ экзаменовъ не бываетъ: шестилѣтнія дѣти принимаются въ училище безъ всякаго испытанія, и изъ класса въ классъ они переводятся тоже безъ экзамена; переходящіе изъ одного училища въ другое принимаются въ соотвѣтствующій классъ тоже безъ экзамена. Какъ видно изъ годового отчета за 1900 г., то изъ всѣхъ обучавшихся въ городскихъ училищахъ I класса въ среднемъ выводѣ достигли 82,75⁰/₀.

22 іюня я посѣтилъ 1 высшее городское училище (höhere Bürgerschule), гдѣ въ 34 классахъ обучалось около 1200 дѣтей обоего пола. Выспія городскія училища, какъ я уже сказалъ раньше, отличаются отъ участковыхъ и городскихъ училищъ лишь тѣмъ, что въ первыхъ обязательно изученіе одного иностраннаго языка, и что въ нихъ, сообразно болѣе высокой платѣ обучаются преимущественно дѣти состоятельныхъ родителей. То обстоятельство, что въ höhere Bürgerschule, не смотря на одинъ лишній предметъ (французскій или англійскій языкъ), процентъ оканчивающихъ училище (85,17⁰/₀) больше, чѣмъ въ участковыхъ (71,22%) и городскихъ училищахъ (82,75%), объясняется тѣмъ, что въ высшихъ городскихъ училищахъ обучаются дѣти изъ лучшихъ семействъ, имѣющія дома болѣе бдительный надзоръ.

Въ этомъ училищѣ мнѣ пришлось видѣть и преподаваніе исключительно образцовыхъ учителей. Если мы, напр., привыкли смотрѣть на катихизисъ, какъ на одинъ изъ самыхъ скучныхъ и трудныхъ предметовъ, то въ нѣмецкихъ школахъ, напротивъ того, катихизисъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ и легкихъ предметовъ.

24 и 25 іюня я посѣщалъ „Вспомогательное училище

для слабоодаренныхъ дѣтей“ (Hilfsschule für schwachbefähigte Kinder). Въ это училище принимаются дѣти, просидѣвшія въ VIII классѣ два года и неперешедшія въ VII классъ, и такія дѣти, которыя по слабому развитію на основаніи докторскаго свидѣтельства не могли до 7—8 лѣтняго возраста поступать въ училище, — а также дѣти, которыя обнаруживаютъ явные признаки слабоумія. Въ училищѣ обучалось 169 дѣтей обоого пола, которыя сообразно своимъ познаніямъ и развитію были распредѣлены въ 14 классахъ. Ихъ обучаютъ 14 учителей и 1 учительница руководѣлій. Городъ тратитъ на содержаніе Вспомогательнаго училища и вспомогательныхъ классовъ при разныхъ городскихъ и участковыхъ училищахъ 80,000 марокъ въ годъ.

Обучающіеся въ этомъ училищѣ слабо развиты не только душевно, но и физически: малы ростомъ, блѣдны, страдаютъ разными тѣлесными недостатками и недугами, и многіе изъ нихъ производятъ удручающее впечатлѣніе. Почти всѣ слабоумныя дѣти самаго низшаго происхожденія, у которыхъ дома даже нечѣмъ питаться.

Такъ какъ здоровый духъ можетъ жить только въ здоровомъ тѣлѣ, то прежде всего заботятся объ укрѣпленіи тѣла. Для улучшенія питанія дѣти недостаточныхъ родителей утромъ получаютъ $\frac{1}{4}$ литра молока съ бѣлымъ хлѣбомъ и въ 12 часовъ обѣдъ. На средства города и на добровольныя пожертвованія ежегодно лѣтомъ около 50 дѣтей отправляются въ спеціальныя молочныя колоніи (Milchkolonien), курорты или купальныя мѣста. Одежду также дѣти получаютъ путемъ добровольныхъ пожертвованій.

Всѣ 14 классовъ по познаніямъ и развитію дѣтей распредѣлены на пять ступеней, а именно: V ступени соотвѣтствуютъ 14, 13 и 12 классы, IV ступ. 11—7 кл., III ступ. 6—4 кл., II ступ. 3—2 кл. и I ступ. 1 классъ. По разнымъ предметамъ ученикъ можетъ обучаться въ разныхъ классахъ и даже въ разныхъ ступеняхъ. Такъ, напр., на урокахъ чтенія ученикъ можетъ сидѣть въ 10

классѣ, а на урокахъ ариѳметики въ 14 классѣ. Число учащихся въ классѣ не должно превышать 15. Во всѣхъ классахъ мальчики и дѣвочки обучаются вмѣстѣ.

Въ теченіе всего курса особое вниманіе обращается на развитіе языка (наглядное обученіе и фребелевскія игры), черченіе и рисованіе, ручной трудъ для мальчиковъ и женскія рукодѣлія для дѣвочекъ. Въ виду обязательности обученія дѣти должны посѣщать училище до исполненія 14 лѣтъ. Послѣ того они подтверждаются и оставляютъ училище.

Дѣти ежедневно приходятъ въ училище въ 8 ч. Въ 10 час. они завтракаютъ (пьютъ молоко) и въ 12 часовъ обѣдаютъ. Столы накрываютъ, подаютъ кушанья и чистятъ посуду старшія ученицы, чтобы такимъ образомъ онѣ приучались къ веденію хозяйства. Послѣ обѣда до 2 часовъ дѣти подъ надзоромъ и руководствомъ учителей играютъ на дворѣ или въ гимнастическомъ залѣ. Съ 2—4 час. учителя готовятъ ихъ къ урокамъ слѣд. дня. Послѣ того учащіеся отправляются домой.

Такъ какъ среди слабоумныхъ дѣтей около 30% заикъ и шепелявыхъ, то для нихъ въ послѣобѣденное время устроены особые курсы: одни для заикъ (*stotternde*) и другіе для шепелявыхъ (*stammelnde*).

22 іюня отъ 6—8 часовъ вечера я посѣтилъ 2 городское *Fortbildungsschule* для мальчиковъ, помѣщающееся въ зданіи 8 участковаго училища. Для *Fortbildungsschule* особый директоръ д-ръ Штаэль, и это училище, кромѣ помѣщеній, не имѣетъ ничего общаго съ участковымъ училищемъ. По существующему саксонскому закону мальчики по окончаніи нар. училища обязаны учиться въ *Fortbildungsschule* три года, по 4 урока въ недѣлю. Въ Лейпцигѣ же они учатся только 2 года, но по 6 уроковъ въ недѣлю. При поступленіи въ школу ученики распредѣляются по классамъ, сообразно избранному ими роду занятій, и должны по извѣстнымъ предметамъ пройти опредѣленный курсъ. Про-

бывшіе законное время въ училищѣ, но не окончившіе его не могутъ получить званія мастера или подмастерья, приказчика и пр. Въ лейпцигскихъ Fortbildungsschulen преподають исключительно спеціалисты съ выснимъ образованіемъ. Такъ какъ въ день дается по два урока, обыкновенно отъ 6—8 час. вечера, то каждый ученикъ приходитъ въ училище лишь три раза въ недѣлю. Въ этомъ Fortbildungsschule 72 класса, изъ коихъ первые 36 классовъ приходятъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а остальные 36 классовъ по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ.

26 іюня я посѣтилъ женское городское Fortbildungsschule, которое съ Пасхи 1902 года переименовано въ Städtische Schule für Frauenberufe (городское училище для призваній женщины).

Въ этомъ училищѣ обучаются конфирмованныя дѣвушки, въ возрастѣ отъ 14—20 лѣтъ, самымъ разнообразнымъ предметамъ. Училище имѣетъ цѣлью вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ давать воспитанницамъ практическія знанія и умѣнья, сообразно современнымъ жизненнымъ потребностямъ женщины. Курсъ трехлѣтній. Уроки бывають какъ до, такъ и послѣ обѣда. Для каждого курса въ недѣлю отъ 16—24 уроковъ. Въ училищѣ обучается болѣе 1000 дѣвушекъ.

Въ первомъ учебномъ году главное вниманіе обращается на общее образованіе по отношенію къ домашней и семейной жизни, и сообразно этому преподаются слѣд. предметы: нѣмецкій языкъ, литература и исторія культуры (Kulturgeschichte), французскій и англійскій языки, ариѐметика и бухгалтерія, гигиѐна и домоводство (Haushaltungskunde), женскія рукодѣлія, черченіе и рисованіе, стенографія и каллиграфія, иѣннѐ и гимнастика.

Во второмъ учебномъ году, хотя и продолжается общее образованіе, но приготовленіе ученицъ къ опредѣленнаго рода призванію (Berufsarten) выступаютъ на передній планъ, вслѣдствіе чего существуютъ слѣд. 4 отдѣленія: 1) классъ

для продолженія общаго образованія (Fortbildungsklasse), который предназначенъ для дѣвушекъ, желающихъ получить лишь общее образованіе или поступить въ Лейпцигскую женскую учительскую семинарію; 2) классы для воспитательницъ и помощницъ дома, гдѣ, кромѣ литературы, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ, преподаются женскія рукодѣлія, педагогика, пѣніе, занятія и игры въ дѣтскомъ саду, воспитаніе и уходъ за маленькими дѣтьми, вмѣстѣ съ практическими занятіями въ дѣтскомъ саду; 3) коммерческіе классы, гдѣ преподаются коммерческая ариѐметика, бухгалтерія, торговая корреспонденція, конторскія работы, коммерческая географія, стенографія и письмо пишущей машиной; и 4) спеціальныя классы для обученія поваренному искусству, кройкѣ и шитью бѣлья.

Въ третьемъ учебномъ году дѣвушки продолжаютъ свое образованіе на отдѣльныхъ спеціальныхъ курсахъ. Для третьяго года обученія существуютъ слѣд. курсы: 1) курсы для приготовленія учительницъ рукодѣлій, 2) курсы для приготовленія учительницъ дѣтскихъ садовъ и для компаніонокъ, 3) курсы для продолженія изученія иностранныхъ языковъ, 4) курсы для художественно-промышленнаго рисованія и художественныхъ работъ (für kunstgewerbliches Zeichnen und Kunstarbeiten), 5) курсы исторіи искусства, 6) курсы шитья бѣлья, 7) курсы вязанія и изящныхъ женскихъ работъ, 8) курсы шитья, 9) курсы модныхъ работъ (Putzmachen) и 10) курсы стенографіи и письма на машинѣ.

Б. Народныя училища въ Дрезденѣ.

Народныя училища въ Дрезденѣ раздѣляются на двѣ категоріи: 1) участковыя училища (Bezirksschulen) и 2) городскія училища (Bürgerschulen). Различіе между ними заключается въ томъ, а) что въ Bürgerschulen обязательно изученіе французскаго или англійскаго языка; б) что въ Bürgerschulen плата за ученіе въ 48 марокъ въ годъ, а въ

Bezirksschulen $7\frac{1}{5}$ марокъ ; и в) что сообразно съ высокою платою за ученіе въ Bürgerschulen учатся дѣти состоятельныхъ родителей. Во всемъ остальномъ какъ по внѣшнему, такъ и внутреннему благоустройству между обоими видами народныхъ училищъ нѣтъ никакого различія, и обученіе ведется въ нихъ по однимъ и тѣмъ же учебнымъ планамъ.

Дрезденскія народныя училища отличаются необыкновеннымъ многолюдствомъ : въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учатся болѣе $2\frac{1}{2}$ тысячъ дѣтей. Но какъ бы многолудны ни были училища, всегда и вездѣ въ нихъ царствуютъ образцовый порядокъ, чистота и тишина. Проходя мимо самаго многолуднаго училища, мы никогда не увидимъ кучекъ дѣтей, толпящихся около училища на улицѣ, и никогда не услышимъ шума или крика въ училищѣ и на училищномъ дворѣ. Это достигается слѣдующими средствами : 1) Шестилѣтнихъ дѣтей съ первыхъ же дней по поступленіи въ школу стараются приучить къ порядку, чистотѣ и аккуратности ; они должны приходить въ училище и уходить изъ него лишь своевременно ; пришедши въ училище, они должны тотчасъ отправляться или на училищный дворъ, или въ залъ, или въ классъ, гдѣ вездѣ ихъ уже встрѣчаютъ дежурные ученики и дежурные учителя ; точно также по окончаніи занятій они должны сейчасъ же уходить изъ училища. 2) При существованіи классной системы преподаванія всякій учитель проводитъ всѣ перемѣны вмѣстѣ со своими учениками. Учитель приходитъ въ училище, по крайней мѣрѣ, за $\frac{1}{4}$ часа до начала занятій, направляется прямо въ свой классъ, снимаетъ тамъ же шляпу и пальто и дожидается учениковъ ; если онъ бываетъ дежурнымъ, то приходитъ еще раньше и смотритъ за учениками на дворѣ или въ коридорахъ. Лѣтомъ въ 7, а зимою въ 8 часовъ утра начинается ученіе, и дѣти два часа безвыходно остаются въ классѣ, при чемъ въ срединѣ урока бываетъ только перемѣна учебныхъ занятій. Послѣ первыхъ двухъ часовъ ученія бываетъ перемѣна въ 10—15 минутъ. Учитель и ученики берутъ

свои шляпы и при хорошей погодѣ отправляются на дворъ, при дурной погодѣ въ гимнастическій залъ или просто въ коридоръ, гдѣ какъ учитель, такъ и дѣти достаютъ свои бутерброды, и, позавтракавши и поигравши, вмѣстѣ отправляются въ классъ, гдѣ тотчасъ начинается урокъ. Черезъ часъ бываетъ перемѣна въ 10 минутъ, и учитель ее опять проводитъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Послѣ четвертаго урока учитель остается вмѣстѣ съ учениками все время, пока они не соберутъ своихъ вещей, не одѣнутся и не уйдутъ изъ училища. Точно также и послѣ обѣда учитель за $\frac{1}{4}$ часа долженъ быть уже въ классѣ и встрѣчать учениковъ. Давши еще два урока и чинно отправивъ домой учениковъ, онъ послѣдній уходитъ изъ училища. 3) Передъ перемѣнами ученики обыкновенно выходятъ попарно изъ класса и такимъ же образомъ послѣ перемѣнъ возвращаются обратно въ классъ. 4) При всякомъ училищѣ непремѣнно имѣется большой дворъ, гдѣ во время перемѣнъ устраиваются разныя дѣтскія игры съ пѣніемъ хоропроводныхъ пѣсенъ, что лишаетъ учащихся возможности въ свободное отъ ученія время заниматься шалостями. 5) Въ училищахъ имѣются весьма широкіе коридоры и лѣстницы и большіе гимнастическіе залы, а потому во время перемѣнъ не замѣчается никакой давки или толкотни учащихся.

Сообразно большому числу учащихся, училища отличаются своими громадными размѣрами. Нѣкоторыя училищныя зданія, отличаясь не только величиною, но и изящностью архитектуры, похожи на дворцы. Почти всякое училище помѣщается въ трехъ- или четырехъэтажномъ (не считая подвальныхъ помѣщеній) зданіи, которое съ трехъ сторонъ окружаетъ училищный дворъ съ садомъ. За дворомъ въ особомъ зданіи помѣщаются два громаднѣйшихъ гимнастическихъ зала. Въ подвальныхъ помѣщеніяхъ главнаго зданія находятся ванныя, кухня и прачечная, гдѣ дѣвочки обучаются кулинарному искусству, стиркѣ и глаженію бѣлья, квартиры для прислуги, центральное отопленіе паромъ

и пр. Въ верхнемъ этажѣ особыя залы для рисованія и женскихъ рукодѣлій и классы для преподаванія физики и химіи. Въ каждомъ училищѣ нѣсколько комнатъ занято одними только наглядными пособиями.

Въ послѣднее время ученицы I (старшаго) класса обязаны обучаться также поваренному искусству, стиркѣ и глаженью бѣлья, вслѣдствіе чего въ *Bezirksschulen* существуютъ кухни и прачечныя, гдѣ дѣвочки занимаются послѣ обѣда. Кромѣ того, для дѣвушекъ, уже окончившихъ народное училище, при участковыхъ училищахъ устраиваются особыя курсы вмѣсто *Fortbildungsschulen*, на которыхъ онѣ обучаются также въ кухнѣ и прачечной. У нихъ уроки домоводства обыкновенно бывають до обѣда.

Въ г. Дрезденѣ я побывалъ на урокахъ въ семи участковыхъ и городскихъ училищахъ. Присутствуя на урокахъ въ различныхъ классахъ и училищахъ, я вездѣ видалъ лишь образцовое преподаваніе учителей и слышалъ лишь прекрасныя отвѣты учениковъ, что ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высоко стоятъ дрезденскія народныя училища.

Послѣднимъ я посѣтилъ 12 городское училище, гдѣ урокъ естествовѣдѣнія для дѣвочекъ V класса происходилъ сначала въ училищномъ саду, а потомъ въ классной комнатѣ. На дворѣ и въ саду, вдоль забора, на солнечной сторонѣ тянется въ сажени 2—3 шириною полоса земли, отгороженная чугуною рѣшеткою. На этой полосѣ въ миниатюрѣ разведены поля (ржаное, пшеничное, маисовое, ячменное, овсяное, льняное и пр.), огородъ (капуста, брюква, морковь, рѣдька и т. д.), цвѣтникъ, лѣсъ и лугъ. Въ саду учитель повелъ съ дѣвочками бесѣду о хлѣбныхъ растеніяхъ. Сначала были описаны отдѣльные виды, а затѣмъ дано понятіе о злакахъ. Въ виду наступавшихъ вакацій учитель предложилъ ученицамъ пройти по всему саду и хорошенько замѣтить, въ какомъ видѣ онѣ теперь оставляютъ растенія въ училищномъ саду. Затѣмъ всѣ мы отправились въ классъ, гдѣ на каедрѣ лежали цѣлыя

кучи цвѣтовъ, клевера и цвѣтущихъ вѣточекъ липы. Вкратцѣ поговоривъ о разныхъ цвѣтахъ, принесенныхъ ученицами, учитель роздалъ имъ вѣтки липы и повелѣ бесѣду о липѣ, при чемъ особое вниманіе обращено было на разсмотрѣніе и описаніе цвѣтка липы. Потомъ онъ роздалъ ученицамъ головки клевера и онѣ, разсматривая ихъ, описали части цвѣтка клевера.

Въ 12 часовъ (18 іюля по новому стилю) ученіе закончилось, и ученицы были распущены на лѣтнія вакаціи, которыя для учащихся въ г. Дрезденѣ продолжаются 28 дней.

III. Баварія.

Въ Баваріи обязательность обученія для мальчиковъ и дѣвочекъ настааетъ по исполненіи 6 лѣтняго возраста и продолжается 10 лѣтъ, а именно: всѣ дѣти обязаны обучаться сначала 7 лѣтъ въ будничной школѣ (Werktagsschulpflicht) и 3 года воскресной и праздничной школѣ (Sonn- und Feiertagsschulpflicht). Кромѣ того, католики до исполненія 18 лѣтняго возраста и протестанты до исполненія 16 лѣтняго возраста въ воскресные и праздничные дни обязаны слушать ученія въ церкви (Christenlehripflicht).

Тѣхъ дѣтей, которыя на выпускныхъ испытаніяхъ обнаруживаютъ слабыя познанія, можно обязать къ посѣщенію будничной школы на 8-ой годъ. Точно также въ воскресной и праздничной школѣ можно оставлять на четвертый годъ слабо подготовленныхъ дѣтей.

Вмѣсто воскресныхъ и праздничныхъ школъ могутъ быть открыты Fortbildungsschulen. Дѣти, обучающіяся въ Fortbildungsschule, освобождаются отъ посѣщенія воскресной и праздничной школы.

Всякая община можетъ обязать дѣтей обучаться въ будничной школѣ 8 лѣтъ. Окончившіе будничную школу съ 8 годичнымъ курсомъ посѣщаютъ воскресную и праздничную школу или Fortbildungsschule только 1 годъ. Въ

послѣднемъ классѣ 8 годичной будничной школы, на ряду съ общимъ образоваціемъ, сообщаются дѣтямъ преимущественно практическія свѣдѣнія. Вслѣдствіе этого будничная школа съ 8 годичнымъ курсомъ повсюду нашла самое широкое распространеніе.

Самымъ низшимъ считается I и самымъ высшимъ VIII классъ.

Обученіе во всѣхъ народныхъ школахъ бесплатное.

Въ виду того, что мюнхенскія народныя училища, называющіяся *Werktagsschulen* (будничныя школы), принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Германіи и во всѣхъ отношеніяхъ могутъ считаться образцовыми, скажу вкратцѣ о видѣнномъ и слышанномъ мною при посѣщеніи школъ въ г. Мюнхенѣ, гдѣ я побывалъ два раза — въ срединѣ іюля (во время вакацій) и въ концѣ августа (въ началѣ учебнаго года) и осмотрѣлъ около 10 народныхъ училищъ.

Зданія народныхъ училищъ, которыя отличаются огромными размѣрами, построены въ готическомъ стилѣ и на открытомъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ зданій. Они обыкновенно стоятъ отъ 500,000—800,000 марокъ и по внѣшности похожи на дворцы. Почти всѣ училища помѣщаются въ четырехъэтажныхъ здапіяхъ, гдѣ все приспособлено, чтобы учащимся доставлять больше свѣта и воздуха. Въ каждомъ классѣ по 3—4 огромныхъ окна, которыя занимаютъ бѣльшую часть площади внѣшнихъ стѣнъ и равняются значительной части площади пола. Классныя помѣщенія вездѣ просторны и снабжены самыми лучшими вентиляціями. Въ каждомъ классѣ сплошной стѣной отдѣлено особое помѣщеніе, гдѣ, при помощи разныхъ аппаратовъ и трубъ, машинами, находящимися въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, вентилируются классы и во время уроковъ такъ, что незамѣтно ни малѣйшей тяги. Во всякой классной комнатѣ отъ 10—12 электрическихъ лампъ. Обыкновенно въ классѣ у задней стѣны устроена еще гардеробная, такъ что ученики, приходя въ училище,

раздѣляются и, уходя изъ него, одѣваются тамъ же въ классѣ. Въ иныхъ училищахъ гардеробнымъ отведены особыя помѣщенія, находящіяся вдоль классовъ и коридоровъ. Во всю длину и ширину зданія тянутся широкіе, свѣтлые коридоры. Въ концахъ каждаго коридора находятся ватерклозеты, которые содержатся въ такой отмѣнной чистотѣ, что не издають ни малѣйшаго запаха. Лѣстницы широкиа и ихъ нѣсколько; по нѣкоторымъ только поднимаются, а по другимъ только спускаются, вслѣдствіе чего на лѣстницахъ не бываетъ давки и противоположныхъ теченій. Въ училищѣ два гимнастическихъ зала, обыкновенно съ кафельными стѣнами. Всѣ гимнастическіе снаряды при помощи особыхъ механическихъ приспособленій сами передвигаются съ мѣста на мѣсто. Снарядовъ такъ много, что обстановка гимнастическаго зала стоитъ нѣсколько тысячъ марокъ. Для рисованія, женскихъ рукодѣлій и производства физическихъ и химическихъ опытовъ особыя залы, каждый съ соответствующими своему назначенію приспособленіями. Въ подвальныхъ помѣщеніяхъ находятся кухня и прачечныя, гдѣ дѣвочки обучаются поваренному искусству, стиркѣ и глаженію бѣлья, классы ручного труда, ванныя, квартиры для прислуги, центральное отопленіе и машины, вентилирующія всѣ училищныя помѣщенія. Во всѣхъ помѣщеніяхъ полы и лѣстницы изъ особой массы линолеума, что устраняетъ шумъ и пыль. Въ классахъ парты системы Реттига и доски системы Фрелиха. При каждомъ училищѣ два двора съ садиками — одинъ для мальчиковъ, другой для дѣвочекъ.

Всякое училище весьма богато самыми разнообразными наглядными пособіями. Для того, чтобы учителя могли знакомиться съ различными системами классной мебели и лучшими учебными пособіями существуетъ *Ausstellung des Kreismagazins von Oberbayern für Lehrmittel und Schul-Einrichtungsgegenstände in München*. Эта выставка учебныхъ принадлежностей представляетъ самый лучшій и самый богатый школьный музей въ Германіи.

Мюнхенскія народныя школы заслуживаютъ особаго вниманія педагоговъ по весьма цѣлесообразной и обстоятельной разработкѣ учебныхъ плановъ и концентрическому распредѣленію учебнаго матеріала по отдѣльнымъ ступенямъ обученія. Въ этомъ отношеніи едва ли какой-нибудь другой городъ въ Германіи можетъ конкурировать съ Мюнхеномъ.

Во время вакацій, 13 (28) іюля, я осматривалъ внутреннее устройство и помѣщенія прекраснаго зданія народнаго училища по Гаймгаузерской улицѣ (Haimhauser Schule). Въ этомъ училищѣ особенно хорошо поставлено преподаваніе ручного труда.

Классы ручного труда — по дереву, металлу и кузнечному мастерству — находятся въ подвальныхъ помѣщеніяхъ. Преподаваніе ручного труда въ качествѣ необязательнаго предмета введено лишь недавно. Для этой цѣли магистратомъ были приглашены два знаменитыхъ преподавателя ручного труда — г. Гроссманъ по дереву и г. Бергеръ по металлу и кузнечному мастерству. Судя по прекрасной организаціи мастерскихъ и по богатству и разнообразію выставленныхъ въ нихъ ученическихъ работъ, это лучшія мастерскія, какія мнѣ когда-либо приходилось видѣть въ учебныхъ заведеніяхъ. Курсъ ручного труда бываетъ теоретическій и практический, при чемъ послѣдняя часть состоитъ изъ рисованія предмета и его изготовленія. Самая система преподаванія, по моему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ту систему, которая извѣстна у насъ подъ именемъ „нѣвдской“ и почти повсемѣстно примѣняется въ нашихъ русскихъ училищахъ. Во всякомъ случаѣ организація ручного труда въ мюнхенскихъ школахъ заслуживаетъ полнаго вниманія лицъ, интересующихся преподаваніемъ этого предмета. — Для подготовленія учителей гг. Гроссманомъ и Бергеромъ за счетъ государства и города организованы особые бесплатные курсы, которые продолжаются 2—3 года и на которыхъ могутъ принимать участіе только народныя учителя. Для учащихся въ Fortbil-

dingsschulen гг. Гроссманомъ и Бергеромъ устроены особые курсы, на которыхъ работаютъ уже электрическими машинами.

Во время моего посѣщенія на одномъ дворѣ подъ руководствомъ учителя играло нѣсколько десятковъ мальчиковъ и на другомъ дворѣ подъ руководствомъ учительницы играли дѣвочки. Учительница объяснила мнѣ, что это такія дѣти, которыя дома не имѣютъ достаточнаго надзора, а потому, будучи предоставлены самимъ себѣ, могли бы испортиться во время каникулъ. Такія дѣти обязаны проводить каникулярное время съ 8 час. утра до 6 час. вечера въ училищѣ подъ надзоромъ учителей и учительницъ. Они тамъ же и столуются — бѣднѣйшій даромъ, а болѣе состоятельныя платятъ 10 пфенинговъ въ день или 60 пфенинговъ (= 28 коп.) въ недѣлю.

Затѣмъ учительница предложила мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нею въ другое народное училище по Вильгельмской улицѣ, куда она съ дѣвочками пойдетъ обѣдать, и осмотрѣть тамъ училищную кухню, гдѣ зимою старшихъ ученицъ обучаютъ поваренному искусству, а также посмотрѣть, какъ и чѣмъ кормятъ ученицъ. Прибывъ въ Вильгельмское училище, мы отправились въ обширную столовую, гдѣ дѣти, занявъ свои мѣста и прочитавъ молитву, кромѣ хлѣба, получили по тарелкѣ супу съ мясомъ.

Потомъ учительница повела меня въ кухню, гдѣ обучаютъ ученицъ VIII (высшаго) класса и ученицъ Fortbildungsschule поваренному искусству. Кухня находится въ огромной комнатѣ съ каменнымъ поломъ и кафельными стѣнами. Въ кухнѣ 4 плиты. У каждой плиты столъ съ 6 скамеечками для сидѣнія, 1 кухонный шкафъ, полка для посуды, буфетъ, шкафъ для платья и пр. Около каждой плиты работаютъ 6 ученицъ. Каждый столъ съ 6 ученицами образуетъ семью, гдѣ учительница представляетъ мать, а ученицы ея дочерей. Роли дочерей строго распределены и каждая знаетъ, что ей въ извѣстное время нужно дѣлать. Старшая дочь, напр., разводитъ и поддерживаетъ

огонь въ плитѣ, слѣдитъ за порядкомъ, накрываетъ столъ, распредѣляетъ кушанья. Вторая дочь доставляетъ все, что нужно для разведенія и поддержанія огня въ плитѣ. Третья дочь хранитъ конелекъ съ деньгами и дѣлаетъ нужныя покупки, чиститъ посуду и т. д. Деньги для покупокъ ученицы получаютъ отъ училища, но онѣ сами должны у одной изъ учительницъ покупать нужныя матеріалы и по извѣстнымъ рецептамъ приготавливать кушанья, которыя потомъ сами поѣдаютъ.

Для теоретическихъ занятій особый классъ съ соответствующими приспособленіями и наглядными пособіями, въ особенности для изученія мясныхъ и растительныхъ продуктовъ.

Обученіе домоводству и кулинарному искусству, согласно учебнымъ планамъ, служитъ основаніемъ всего обученія дѣвочекъ въ VIII классѣ. Изъ 29 обязательныхъ уроковъ въ VIII кл. 8 уроковъ приходится на домоводство и поваренное искусство и 4 урока на женскія рукодѣлія. Обученіе хозяйству и занятіямъ въ кухнѣ находится въ самой тѣсной связи съ обученіемъ другимъ предметамъ и должно давать ученицамъ необходимыя свѣдѣнія о рациональномъ продовольствіи народа (пищѣ, одеждѣ, жилищѣ) и объ уходѣ за маленькими дѣтьми; оно должно также развить въ ученицахъ любовь къ работѣ и воспитать въ нихъ тѣ добродѣтели, которыя служатъ украшеніемъ всякой хозяйки: чистоту, порядокъ, бережливость и прилежаніе, простоту и вкусъ.

28 августа (10 сентября) я посѣтилъ народное училище по Штилерской улицѣ, въ которомъ обучается около 1500 дѣтей обоого пола. Въ училищѣ 32 класса, изъ коихъ 24 католическихъ и 8 евангелическихъ. Въ мужскихъ классахъ обучаютъ только учителя и въ женскихъ — только учительницы.

Отношенія между учащими и учащимися самыя простыя, чисто семейныя. Мальчики и дѣвочки, приходя въ училище и уходя изъ него, здороваются и прощаются со

своими учителями и учительницами, подавая руку. Во время перемѣнъ дѣти беззапѣчиво вступаютъ въ разговоръ съ учителями и учительницами, гуляютъ и играютъ вмѣстѣ съ ними.

Я присутствовалъ въ IV классѣ на урокъ ариѳметики, въ V кл. на ур. объяснительнаго чтенія, въ VI кл. на ур. географіи и VIII кл. на ур. рисованія. Вездѣ дѣти, сообразно своему возрасту, обнаруживали иреспублия познанія. Особенно хорошо поставлено рисованіе, по которому для мальчиковъ полагается въ V кл. 4 урока, въ VI и VII кл. по 3 урока и въ VIII классѣ 8 уроковъ въ недѣлю. Для рисованія особый залъ, и рядомъ съ нимъ двѣ комнаты, гдѣ помѣщаются только учебныя пособія по рисованію и черченію. Судя по исполненнымъ учениками работамъ, рисованіе въ мюнхенскихъ народныхъ училищахъ поставлено очень хорошо.

По окончаніи послѣобѣденныхъ занятій мальчики пошли домой, а дѣвочки съ учительницами отправились играть: младшія ученицы на училищный дворъ, старшія на Терезинскій лугъ (училище однимъ концомъ выходитъ на площадь въ нѣсколько десятинъ величиною, носящей названіе Терезинскаго луга). Пріятно было смотрѣть, какъ дѣвочки, поработавъ въ школѣ, вмѣстѣ со своими учительницами свободно веселились на чистомъ воздухѣ. Игры, не замѣняя уроковъ гимнастики, не составляютъ особаго предмета преподаванія, но при хорошей погодѣ по окончаніи уроковъ учительницы съ дѣвочками и учителя съ мальчиками три раза въ недѣлю занимаются школьными играми.

29 августа я посетилъ народное училище на Домпедровской площади (am Dom-Pedro-Platz).

Въ I классѣ, гдѣ учительница занималась съ 6 лѣтними дѣвочками, поступившими въ школу только 2—3 дня тому назадъ, я присутствовалъ на трехъ вступительныхъ урокахъ: разговора (Sprechübungen), счета и письма.

На первомъ урокъ учительница рассказала дѣвочкамъ

приблизительно слѣдующее: „Въ лѣсу жилъ зайчикъ со своею матерью. Разъ выпалъ свѣжій снѣжокъ. Мать сказала зайчику: „Теперь не выходи изъ лѣсу, потому что охотники могутъ по слѣдамъ тебя отыскать и убить“. Но зайчикъ не послушался матери. Онъ отправился на огородъ и сталъ грызть кочанъ. Охотникъ замѣтилъ его и застрѣлилъ“. — Когда ученицы по вопросамъ повторили этотъ простенькій, но весьма выразительно переданный учительницей рассказецъ, то она перевернула классную доску, гдѣ ею еще до урока мастерски, даже художественно была нарисована картина для иллюстраціи рассказа, а именно: на переднемъ фонѣ картины огородъ, гдѣ зайчикъ, сидя на заднихъ лапкахъ, грызетъ кочанъ; далѣе видны лѣсъ и село; на опушкѣ лѣса, стоя за деревомъ, охотникъ стрѣляетъ въ зайчика. Теперь учительница по нарисованной ею картинѣ повела бесѣду, цѣлью коей было, съ одной стороны, довести дѣтей до яснаго пониманія смысла ея рассказа и, съ другой стороны, заинтересовать ихъ содержаніемъ рассказа и картины и тѣмъ самымъ „развязать языкъ“ своимъ юнымъ питомцамъ. Изъ этой бесѣды было выяснено, что зайчику слѣдовало слушаться матери; затѣмъ отсюда было выведено, что дѣтямъ слѣдуетъ слушаться родителей и вообще старшихъ; въ особенности учащимся нужно слушаться своихъ наставниковъ. Потомъ дѣти хоромъ заучили поговорку: *Ein gutes Kind gehorcht geschwind*. Послѣ того при помощи обобщающихъ вопросовъ ученицы еще нѣсколько разъ повторили весь рассказецъ вмѣстѣ съ сдѣланнымъ изъ него выводомъ.

На урокъ ариѳметики та же самая учительница и въ томъ же самомъ классѣ учила дѣтей считать до 4. Поднявъ вверхъ лѣвую руку, учительница предложила вопросъ: Что это? Отвѣты: Это рука. Это лѣвая рука. Учительница, указывая на большой палецъ: Что это? Отвѣтъ: Это большой палецъ (*Daumen*). Сколько здѣсь пальцевъ?

Ученицы, тоже указывая правой рукой на пальцы своей лѣвой руки, отвѣчали: Здѣсь одинъ палець. Здѣсь два пальца. Здѣсь три (четыре) пальца. Подобнымъ образомъ онѣ считали грифели, мѣлки, карандаши, книги.

Въ концѣ урока учительница объясняла и показывала ученицамъ, какъ нужно вставать, выходить съ мѣста, становиться въ ряды по двѣ ученицы и безъ шума выходить изъ класса. Эти упражненія ученицами были продѣланы нѣсколько разъ. Послѣ перемѣны учительница на дворѣ снова выстроила ученицъ въ ряды, и онѣ въ такомъ порядкѣ и по ея командѣ пришли въ классъ и заняли свои мѣста.

На третьемъ урокѣ учительница подготовляла дѣтей къ обученію письму, а именно — объясняла и показывала, какъ нужно по такту доставать изъ партъ аспидныя доски и грифели; какъ нужно держать доску на столѣ и грифель въ рукѣ; какъ нужно держать локоть на столѣ и въ какомъ положеніи долженъ находиться корпусъ при письмѣ. Продѣлавъ разныя гимнастическія упражненія для кисти руки, ученицы усѣлись такъ, какъ слѣдуетъ сидѣть при письмѣ, взяли въ правую руку грифель и по такту „вверхъ“, „внизъ“ (auf, ab) продѣлывали въ воздухѣ кистью и грифелемъ тѣ движенія, которыя совершаются при письмѣ прямыхъ штриховъ.

Послѣ того какъ учительница показала, какъ слѣдуетъ креститься и какъ держать во время молитвы корпусъ и руки, ученицы хоромъ прочитали молитву, совершая всѣ обряды католической молитвы какъ бы по такту. Затѣмъ учительница показывала, какъ слѣдуетъ доставать шляпы и ранцы изъ гардеробной, находящейся въ особомъ помѣщеніи, устроенномъ сзади класса, и какъ ихъ надѣвать. Эти упражненія тоже ученицы продѣлали нѣсколько разъ. Потомъ онѣ чинно по парамъ выходили изъ класса.

Вообще эта учительница, богатая опытомъ и искусная въ преподаваніи, своею естественною любовью къ дѣтямъ и умѣньемъ по-матерински обращаться съ ними, самымъ ходомъ занятій возбуждала въ ученицахъ интересъ къ ученію и, тѣмъ

одновременно привлекая всѣхъ къ общей классной работѣ, оживляла свои уроки. Главное же достоинство ея преподаванія заключалось именно въ томъ, что она всегда находила средства „развязывать языкъ“ у своихъ крохотныхъ, трусливыхъ и застѣнчивыхъ ученицъ, отъ которыхъ иногда трудно было добиться кой-какого отвѣта, тѣмъ болѣе, что дома онѣ говорятъ на своемъ особомъ баварскомъ нарѣчїи.

30 августа я посѣтилъ нар. училище по Вейлерской улицѣ.

Въ IV классѣ учитель занимался родиновѣдѣніемъ. Начертивъ еще до урока цвѣтнымъ мѣломъ на классной доскѣ планъ г. Мюнхена, учитель по этому плану и по другому весьма большому плану г. Мюнхена, висѣвшему на стѣнѣ, бесѣдовалъ съ дѣтьми о пограничной городской линїи и о раздѣленїи г. Мюнхена на участки. Изъ отвѣтовъ дѣтей видно было, какъ основательно и подробно они знаютъ свой родной городъ. Всѣ начерченные учителемъ планы на классной доскѣ послѣ надлежащихъ объясненїй ученики чертятъ въ своихъ тетрадяхъ. Для этой цѣли у нихъ существуютъ особая тетради по родиновѣдѣнїю, географїи, исторїи и естествовѣдѣнїю.

Родиновѣдѣніе (Heimatkunde), по учебнымъ планамъ мюнхенскихъ народныхъ школъ, относится къ міровѣдѣнїю (Weltkunde) и служитъ подготовительною ступенью (Vorstufe) трехъ дисциплинъ послѣдняго: географїи, исторїи и естествовѣдѣнїя (Naturkunde, которое обнимаетъ ботанику зоологію, минералогію, фїзику и химію). Обученіе всѣмъ этимъ предметамъ должно быть основано на непосредственномъ наблюденїи и созерцанїи. Съ этою цѣлью учебными планами предписывается предпринимать экскурсіи, изъ которыхъ обязательныя для всѣхъ учащихся перечислены даже въ учебныхъ планахъ. (См. Lehrplan für den Unterricht in der Weltkunde an den Werktags-Volksschulen der Kgl. Haupt- und Residenzstadt München). Каждой такой экскурсіи должна предшествовать предварительная бесѣда въ классѣ,

во время которой ученики подготовляются къ совершенію экскурсіи. Путешествуя съ учениками, учитель обращаетъ вниманіе дѣтей на тѣ предметы и явленія, изученіе которыхъ служить цѣлью предпринятой экскурсіи, и попутно съ этимъ, сообщеть о нихъ необходимыя свѣдѣнія. Видѣнное и слышанное потомъ служить предметомъ бесѣды въ классѣ. На прогулки дѣти съ учителемъ или учительницею отправляются или пѣшкомъ, или по электрическимъ конкамъ, или по желѣзной дорогѣ, или на пароходѣ по Изару. Провозъ учащихся бесплатный. Родиновѣдѣніе, какъ подготовительная ступень для изученія міровѣдѣнія, проходитъ въ III и IV классахъ, а въ старшихъ классахъ проходятъ уже самыя дисциплины міровѣдѣнія. Вообще выше указанные учебные планы, примѣнительно къ Мюнхену и баварской жизни, составлены очень удачно, а потому заслуживаютъ вниманія тѣхъ лицъ, которыя интересуются преподаваніемъ этихъ предметовъ.

Въ VII классѣ на урокъ географіи учительница спрашивала о Богемской низменности (Bömisches Becken). Назвавъ и указавъ на картѣ Австро-Венгріи горы, окружающія Богемскую низменность, ученицы на той же картѣ очертили мѣломъ въ видѣ ромба Богемскую низменность. Далѣе, онѣ указали на картѣ рѣки и рѣчки съ ихъ притоками и подробно рассказали объ устройствѣ поверхности, климатѣ, орошеніи, естественныхъ богатствахъ на землѣ и въ землѣ (съ объясненіемъ, почему Богемія называется алмазомъ Австрійской короны), о занятіяхъ жителей и населеніи Богеміи. Говоря о населеніи Богеміи ученицы прибавили, что хотя это богатая страна, все-таки нѣмцамъ живется здѣсь плохо, потому что ихъ притѣсняютъ чехи, и рассказали содержаніе одной чешской саги, по которой чехи вытѣсняютъ изъ своей страны нѣмцевъ, но сопоставили съ нею и какую-то нѣмецкую сагу, по которой нѣмцы когда-то восторжествуютъ надъ чехами. Сдѣлавъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма подробное и обстоятельное описаніе

Богеміи, ученицы на другой большой схематической картѣ показали границы, горы, рѣки, города Богеміи, и затѣмъ, не глядя на карту, цвѣтнымъ мѣломъ быстро и хорошо на классной доскѣ начертили подобную же схематическую карту, съ обозначеніемъ всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ пунктовъ Богеміи, о которыхъ уже раньше упоминали на урокѣ. Вообще изложеніе ученицами содержанія урока отличалось послѣдовательностью и обстоятельностью, и даваемые ими отвѣты на вопросы учительницы служили доказательствомъ, что заученное ими усвоено осмысленно и основательно.

Желая показать мнѣ познанія ученицъ по исторіи, учительница предложила имъ нѣсколько вопросовъ изъ Семилѣтней войны, изъ коихъ выяснилось, что ученицы были знакомы также съ русской и французской исторіей XVIII вѣка.

Съ тою же цѣлью она спрашивала о произведеніяхъ и значеніи Шиллера и Гете, что ученицы знали тоже очень хорошо.

Затѣмъ ученицы на голоса пропѣли нѣсколько нѣмецкихъ пѣсень. Въ пѣніи, которое отличалось стройностью, принимали участіе всѣ ученицы.

31 августа я посѣтилъ народное училище по Гульдейнской улицѣ.

Въ IV классѣ на урокѣ родиновѣдѣнія учительница подготавливала ученицъ къ экскурсіи, которую онѣ намѣрены были предпринять 2-го сентября по желѣзной дорогѣ въ Гросгеселозъ и оттуда обратно въ Мюнхенъ пѣшкомъ по берегу рѣки Изара. Спросивъ ученицъ о томъ, что онѣ замѣтили въ прошломъ учебномъ году во время тѣхъ экскурсій, которыя ими были предприняты въ Англійскій садъ на берегу Изара въ городѣ Мюнхенѣ, и какъ во время такихъ прогулокъ нужно вести себя и чѣмъ заниматься, учительница заявила, что теперь онѣ будутъ знакомиться не только съ Мюнхеномъ, но и съ его окрестностями, а потому прежде всего необходимо самимъ от-

правиться и осмотрѣть окрестности г. Мюнхена. Потомъ учительница перевернула классную доску, гдѣ ею еще до урока былъ начерченъ цвѣтнымъ мѣломъ планъ окрестностей Мюнхена съ рѣкою Изаромъ по направленію къ Гросгеселю, и по этому плану она знакомила дѣтей съ тѣмъ, что они скоро сами увидятъ въ дѣйствительности.

Въ VI классѣ я пробылъ около $\frac{1}{4}$ часа на урокѣ женскихъ рукодѣлій (первый урокъ въ этомъ учебномъ году), гдѣ учительница раздавала дѣвочкамъ полотно для шитья женской рубахи. Матеріалы для рукодѣлій бѣдныя ученицы получаютъ даромъ, а состоятельныя платятъ незначительную сумму. Всѣ издѣлія ученицы изготовляютъ по своей мѣркѣ и удерживаютъ въ собственность.

IV. Вюртембергъ.

Въ королевствѣ Вюртембергѣ дѣти по исполненіи 6 лѣтнаго возраста, а слабыя здоровьемъ дѣти по исполненіи 7 лѣтнаго возраста, обязаны обучаться въ народномъ училищѣ 8 лѣтъ, т. е. до достиженія ими 14 или 15 лѣтнаго возраста, и потомъ еще 2 года въ Fortbildungsschule по два урока въ недѣлю.

Народныя училища носятъ чисто конфессіональный характеръ и раздѣляются на евангелическія, католическія и еврейскія, такъ что дѣти различныхъ исповѣданій никогда не обучаются вмѣстѣ. Для училищъ каждаго исповѣданія свои учебные планы по закону Божію, нѣмецкому языку и исторіи, и сообразно съ этимъ свои особыя учебники. Такъ, напр., въ еврейскихъ училищахъ изъ 30 недѣльныхъ уроковъ полагается на еврейскій языкъ 6 и на законъ Божій $5\frac{1}{2}$ уроковъ, итого $11\frac{1}{2}$ уроковъ, такъ что на всѣ остальные предметы приходится всего лишь $18\frac{1}{2}$

уроковъ. Кромѣ того, въ хрестоматіи для еврейскихъ школъ значительная часть статей посвящена евреямъ и еврейской жизни. Точно также на урокахъ исторіи на ряду съ отечественною исторіею проходится и еврейская исторія (См. *Normallehrplan für die Württembergischen Volksschulen*).

Для каждаго типа училищъ государствомъ или отдѣльными городами, сообразно мѣстнымъ условіямъ, изданы по всѣмъ предметамъ учебники, которые только и можно употреблять въ школахъ, при чемъ бѣдные ученики получаютъ всѣ необходимыя книги и другія учебныя вещи даромъ за счетъ государства или общины. Самая главная книга — это хрестоматія, которая въ одноклассныхъ училищахъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ учебникомъ по нѣмецкому языку, географіи, исторіи, естественнымъ наукамъ и даже по закону Божію.

По „Нормальнымъ учебнымъ планамъ“, въ одноклассныхъ нар. училищахъ преподаются слѣд. обязательные предметы: I законъ Божій; II языкъ: 1) чтеніе, 2) чистописаніе, 3) правописаніе, 4) сочиненіе, 5) необходимое изъ грамматики; III ариѳметика въ связи съ геометриею; IV реали: 1) географія, 2) естествовѣдѣніе, 3) естественная исторія, 4) исторія; V пѣніе; VI рисованіе; VII гимнастика; VIII женскія рукодѣлія для дѣвочекъ.

Во многоклассныхъ нар. училищахъ проходятся тѣ же самые обязательные предметы, но гораздо подробнѣе и съ значительно большими требованіями.

Обученіе въ народныхъ училищахъ бесплатное.

Въ Штутгартѣ я присутствовалъ на урокахъ въ 3 народныхъ училищахъ — Яковлевскомъ, Пражскомъ и Швабскомъ и въ 1 Fortbildungsschule. Въ виду того, что штутгартскія нар. училища, состояція изъ 8 восходящихъ классовъ, во всемъ напоминаютъ описанныя мною мюнхенскія народныя училища, я, боясь повторенія уже раньше сказаннаго, не буду говорить о своемъ посѣщеніи штутгартскихъ школъ.

Сравнивая теперь между собою народныя школы въ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи и Вюртембергѣ, мы находимъ, что между ними нѣтъ существеннаго различія, и что особенности народной школы въ томъ или иномъ государствѣ касаются лишь частныхъ, а не сущности. То же самое можно сказать о народныхъ школахъ и въ другихъ, мелкихъ германскихъ государствахъ, гдѣ тоже дѣти обязаны посѣщать народное училище въ теченіе 8 лѣтъ и Fortbildungsschule въ теченіе 2—3 лѣтъ. Во многихъ маленькихъ государствахъ, состязающихся между собою на культурномъ поприщѣ, народныя школы поставлены даже лучше, чѣмъ въ крупныхъ государствахъ. Въ этомъ отношеніи особенно славится Бадень, гдѣ народныя школы считаются образцовыми.

Такое довольно большое однообразіе народныхъ школъ въ различныхъ государствахъ Германіи объясняется тѣмъ, что для всѣхъ нихъ образцомъ послужила прусская народная школа, которой въ силу особыхъ обстоятельствъ суждено было сыграть весьма важную роль въ культурной и политической жизни Германіи.

Въ 1807 году прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, лишившись по Тильзитскому миру половины своихъ владѣній и утративъ всякое внѣшнее политическое значеніе, рѣшился сосредоточить всю свою дѣятельность на внутреннемъ объединеніи и усиленіи униженной Наполеономъ I Пруссіи и, считая самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей просвѣщеніе народа, издалъ манифестъ, въ которомъ говорится слѣдующее: „Хотя мы понесли большія потери въ пространствѣ нашихъ владѣній, хотя внѣшнее могущество и внѣшнее величіе государства пали, но мы желаемъ и должны заботиться о томъ, чтобы вознаграждать себя внутреннимъ могуществомъ и внутреннимъ величіемъ. А потому моя твердая воля, чтобы на образованіе народа было обращено наибольшее вниманіе.“ Скоро послѣ этого, благодаря энергичной дѣятельности знамени-

таго прусскаго министра барона Штейна, слѣдовали реформы одна за другою, напр.: уничтоженіе крѣпостнаго права (Erbuntertänigkeit) и образованіе свободнаго крестьянскаго сословія, новое городское положеніе, введеніе провинціального земскаго представительства и пр. На основаніи словъ указаннаго манифеста Штейнъ уже въ 1808 г. разослалъ всѣмъ провинціальнымъ и земскимъ властямъ слѣд. циркуляръ: „Нашею главною заботою должно быть возвышеніе религіознаго, нравственнаго, патріотическаго духа въ народѣ, чтобы возбудить въ немъ сознательное мужество, довѣріе къ себѣ и готовность на всѣ пожертвованія ради независимости отъ иноземцевъ и ради своего народнаго единства. Какъ во всемъ, такъ и здѣсь наибольшихъ результатовъ мы можемъ достигъ только при помощи правильнаго начальнаго воспитанія и обученія народа. Если природныя здоровыя силы народа будутъ возбуждены, питаемы и развиваемы начальнымъ образованіемъ въ истинномъ народномъ духѣ, то, безъ сомнѣнія, мы вырастимъ сильное, крѣпкое поколѣніе въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, которое будетъ проникнуто единымъ народнымъ чувствомъ, будетъ сознавать силу и славу отечества въ его народномъ и государственномъ единствѣ, и намъ можно будетъ смѣло надѣяться увидѣть лучшее будущее.“

За свою дѣятельность Штейнъ, по настоянію Наполеона I, былъ удаленъ изъ Пруссіи и Германіи. Но и проживая за границею (въ Россіи), Штейнъ постоянно указывалъ своимъ соотечественникамъ на великое значеніе начальнаго народнаго образованія въ политическомъ отношеніи. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ барону Гагерну, какъ бы пророчески, онъ говоритъ слѣдующее: „Мое желаніе видѣть Пруссію усиленною и увеличенною проистекаетъ не изъ слѣпой привязанности къ этому государству, но изъ убѣжденія, что раздробленность ослабляетъ Германію, уничтожаетъ въ ней общее народное чувство и сознаніе своего народнаго единства и дѣлаетъ ее неспособною къ образо-

ванію сильнаго политическаго цѣлаго. Пруссіи предстоитъ возстановить наше общее отечество — единую Германію. Она достигнетъ этого, если только не покинетъ заботъ о просвѣщеніи народа, и если распространеніемъ въ народѣ правильнаго начальнаго образованія прежде всего положитъ твердое основаніе своему собственному народному и политическому единству и могуществу.“

Точно такъ же понималъ великое значеніе народнаго образованія первый и самый замѣчательный прусскій министръ учебныхъ и духовныхъ дѣлъ баронъ Альтенштейнъ, главною задачею котораго было основать христіанскую, нѣмецкую, прусскую народную школу (*eine christliche, deutsche, preussische Volksschule*). Въ циркулярѣ ко всѣмъ училищнымъ властямъ, приведши выше означенныя слова короля и объяснивъ цѣль учрежденія университета въ Берлинѣ, какъ средоточія всего высшаго образованія въ Пруссіи, онъ пишетъ: „Въ гимназіяхъ и другихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ получаетъ образованіе лишь небольшое число гражданъ; еще меньшее число ихъ имѣетъ возможность посѣщать университеты и другія высшія учебныя заведенія; весь же народъ обучается въ начальной школѣ, и масса его заканчиваетъ ею свое образованіе. Отъ начальнаго образованія цѣликомъ зависитъ развитіе и направленіе духовной и матеріальной дѣятельности народа. Оно кладетъ первое основаніе умственному и нравственному достоянію какъ отдѣльнаго человека, такъ и всего народа; оно же пріучаетъ человека къ порядку и сознательному труду. Поэтому начальная народная школа имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на судьбу народа и всего государства. Прусская нар. школа до сихъ поръ не имѣла и не могла имѣть этого значенія: она лишь научала кое-какъ читать и писать и сообщала самыя скудныя и механическія свѣдѣнія по закону Божію и счисленію; вслѣдствіе этого она вовсе не была разсад-

никомъ правильнаго начальнаго народнаго образованія. Да и такое образованіе не могло быть достояніемъ народа, масса котораго находилась въ крѣпостной зависимости, а просвѣщеннѣйшая часть стыдилась своего народнаго, нѣмецкаго, прусскаго имени и тяготѣла къ иноземному, ино-вѣрному, иноплеменному. Но теперь, по волѣ нашего короля, прусскій народъ свободенъ, и тяжкій кровавый опытъ открылъ намъ глаза и научилъ насъ, къ какимъ великимъ утратамъ ведетъ пренебреженіе своимъ роднымъ, отечественнымъ. Нужно надѣяться, что послѣ такого тяжкаго испытанія у насъ перестанутъ видѣть образованіе въ усвоеніи чужого языка, чужихъ нравовъ и обычаевъ, чужого образа жизни и будутъ считать преступленіемъ противъ народа и отечества воспитаніе дѣтей въ прежнемъ духѣ, совершенно чуждомъ и противномъ нѣмецкой прусской народности. Гдѣ воспитаніе и обученіе не исходятъ изъ народныхъ и государственныхъ началъ, гдѣ отдѣльныя сословія воспитываютъ своихъ дѣтей только въ личныхъ сословныхъ интересахъ и предупрежденіяхъ, тамъ не можетъ быть достигнуто общее народное самосознаніе, тамъ невозможно правильное пониманіе дѣйствительныхъ народныхъ и государственныхъ интересовъ, а слѣдовательно, и единодушное служеніе этимъ интересамъ. Наша народная школа отнынѣ должна сдѣлаться разсадникомъ истинно народнаго начальнаго образованія, составляющаго надежное и несокрушимое основаніе духовнаго, народнаго и государственнаго единства. Она должна быть общимъ начальнымъ христіанскимъ, нѣмецкимъ, прусскимъ училищемъ для всего прусскаго народа, ибо мы прежде всего христіане, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы пруссаки, и общее наше отечество — Германія“.

Таковы въ общемъ принципы нѣмецкой народной школы, намѣченные баронами Штейномъ и Альтенштейномъ въ пору политическаго ничтожества Пруссіи, къ осуществленію которыхъ всегда неуклонно стремились и стремятся

всѣ выдающіеся государственные и общественные дѣятели Пруссіи и Германіи. Уже въ томъ 1808 г. Альтенштейнъ, по повелѣнію короля, отправилъ нѣсколько молодыхъ людей къ Песталоцци для изученія его системы начальнаго воспитанія и обученія, потому что въ основаніи Песталоцціевой школы лежало все то, что дѣлало ее истинно христіанскою и народною школою. Поэтому совершенно естественно, что Пруссія въ то тяжелое время устремилась къ этой школѣ и въ ней почерпнула цѣлебную живительную струю для возрожденія угнетеннаго духа народа. Школа Песталоцци была истинно христіанская школа подобно тому, какъ и ея скромный, бѣдный основатель всегда былъ истинный христіанинъ. Она была истинно народная школа, потому что обученіе она обосновывала на народной почвѣ: она начинала съ окружающей дѣйствительности, съ нагляднаго изученія родины и отечества, а потому родная страна, родной языкъ, народная жизнь сдѣлались главными учебными предметами начальной школы. Главною цѣлью созданной Песталоцци въ Швейцаріи и потомъ пересаженной въ Германію элементарной школы было не научить чтенію, письму, катехизису и счисленію, а положить всему духовному развитію и достоянію человѣка истинно христіанское и народное основаніе.

Съ этого времени открывается цѣлый рядъ учительскихъ семинарій, на устройство которыхъ самъ король изъ собственныхъ суммъ пожертвовалъ 100,000 талеровъ. Въ нихъ обучаютъ лица, хорошо знакомыя съ системою Песталоцци. Предварительно озаботившись о достаточномъ количествѣ хорошо подготовленныхъ учителей, Прусское правительство въ 1819 г. издаетъ законъ объ обязательномъ обученіи всѣхъ дѣтей въ теченіе 8 лѣтъ, съ 6—14 лѣтняго возраста, и начальное образованіе становится всеобщимъ народнымъ достояніемъ.

Подобное движеніе въ пользу народной школы замѣчается и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, которыя,

не желая отставать другъ отъ друга, заводятъ у себя школы на тѣхъ же началахъ Песталоцци, какъ и въ Пруссіи. Школа Песталоцци, будучи настоящею народною школою, повсюду въ Германіи много содѣйствовала поднятію народнаго духа, сознанія своей національности и тѣмъ самымъ подготовляла объединеніе Германіи.

Завѣтная мысль Альтенштейна скоро исполнилась: прусская народная школа дѣйствительно сдѣлалась разсадникомъ всеобщаго начальнаго народнаго образованія, которое прочно установило внутреннее единство и могущество Пруссіи и доставило ей видное, почетное мѣсто среди великихъ державъ Европы. Уже отъ 27 августа 1866 г. по окончаніи войны съ Австрією, результатомъ которой было исключеніе Австріи изъ Германскаго Союза, значительное увеличеніе прусской территоріи и образованіе Сѣвернаго Германскаго Союза подъ главенствомъ Пруссіи, военный министръ фонъ Роонъ, начальникъ главнаго штаба фонъ Мольтке и другіе генералы прусской арміи въ всеподаннѣйшемъ докладѣ донесли прусскому королю: „Армія вашего королевскаго величества, которая нынѣ сражалась и побѣдила, вся вышла изъ прусской народной школы и получила въ ней свое образованіе“.

Сбылись и вѣщія слова Штейна: Пруссія не покинула заботъ о просвѣщеніи народа, столь энергически начатыхъ ею послѣ несчастныхъ дней Іены и Ауэрштета; она съ напряженіемъ всѣхъ силъ распространяла въ народѣ начальное образованіе и, этимъ положивъ твердое основаніе своему собственному народному и государственному единству и могуществу, собрала всю раздробленную Германію и въ 1871 г. послѣ славныхъ и безподобныхъ въ исторіи побѣдъ возстановила Германскую имперію. И все это, по словамъ Бисмарка, сдѣлала народная школа.

Народная школа, посредствомъ правильнаго и цѣлесообразнаго воспитанія и обученія подростяющихъ поколѣній создавъ могущество Пруссіи и высоко поднявъ самосознаніе

нѣмецкаго народа, какъ одинаго цѣлаго, побѣдила на полѣ брани Австрію и Францію и изъ осколковъ прежней Священной Римской имперіи основала могущественную Германскую имперію, которая въ концертѣ великихъ державъ играетъ далеко не послѣднюю скрипку. Подобно тому, какъ Испанію называютъ страню монаховъ и монастырей, Германію по справедливости можно назвать страню учителей и училищъ; и подобно тому, какъ монахи и монастыри въ Испаніи постепенно сокрушаютъ могущество государства, на владѣніяхъ котораго нѣкогда солнце не заходило, такъ точно учителя и училища въ Германіи являются всесвязывающимъ цементомъ, прочно стягивающимъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ первоначально на скорую руку была создана Германская имперія, давая странѣ и всѣ тѣ жизненные соки, которые необходимы для роста и процвѣтанія народа.

Народная школа, просвѣщая народъ и сообщая ему полезныя практическія знанія, содѣйствуетъ поднятію нѣмецкой промышленности, которая на заграничныхъ рынкахъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ мануфактурныя произведенія Англіи. Такимъ образомъ народная школа является виновницею и культурныхъ побѣдъ Германіи надъ другими государствами. Та же народная школа повсюду за границею доставляетъ нѣмцамъ почетное имя культуртрегеровъ.

Если, наконецъ, Германія славится своими университетами и другими высшими, средними и спеціальными учебными заведеніями и извѣстна своими учеными и писателями, составляющими гордость страны и украшеніе націи, то народныя школы и народные учителя всегда имъ вправѣ сказать о себѣ: „Мы тѣ, которые, здѣсь роясь въ темнотѣ, питаемъ васъ“.

Юрьевъ, 28 февраля 1904 г.

И. Дависъ.

Психологія внутренняго опыта, какъ основа философскихъ наукъ.

(Историческій очеркъ).

Введеніе.

За послѣднюю половину истекшаго вѣка психологія сдѣлалась излюбленной наукой не только между философами всѣхъ направленій, но и между врачами-психіатрами, между педагогами, писателями, художниками и даже среди широкой публики. вмѣстѣ съ тѣмъ она сдѣлалась весьма разносторонней наукой. Психологи подвергаютъ своимъ изслѣдованіямъ самыя разнообразныя проявленія душевной жизни. Специалисты и любители изучаютъ душевную жизнь въ ея простѣйшихъ проявленіяхъ: душу дитяти, душу дикаря, первобытныя языки и міровоззрѣнія народовъ. На ряду съ общими проявленіями душевной жизни изучаются и индивидуальныя особенности, какъ то: отдѣльныхъ расъ въ ихъ первобытномъ состояніи, изучаются особенности половъ, патологическія измѣненія души и даже проявленія душевной жизни у животныхъ, и то не только у *vertebrata* высшей организаціи, но и у *articulata* — у насѣкомыхъ и пауковъ. При этомъ обыкновенно не столько занимаются изученіемъ разумной жизни животныхъ, проявляемой въ ихъ дѣйствіяхъ и истолковываемой по аналогіи съ нашимъ внутреннимъ опытомъ, съ нашей собственной душою,

сколько — изученіемъ предполагаемыхъ органовъ души, т. е. нервной системы и въ особенности мозга. Въ лабораторіяхъ ежегодно изрѣзываются десятки тысячъ животныхъ: морскихъ свинокъ, собакъ, обезьянъ, голубей . . ., чтобы при помощи микроскопа и химическихъ реактивовъ уловить суть душевной дѣятельности. Для той же цѣли изучаютъ сравнительно эмбриологію животныхъ и человѣка. Однимъ словомъ, изучаютъ все, что имѣетъ какое-либо соприкосновеніе съ душевной жизнью. Предметы изслѣдованій до того умножились, область психологическихъ сочиненій до того разрослась, что уже теперь становится неосуществимымъ вмѣстить все это въ одинъ человѣческой умъ.

Эта разносторонность психологическихъ изслѣдованій и всеобщій интересъ къ психологіи за послѣднія десятилѣтія, безспорно, доказываетъ, что ученые спеціалисты и даже любители болѣе или менѣе понимаютъ важное значеніе этой науки. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы добытые результаты соответствовали затраченному труду. Изслѣдователи раздѣлены на два большихъ, отчасти враждебныхъ другъ другу, лагеря, которые говорятъ своими особыми языками и другъ друга плохо понимаютъ. Да и въ каждомъ лагерѣ далеко не всѣ думаютъ одно и то же. До сихъ поръ у психологовъ разныхъ направленій нѣтъ ни единства взглядовъ относительно задачъ и методовъ изслѣдованія, нѣтъ даже одной общей терминологіи. Одни избѣгаютъ употреблять названіе „душа“, замѣняя его словомъ „мозгъ“, а въ лучшемъ случаѣ словомъ „психика“ — таковы психо-фізіологи и большинство психіатровъ¹⁾. (Многіе изъ нихъ полагаютъ, что фізіологія мозга должна упразднить психологію „внутренняго опыта“). Тѣ же, которые признаютъ внутренній опытъ, — психологи въ тѣсномъ смыслѣ — въ

1) Ср.: A. Forel, Gehirn u. Seele, 8. Aufl. 1902, S. 42 „Das Wort Seele wurde so ziemlich aus dem wissenschaftlich ärztlichen Vocabular gestrichen, ähnlich wie das Wort Gott, und durch Worte wie Sensorium ersetzt.

значительномъ большинствѣ случаевъ хотятъ изучать только явленія сознанія, избѣгая даже мысли о субстратѣ этихъ явленій. Такимъ образомъ у первыхъ, вмѣсто психологіи, получается фізіологія нервной системы; у послѣднихъ — психологія безъ души, т. е. явленія безъ являемаго. Эти въ своей послѣдовательности доходятъ до того, что говорятъ о бессознательныхъ процессахъ „сознанія“ (вмѣсто души), т. е. доходятъ до очевиднаго противорѣчія¹⁾. Мало этого, нельзя сказать и объ изслѣдованіяхъ однихъ и другихъ, чтобы они всегда безпристрастно держались фактическихъ данныхъ. Подъ вліяніемъ предвзятыхъ гипотезъ факты наблюденія нерѣдко освѣщаются односторонне; а факты, противорѣчащіе гипотезѣ, не замѣчаются или замалчиваются, какъ будто цѣль науки и изслѣдованій состоитъ въ подтвержденіи излюбленной гипотезы. Часть психофізіологовъ, болѣе или менѣе скрыто, руководится матеріалистической гипотезой, сводящей всѣ перемѣны и всю дѣйствительность къ движеніямъ матеріи²⁾. Большинство же въ объясненіи душевныхъ фактовъ открыто исходитъ отъ другой гипотезы — такъ называемаго психофізическаго параллелизма (или монизма). Въ основаніи этой гипотезы лежитъ та мысль, что и матеріальныя и душевныя явленія составляютъ двѣ стороны одного и того

1) Въ этомъ отношеніи не безупреченъ даже Вундтъ. Правда, онъ въ послѣдній періодъ своей ученой дѣятельности придерживается ученія волюнтаристической психологіи, признающей, что „воля и тѣсно связанныя съ нею чувстваванія и аффекты представляютъ столь же необходимую составную часть психологическаго опыта, какъ ощущенія и представленія“; однако и онъ на той же страницѣ утверждаетъ, что „психическіе факты суть явленія“, что они „во всякій данный моментъ уже не тѣ, какими были въ предшествующее мгновеніе“. (См. Очеркъ психологіи, перев. Панерны СПб. 1897. § 2 стр. 9). При такомъ взглядѣ становятся совершенно непонятны факты тождества личности и сознанія, тождества истины и науки, тождества внѣшняго міра; да и самъ фактъ памяти становится сомнительнымъ.

2) Эта гипотеза очень стара: она восходитъ до первыхъ проблесковъ философской мысли. Ея начало мы находимъ у греческихъ философовъ — у Демокрита.

же субстрата¹⁾. Но и въ этой гипотезѣ нерѣдко проглядываетъ чистый матеріализмъ: этому общему субстрату все же нерѣдко приписываютъ свойства матеріи²⁾. Впрочемъ, въ самомъ фактѣ установленія гипотезы еще не кроется опасности для науки: безъ гипотезъ трудно обойтись — онѣ обобщаютъ единичные законы и указываютъ направленіе эмпирическимъ изслѣдованіямъ. Но на гипотезу нужно смотрѣть только, какъ на таковую, т. е. какъ на недоказанное предположеніе. Если же наблюдаемые факты противорѣчатъ гипотезѣ, то ее нужно бросить. Что касается матеріалистической гипотезы, то ее можно считать отжившей свой вѣкъ и ушедшей въ исторію. Но гипотеза психофизическаго параллелизма пользуется и въ наше время всеобщимъ сочувствіемъ. Эта же гипотеза находится въ неразрывномъ союзѣ съ теоріей ассоціативной, по которой порядокъ всѣхъ воспроизведенныхъ душевныхъ явленій будто соответствуетъ первоначальному порядку, который существовалъ при ихъ первомъ образованіи. Такимъ образомъ получается очень простое объясненіе душевнаго механизма. И по мнѣнію психофизиковъ, душевная дѣятельность уподобляется фотографическому аппарату, который благодаря различнымъ химическимъ процессамъ въ мозговыхъ клѣткахъ разряжаетъ нервные токи; а эти въ свою очередь доходятъ до мускуловъ, въ которыхъ произ-

1) Эта гипотеза беретъ свое начало отъ Спинозы, который единой субстанціи — Богу приписываетъ два атрибута — протяженія и мышленія. Затѣмъ ее ввелъ въ психологію въ срединѣ 18-го вѣка англійскій врачъ Гертли; въ Германіи, уже въ новѣйшее время, — она особенно упрочилась благодаря Фехнеру.

2) См. A. Forel, Gehirn und Seele, 8. Aufl. 1902. S. 14. „Es giebt kein Gehirn ohne Seele und keine complicirte, der unserigen analoge Seele ohne Gehirn, so wenig es eine Kraft ohne Stoff giebt“. Если это вѣрно, то что мы скажемъ о низшихъ животныхъ безъ мозга и нервной системы? Что сказать о растеніяхъ и о неорганизованной матеріи? Эти ужъ навѣрно безъ души. Откуда же взялся мозгъ съ его душевной дѣятельностью? Быть можетъ онъ созданъ Творцомъ? Но если нѣтъ силы безъ матеріи, то нѣтъ и Творца безъ матеріи. А если Онъ разумень, то и Онъ долженъ имѣть мозгъ?

водятъ сокращенія. Въ этихъ-то сокращеніяхъ и отражается вся душевная жизнь, доступная объективному наблюденію. Вотъ и вся разгадка душевной дѣятельности. Признаться, такое объясненіе подкупаетъ своей простотой, въ особенности широкую публику, черпающую изъ журналовъ и газетъ свои вѣрованія. Но простота объясненія далеко еще не служитъ ручательствомъ въ истинѣ такого объясненія. Противъ означенной гипотезы говоритъ множество фактовъ душевной дѣятельности, добываемыхъ самонаблюденіемъ и признаваемыхъ всѣми. Таковыя факты: творческая самодѣятельность (въ области фантазіи и разсудка), самонаблюденіе и самосознаніе, самоопредѣленіе и устойчивость личности. Всѣхъ этихъ душевныхъ процессовъ не можетъ объяснить означенная гипотеза, на что неоднократно указывалось въ ученой литературѣ, между прочимъ и проф. Лопатинымъ. Мало этого, эта гипотеза не можетъ объяснить даже простѣйшихъ съ виду душевныхъ процессовъ, каковы воспріиженіе и память¹⁾. Наконецъ, приверженцы этой гипотезы не вникаютъ въ чрезвычайную сложность душевныхъ процессовъ²⁾. Очевидно, эта гипотеза встрѣчаетъ необъяснимыя противорѣчія въ фактахъ самонаблюденія и въ психологическихъ анализахъ; однако она держится въ наукѣ до сихъ поръ, начиная съ Гертли — уже болѣе полутора вѣка. По видимому,

1) Объ этомъ подробно изложено въ моей монографіи „О памяти“, помѣщенной въ Сборникъ Учено-Лит. Общества при Импер. Юрьевскомъ Унив. т. III—V за 1900—1902 года, а также въ отдѣльномъ оттискѣ I ч. IX. стр. 50—61 и II ч. стр. 346—350.

2) Даже простое съ виду зрительное воспріятіе сѣраго круга, съ радіусомъ въ 12 сантиметровъ, какъ я это показалъ въ своей монографіи „О памяти“, приходится разсматривать за дѣйствіе $1\frac{1}{4}$ квинтиллионовъ чувствующихъ субстратовъ. По мнѣнію психофизиковъ, простѣйшій элементъ чувственности — мозговая клѣтка, а таковыхъ они насчитываютъ всего билліоны. Слѣдовательно, и для объясненія этого простого зрительнаго воспріятія, длящагося нѣсколько секундъ, теорія психофизическаго параллелизма оказывается несостоятельной. Что же сказать о сложныхъ разсудочныхъ процессахъ, обхватывающихъ порой опытъ всей человѣческой жизни? См.: И. С. Проданъ, О памяти II ч. стр. 335—338.

приверженцы этой гипотезы дорожатъ ею больше, чѣмъ изученіемъ психическихъ фактовъ съ доступной изученію внутренней стороны, т. е. посредствомъ самопознанія.

Впрочемъ, многіе изъ современныхъ психо-физиковъ невро-физиологовъ и психіатровъ не признаютъ такъ называемаго внутренняго опыта, т. е. изученія душевныхъ явленій посредствомъ самонаблюденія: они считаютъ его не поддающимся строго научнымъ приѣмамъ. Исключенія допускаются ими только для экспериментальныхъ изслѣдованій по психологіи. Я съ своей стороны нисколько не умаляю значенія экспериментальныхъ изслѣдованій: они имѣютъ много преимуществъ передъ простымъ наблюденіемъ фактовъ, которые представляются наблюдателю помимо его воли. Объ этомъ распространяться излишне. Однако при этомъ нельзя упускать изъ виду: 1) что не во всѣхъ наукахъ возможны эксперименты, напр. въ астрономіи, въ геологіи, въ сравнительномъ языковѣдѣніи, въ социологіи и въ наукахъ историческихъ. То же можно сказать и объ огромномъ числѣ душевныхъ процессовъ. 2) Нельзя упускать изъ виду, что всѣ науки, въ которыхъ примѣняются эксперименты, прежде были науками описательными. Для того, чтобы быть въ состояніи экспериментировать, нужна нѣкоторая подготовка, нѣкоторое предварительное знакомство съ предметомъ, надъ которымъ хотятъ производить эксперименты. Для того, чтобы получать отвѣты отъ природы, нужно умѣть ставить ей вопросы. Въ особенности это затруднительно при изученіи сложныхъ явленій, каковы явленія психическія. Въ своемъ изслѣдованіи „О памяти“ я старался показать, что даже простѣйшіе съ виду процессы узнаванія и памяти обнаруживаютъ чрезвычайную сложность, и что многіе изъ экспериментальныхъ изслѣдованій памяти не дали никакихъ результатовъ для науки, такъ какъ за нихъ принимались съ недостаточной подготовкой. Чтобы фактами доказать значеніе внутренняго опыта для философіи, я въ нижеслѣдующемъ краткомъ историческомъ очеркѣ попытаюсь изложить, что дала психологія вну-

тренняго опыта для философскихъ наукъ¹⁾. При этомъ я, разумѣется, коснусь только главнѣйшихъ представителей этого направленія и притомъ только главнѣйшихъ вопросовъ. При случаѣ укажу и на заблужденія, происшедшія отъ поспѣшности обобщеній.

1) Считаю не лишнимъ пояснить самый терминъ „внутренняго опыта“. Какъ извѣстно, каждый человѣкъ знаетъ непосредственно только свои собственные душевные процессы, а черезъ нихъ уже познаетъ и окружающій его міръ, и другія живыя существа. Познаніе другихъ людей и животныхъ есть уже болѣе отдаленное, посредственное познаніе: оно происходитъ главнымъ образомъ при помощи видимыхъ движеній (сокращеній мускуловъ), которыя познающимъ субъектомъ истолковываются по аналогіи съ его собственнымъ, непосредственнымъ опытомъ. Это уразумѣлъ вполне ясно и сознательно еще Блаженный Августинъ въ концѣ четвертаго вѣка; но съ середины 18-го вѣка фізіологи стали думать, что возможно изучать душевные процессы другихъ людей объективнымъ способомъ, т. е. посредствомъ наблюденій надъ строеніемъ мозга и нервовъ и надъ фізіологическими процессами, которые въ нихъ происходятъ. (Подобныя единичныя попытки механическими процессами объяснять психич. явленія встрѣчаются и раньше — у Декарта, да и въ древности, у Аристотеля; но до Гертли и до Конта ни одинъ философъ не рѣшался упразднить „внутренній опытъ“, т. е. субъективную психологію.) Только новѣйшему времени принадлежитъ стремленіе построить психологію „внѣшняго опыта“. Съ Ог. Конта утвердилось мнѣніе, что безъ фізіологіи невозможна психологія и что фізіологія нервной системы можетъ даже замѣнить внутренній опытъ, т. е. самопознаніе. Признававшіе самостоятельную психологію стали противопоставлять внутренній опытъ внѣшнему, изучающему внѣшній міръ (включая въ него и другія живыя существа) при помощи внѣшнихъ органовъ чувствъ. (Данныя этими органами впѣчатлѣнія признаются за реальныя вещи, существующія независимо отъ познающаго субъекта.) Это разграниченіе внѣшняго опыта отъ внутренняго беретъ свое начало съ Локка; его дѣлаетъ и Кантъ, относя предметы внѣшнихъ органовъ чувствъ къ физикѣ, а предметы внутренняго чувства къ психологіи (Kant, Prolegom. § 15) этого разграниченія многіе ученые придерживаются и до сихъ поръ, хотя на практикѣ оно не проводилось вполне послѣдовательно. Такого же взгляда долго держался и современный знаменитый психологъ Вундтъ, десятки лѣтъ старательно изучавшій сравнительную анатомію, гистологію и фізіологію нервной системы у человѣка и животныхъ, полагая этимъ уразумѣть законы душевной жизни у человѣка и животныхъ. Но въ послѣдній періодъ своей ученой дѣятельности (въ особенности въ своемъ „Очеркѣ психологіи“) онъ старается стереть это различіе внутренняго и

I.

Самопознаніе уже древнѣйшими греческими мудрецами признавалось за основное положеніе мудрости¹⁾. Уже школа элейцевъ и затѣмъ Анаксагоръ изъ Клазоменъ, около 30 лѣтъ прожившій въ Аѣинахъ, основывали свою философію на психологическихъ данныхъ. Къ діалектикѣ элейцевъ, и въ особенности Зенона, примкнули софисты, не признававшіе абсолютной истины. Софистъ Протагоръ прямо объявляетъ человѣка „мѣриломъ всего — и бытія, каковымъ оно есть, и небытія, каковымъ оно не есть“. Онъ утверждаетъ рѣшительно: „Каковой всякая вещь мнѣ кажется, такова она и есть для меня“²⁾. Этимъ утвержденіемъ уже признается тотъ фактъ, что познаніе зависитъ не исключительно отъ познаваемаго объекта, но и отъ познающаго субъекта. Такимъ образомъ философія софистовъ, хотя она ограничилась скеп-

внѣшняго опыта, признавая за фактъ, что „нѣтъ ни одного явленія природы, которое съ особой точки зрѣнія не могло бы стать предметомъ также и психологическаго изслѣдованія“; поэтому-де „явленія природы, поскольку они вызываютъ въ насъ представленія входятъ въ область психологіи“. (Оч. псих. § 1, стр. 1.) Изъ этихъ разъясненій Вундта вытекаетъ, что „внѣшній опытъ“ входитъ какъ часть въ то, что въ новѣйшее время стали обозначать терминомъ „внутренній опытъ“. Этотъ взглядъ Вундтъ считаетъ принадлежащимъ новѣйшему времени (ib. § 2, стр. 4). Но это не совсѣмъ вѣрно, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшемъ.

1) Правило $\gamma\upsilon\omega\delta\iota\ \sigma\epsilon\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu$ приписывалось то Хилону, то Фалету, приводимыхъ въ числѣ семи греческихъ мудрецовъ. См.: Mullach, *Fragmenta philos. graec.* Paris 1860, lib. II. *Septem sapientum septentiae* pag. 208 (38).

2) Plato, *Theaetetos*, 152 et seq.

тицизмомъ, представляетъ собою тотъ мостъ, который отъ объективнаго (матеріалистическаго) міровоззрѣнія іонійцевъ и физиковъ ведетъ къ субъективной сторонѣ человѣческаго познанія. Субъективизмъ элейцевъ и софистовъ, равно какъ и ученіе Анаксагора о „Разумъ“, подготовили плодотворную философію великаго Сократа, которая опирается на самопознаніе. Изъ этого здороваго сѣмени, брошеннаго Сократомъ на плодородную почву, выросли философскія системы Платона и Аристотеля, которымъ болѣе двухъ тысячелѣтій суждено было просвѣщать умы Европы и въ теченіе тысячелѣтія вліять на философію и науку арабовъ.

Съ Сократа начинается новая эпоха въ греческой философіи 1). *Сократъ* впервые выступаетъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ абсолютнаго скептицизма софистовъ, защищая объективность истины и общеобязательность нравственности; онъ впервые обосновываетъ свою философію на новыхъ началахъ. Вся его философія исходитъ отъ самопознанія и опирается на психологическія данныя „внутренняго опыта“. Поэтому онъ возстаетъ противъ матеріалистическаго направленія его предшественниковъ — физиковъ, которые мудрствовали больше о происхожденіи космоса изъ разныхъ стихій и старательно занимались вопросами, по какимъ непреложнымъ законамъ происходятъ небесныя явленія. Противорѣчивыя ихъ мнѣнія онъ считалъ бредомъ бѣсноватыхъ 2). Напротивъ, самопознаніе, т. е. познаніе своей души, Сократъ считалъ самымъ необходимымъ для каждаго образованнаго человѣка, и въ особенности для практическаго дѣятеля 3). Уклоняясь

1) Уже Ксенофонтъ это признаетъ, называя Сократа *αὐτογυγός τις τῆς φιλοσοφίας*, Xen. Sympos. I. 5.

2) Xen. Memor. I. I, 11—15. Этотъ предметъ, по его мнѣнію, недоступенъ человѣческому познанію. Впрочемъ, даже безошибочное познаніе небесныхъ явленій онъ считаетъ бесполезнымъ, такъ какъ оно не даетъ человѣку возможности по желанію приводить времена года, дождь, вѣтры (*ibid.*).

3) Xen. Memor. IV. II, 24. „Знающіе себя, училъ С., знаютъ и то, что полезно для нихъ, и то, что возможно для нихъ, и что имъ не по силамъ. Занимаясь тѣмъ, что доступно ихъ пониманію,

отъ изслѣдованія предметовъ, недоступныхъ, по мнѣнiю Сократа, человѣческому разумѣнiю, онъ, по словамъ Ксенофонта, „разсуждалъ о дѣлахъ человѣческихъ. При этомъ онъ старался объяснить, въ чемъ состоитъ благочестiе и безбожiе, въ чемъ — прекрасное и постыдное, что такое справедливость и несправедливость, что такое здравый умъ и безумiе, что такое мужество и малодушiе, что называется государствомъ и государственнымъ человѣкомъ, въ чемъ состоитъ власть надъ людьми, и кто способенъ управлять ими. Объ этихъ и тому подобныхъ предметахъ онъ былъ того мнѣнiя, что знанiе ихъ даетъ право быть благороднымъ человѣкомъ *καλὸς κἀγαθός*“¹⁾). Слѣдовательно, такое знанiе, по мнѣнiю Сократа, составляетъ вѣнецъ образованiя и мудрости.

Въ этихъ разсужденiяхъ и изслѣдованiяхъ Сократъ, разумѣется, не довольствовался познанiемъ одного только себя, т. е. своей души. Самопознанiе онъ считалъ ключемъ къ познанiю человѣческой души вообще. Исходя отъ частнаго факта, Сократъ дѣлалъ обобщенiя надъ фактами однородными и такимъ образомъ подымался къ фактамъ, общимъ для всѣхъ людей: въ познанiи общаго онъ видѣлъ истинное познанiе, предметъ науки. Опираясь на такое познанiе души человѣческой — на познанiе человѣч. страстей и стремленiй, на познанiе конечной цѣли человѣческихъ обществъ — онъ изслѣдуетъ обязанности людей другъ къ другу и ко всему

они удовлетворяютъ своимъ нуждамъ, и бываютъ счастливы; а воздерживаясь отъ того, чего не знаютъ, они не дѣлаютъ ошибокъ и не попадаютъ въ неловкое положенiе. . . Умѣя давать надлежащую оцѣнку и другимъ людямъ, . . . они предохраняютъ себя отъ вреда.“ Въ своихъ разсужденiяхъ о самопознанiи самъ С. ссылается на знаменитое изреченiе *γινῶμι σεαυτόν*, которое въ его время красовалось на храмѣ дельфiйскаго Аполлона (*ibid.*). Уже однимъ сопоставленiемъ этого древняго изреченiя съ Аполлономъ расцвѣта греческой культуры достаточно ярко освѣщается значенiе этой золотой заповѣди. Аполлонъ этой эпохи почитался не столько какъ сребролукiй метатель стрѣлъ, сколько въ качествѣ предводителя музъ и вдохновителя прорицателей, пѣвцовъ, поэтовъ.

1) Xen. Memor. I. I, § 16.

обществу, въ которомъ они живутъ. Такимъ образомъ этика Сократа сознательно вырастаетъ изъ познанія чело­вѣческой души, т. е., выражаясь современнымъ ученымъ языкомъ, она строится на данныхъ психологiи внутренняго опыта.

Въ этомъ отношенiи Сократъ, нужно замѣтить, слиш­комъ поспѣшно сдѣлалъ обобщенiе фактовъ самонаблюденiя, распространяя ихъ на всѣхъ людей: С. полагалъ, что всѣ люди, какъ онъ, и во всякое время руководятся разумомъ въ своихъ дѣянiяхъ и поступкахъ¹⁾. Поэтому онъ отоже­ствляетъ познанiе нравственнаго и прекраснаго съ его испол­ненiемъ. Какъ намъ передаетъ Ксенофонъ, Сократъ не дѣлалъ разницы между теоретической мудростью — *σοφία* и прак­тическимъ благоразумiемъ, или самообладанiемъ *σωφροσύνη*²⁾. „Сократъ утверждалъ, что справедливость, какъ и всякая другая добродѣтель, есть знанiе . . . что люди, понимающiе, въ чемъ состоитъ честное и полезное, не могутъ пред­почесть ему что-нибудь другое“³⁾. Итакъ, по мнѣнiю Сократа, „человѣкъ честный *δίκαιος* — тотъ, кто знаетъ законы, ре­гулирующiе отношенiя людей“⁴⁾. Сократъ не допускаетъ, чтобы кто-нибудь, познавая лучшее, могъ выбрать худшее, чтобы кто-нибудь могъ поступать наперекоръ разуму⁵⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнiю Сократа, честность и всѣ другiя добродѣтели тождественны съ познанiями или науками. Въ этомъ состоитъ ошибка Сократа, какъ это отмѣтилъ еще

1) Самъ Сократъ представляетъ намъ чело­вѣка, въ которомъ разумъ управляетъ всѣми его дѣянiями и стремленiями. Благодаря самонаблюденiямъ и упражненiю С. искоренилъ въ себѣ всѣ дурныя при­рожденныя наклонности и достигъ недосыгаемой простому смерт­ному уравновѣшенности и нравственнаго совершенства. Платонъ въ своемъ „Пирѣ“ устами Алкивиада уподобляетъ Сократа шкапу, изображающему внѣшнимъ видомъ сатира, но вмѣщающему въ себѣ множество драгоценныхъ вещей. (Plato, Symposium, 215, B.).

2) Xen. Memor. III. IX, § 4.

3) *ibid.* § 5.

4) Xen. Memor. IV. VI, § 6.

5) Aristoteles, Ethica Nicom. VI. 3.

Аристотель¹⁾. Тѣмъ не менѣ философія Сократа по преимуществу практическая: ее можно назвать искусствомъ хорошо жить. Такъ какъ всѣ люди стремятся къ благу, то по мнѣнію Сократа, всякое познаніе и всякая добродѣтель конечной цѣлью должны имѣть достиженіе блага; а это въ свою очередь невозможно безъ познанія блага²⁾. Поэтому познаніе и разумъ должны управлять жизнью и дѣятельностію не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлыхъ обществъ, государствъ. Въ послѣднихъ Сократъ видѣлъ учрежденія божественныя, которыя имѣютъ цѣлью благо всѣхъ членовъ. Но осуществленіе этого общаго блага возможно только при строгомъ исполненіи законовъ — какъ человѣческихъ, такъ и божескихъ, неписанныхъ νόμοι ἄγραφοι³⁾. Разумное начало, промыслъ Божій, Сократъ видѣлъ и во всей вселенной, хотя и не рѣшался выступить противъ политеизма своего народа⁴⁾. Повиновеніе законамъ и исполненіе нравственного долга Сократъ ставилъ выше всего, выше личныхъ выгодъ. Поэтому онъ стремился, въ ущербъ своимъ частнымъ интересамъ, привить эти нравственныя начала своимъ ученикамъ, направляя ихъ къ самопознанію и къ уразумѣнію ихъ нравственныхъ обязанностей. Нравственное совершенствованіе молодого поколѣнія, въ противовѣсъ безнравственнымъ проповѣдямъ софистовъ, Сократъ поставилъ цѣлью своей жизни. Этой цѣли онъ служилъ безкорыстно и свято до послѣдняго издыханія; и какъ онъ училъ, такъ и поступалъ. Свое ученіе онъ закрѣпилъ смертію, почти добровольной: отъ нея онъ легко

1) Arist. op. cit. VI. 13.

2) Такъ какъ Сократъ не признавалъ абсолютнаго и совершеннаго блага, то въ своихъ опредѣленіяхъ блага, полезнаго и счастья (-εὐπραγία) онъ вращается въ кругу (по крайней мѣрѣ въ изложеніи Ксенофоновыхъ „Воспоминаній . . .“): благо есть то, что полезно человѣку; а полезно то, что ведетъ къ счастью; а счастье есть дѣйствіе, соотвѣтствующее благу. Разрѣшеніе этихъ противорѣчій выпало на долю его гениальнаго ученика Платона, признававшаго самостоятельное, безусловное высшее благо.

3) Xen. Memor. IV. IV, §§ 12—25, и II, IV, § 16.

4) Xen. Memor. I. IV, §§ 17 и 18.

могъ избавиться, еслибы пожелалъ отказаться отъ повиновенія законамъ и властямъ, еслибы пожелалъ надѣть маску самоуниженія передъ раздраженными судьями. Кончина Сократа, по мѣткому выраженію Целлера, была „величайшимъ тріумфомъ его дѣла, блестящей кульминаціонной точкой его жизни, апоѳеозомъ философіи и философа“. Такова была жизнь и дѣятельность Сократа, просвѣтленныя его философіей, основанной на самопознаніи.

Итакъ на данныхъ психологическихъ, добытыхъ при помощи самопознанія, Сократъ основалъ правила этики, которыя и самъ строго соблюдалъ; на такихъ же данныхъ психологическихъ Сократъ основывалъ и начала политики, т. е. искусства управлять государствомъ и гражданами, которое преподавалъ юношамъ, желавшимъ посвятить себя государственной дѣятельности.

Но не только практическая сторона Сократовой философіи опирается на данныя психологіи внутренняго опыта; на нихъ опирается и самъ методъ его разсужденій, его діалектика.

Сократъ не излагаетъ своихъ воззрѣній на подобіе софистовъ, въ длинныхъ рѣчахъ или въ связныхъ сочиненіяхъ. Онъ бесѣдуетъ со своими учениками, а при случаѣ даже съ софистами. Въ этихъ бесѣдахъ при помощи удачно подбираемыхъ вопросовъ онъ стремится снerva изоблечить мнимое знаніе своихъ собесѣдниковъ; затѣмъ онъ посредствомъ длиннаго ряда вопросовъ доходитъ до того, что въ началѣ было неизвѣстно его собесѣдникамъ, что составляло конечный воирость бесѣды. Свое искусство собесѣдованія, если вѣрить Платону, онъ сравниваетъ съ искусствомъ акушерки *μαιευτική*, которое практиковала его мать¹⁾. Это

1) Ученіе Сократа (какъ исторической личности) нужно основывать главнымъ образомъ на сочиненіяхъ Ксенофонта, и отчасти на сообщеніяхъ Аристотеля. У Ксенофонта названіе *μαιευτική* не встрѣчается. Зато Платонъ о немъ неоднократно упоминаетъ въ *Θεαίτητῶν* и *Μενωνῶν*. — Впрочемъ, дѣло не въ названіи. Методъ

искусство Сократа состоитъ въ слѣдующемъ. Исходя отъ обиходныхъ представлений, отъ примѣровъ изъ обыденной жизни, отъ общепризнанныхъ положеній, Сократъ старается найти логическое опредѣленіе обсуждаемаго понятія. Для этого, какъ извѣстно, необходимо отыскать 1) родовое понятіе, въ объемъ котораго данное понятіе входитъ, какъ видовое; 2) для этого необходимо отыскать характерные признаки даннаго понятія (*τὸ τί ἐστίν* или *οὐσία* Аристотеля), которыми оно отличается отъ другихъ однородныхъ понятій, соподчиненныхъ общему родовому понятію. Этого Сократъ достигаетъ посредствомъ сопоставленія сходныхъ понятій (предметовъ) или сходныхъ качествъ; затѣмъ — посредствомъ отысканія общаго имъ всѣмъ признака. Сравнивая и выдѣляя сходное и несходное, Сократъ отыскиваетъ общее, составляющее сущность даннаго понятія. Это общее, по мнѣнію Сократа (а впослѣдствіи и Платона и Аристотеля) даетъ достовѣрность познанію *ἀσφαλείαν τοῦ λόγου*; оно составляетъ предметъ науки и истиннаго познанія. По сообщенію Аристотеля, Сократъ впервые искалъ общихъ опредѣленій *ὀρίζεσθαι καθόλου ἐξήτει πρῶτος*; Сократъ строго научно отыскивалъ сущность предметовъ *εὐλόγως ἐξήτει τὸ τί ἐστίν*, которая составляетъ основаніе умозаключеній *ἀρχὴ τῶν συλλογισμῶν*. За Сократомъ, по словамъ Аристотеля, по справедливости можно признать двѣ заслуги: индуктивныя разсужденія *ἐπακτιχοῦς λόγους* и общія опредѣленія *τὸ ὀρίζεσθαι καθόλου*¹⁾. Такимъ образомъ Сократъ впервые изложилъ начало научной индукціи и общимъ опредѣленіямъ, которыя въ научной системѣ изложилъ и разработалъ Аристотель²⁾.

Сократовыхъ собесѣдованій достаточно ясно очерченъ и въ Воспоминаніяхъ Ксенофонта; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ методъ принадлежитъ Сократу. Аристотель тоже подтверждаетъ этотъ фактъ, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящаго очерка.

1) Aristoteles, *Metaphys.* M. 4. 1078, b.

2) Эти логическія операціи Сократъ, по видимому, совершаетъ еще полусознательно: ни у Ксенофонта, ни у Платона еще не

Сверхъ всего изложеннаго въ изысканіяхъ Сократа встрѣчаются весьма цѣнныя начала изъ метафизики¹⁾ и даже изъ эстетики, которыя тоже обоснованы на данныхъ внутренняго опыта²⁾. Таковы были плоды Сократова генія и его руководящаго правила *γυῶδι σεαυτόν*.

По стопамъ Сократа пошелъ его вдохновенный ученикъ **Платонъ**, благороднѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ натура (427—347 до Р. Хр.). Въ первый періодъ своей философской дѣятельности Платонъ стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнія своего учителя: въ своихъ первыхъ діалогахъ онъ изслѣдуетъ сущность разныхъ добродѣтелей; затѣмъ — также вопросы объ истинномъ познаніи. Въ діалогъ „*Θεαίητος*“, разсматривающемъ суть истиннаго познанія, Платонъ устами Сократа говоритъ: „. . . еслибъ мы были свѣдуши (*δεδωσι*) и мудры, то мы сперва изслѣдовали бы все относящееся до нашего духа (*πάντα τὰ τῶν φρενῶν*) и затѣмъ только поражали бы соображенія (*λόγους*) другого своими соображеніями“³⁾. Немного дальше Сократъ говоритъ: „. . . разсмотримъ снова испытывая на дѣлѣ себя самихъ, каковы именно эти явленія въ насъ“⁴⁾.

Впослѣдствіи Платонъ поддался вліянію другихъ школъ (преимущественно элейской и пифагоровой), занимаясь и высшими метафизическими вопросами. Но все же и въ его самостоятельныхъ произведеніяхъ — въ его ученіи объ идеяхъ и

встрѣчается научный терминъ „индукція“ *ἐπαγωγή*. Равнымъ образомъ, какъ замѣчаетъ А. Шенье, Сократу еще не приходила на умъ мысль о раздѣленіи познанія на чисто субъективное и объективное. Онъ принималъ на вѣру, какъ фактъ несомнѣнный, признаваемый здравымъ смысломъ всего человѣчества, существованіе и себя и другихъ людей, не подвергая его повѣркѣ. Дѣло въ томъ, что отрицаніе этого основнаго факта нашего сознанія разрушило бы возможность всякаго познанія и всего бытія. (См. A. Chaignet, Histoire de la psychol. I. pag. 148 et 149.)

1) Xen. Mem. I. IV, и IV. III.

2) Xen. Mem. IV. V и VI; III. X, 2 и 8.

3) Plato, Theaetetos, 154, D.

4) Ibid. 155, A.

истинномъ познаніи, въ его теоріи воспитанія и наконецъ въ его проектѣ идеальнаго государства онъ опирается на данныя внутренняго опыта.

Характеръ философіи Платона вполне ясно отражается въ его „Государствѣ“, обширномъ, продуманномъ и художественномъ произведеніи, оконченномъ имъ на исходѣ его шестого десятка лѣтъ¹⁾. Въ немъ представляетъ Платонъ свой грандіозный проектъ идеальнаго государства, построеннаго по образцу человѣческой души. Трѣмъ сторонамъ (или частямъ) человѣческой души (*λογιστικόν, θυμικόν, ἐπιθυμητικόν*) должны соответствовать три сословія государства — правители, стражи, пріобрѣтатели. Дѣятельность каждаго изъ этихъ сословій должна руководиться своей особой добродѣтелью — мудростью (*σοφία*), мужествомъ (*ἀνδρεία*), самообладаніемъ (*σωφροσύνη*). Четвертая, основная добродѣтель всѣхъ добродѣтелей, — справедливость; она должна руководить всѣми сословіями и каждымъ человѣкомъ: она сообщаетъ остальнымъ трѣмъ добродѣтелямъ ихъ силу и значеніе. Тѣми же добродѣтелями долженъ обладать и каждый отдѣльный членъ государства, относительно каждой части своей души²⁾. Эта аналогія между сословіями идеальнаго государства и частями человѣческой души проводится Платономъ и въ подробностяхъ. Такъ напр., высшее сословіе правителей, соответствующее разумной дѣятельности человѣческой души, должно состоять изъ философовъ, познающихъ истину и правду; оно должно управлять всѣмъ государствомъ и руководить воспитаніемъ юношества, отказавшись отъ низшихъ влеченій души — пріобрѣтенія частнаго имущества и семейной жизни³⁾.

1) См. E. Zeller, Die Philosophie der Griechen II. Th. I Abt. 3. Aufl, S. 467.

2) Plato, Republica lib. IV.

3) Plato, Republica, lib. IV. et V. Очевидно, Платонъ о всѣхъ людяхъ судилъ по своей благородной натурѣ; очевидно, онъ недостаточно ознакомился со складомъ душъ, болѣе низменныхъ. Онъ такъ же, какъ и его незабвенный учитель, считалъ познаніе

Въ Государствѣ Платона сведены въ систему отдѣльные его воззрѣнія, содержащіяся въ другихъ его діалогахъ. Философія Платона въ общемъ есть продолженіе и дополненіе Сократовой¹⁾. И онъ, подобно своему учителю, иоставилъ цѣлью своихъ философскихъ изслѣдованій не познаніе внѣшняго міра, а нравственное совершенствованіе жизни; и онъ вмѣстѣ съ Сократомъ полагаетъ, что это зависитъ только отъ познанія, и главнымъ образомъ — души человѣческой; и онъ, подобно Сократу, въ общихъ понятіяхъ видитъ достовѣрность познанія. Но онъ выходитъ далеко за предѣлы Сократовыхъ разсужденій; онъ глубже развиваетъ научные приемы Сократа: онъ примѣняетъ ихъ къ самому процессу образованія понятій, онъ опредѣленнѣе устанавливаетъ правила обобщенія и умозаключеній и этимъ подготавливаетъ логику Аристотеля. Изъ Сократовой діалектики у Платона выросло ученіе объ идеяхъ, изъ этическихъ началъ его учителя — система этики и политики²⁾.

Облечь въ строго научную форму эти философскія дисциплины удалось впервые Аристотелю, гениальному ученику Платона. Онъ же впервые научно и въ системѣ излагаетъ и ученіе о душѣ, полагая основаніе научной психологіи.

Аристотель (384—322 до Р. Хр.) въ своей фило-

блага достаточнымъ для его осуществленія. Поэтому онъ въ своихъ благородныхъ стремленіяхъ старался склонить къ осуществленію своего идеальнаго государства грознаго сиракузскаго тирана Діонисія, а впослѣдствіе и его одноименного сына. Къ нимъ онъ ѣздилъ нѣсколько разъ и чуть было не поплатился своей свободой. Благонамѣренный проектъ Платона (первообразъ всѣхъ утопій), какъ извѣстно, потерпѣлъ полную неудачу. Не только у двухъ сиракузскихъ тирановъ не встрѣтилъ Платонъ воспримчивыхъ ушей; но и его гениальный ученикъ Аристотель подвергъ его Государство строгой критикѣ, раскрывъ его заблужденія. Впрочемъ, и самъ Платонъ на старости лѣтъ отказался отъ своего идеальнаго государства: въ „Законахъ“, совершеннѣйшемъ по глубинѣ и зрѣлости взглядовъ своемъ сочиненіи, онъ проводитъ взгляды, болѣе соотвѣтствующіе дѣйствительности.

1) Целлеръ, Очеркъ исторіи греч. филос. § 41.

2) Тамъ же.

софіи въ главныхъ чертахъ примыкаетъ къ своему учителю Платону: и самъ онъ себя причисляетъ къ Платоновой школѣ, и задачу философіи онъ вмѣстѣ съ Платономъ видитъ въ раскрытіи неизмѣнной сущности и послѣднихъ основаній вещей. Эту сущность вещей онъ вмѣстѣ съ Платономъ находитъ въ содержаніи нашихъ понятій; только Аристотель не признаетъ за ней особаго, независимаго отъ вещей, существованія, въ видѣ вѣчныхъ первообразовъ, какъ это дѣлаетъ Платонъ. И Аристотелева философія есть по преимуществу философія понятій (Begriffsphilosophie). Общую точку зрѣнія Сократа и Платона относительно познанія и философіи онъ считаетъ уже обоснованной и не вдается въ подробныя пропедевтическія разсужденія¹⁾. Относительно познанія души Аристотель коротко отмѣчаетъ, что „его онъ по справедливости можетъ считать первостепенной важности какъ по достовѣрности такъ и по принадлежности его къ лучшимъ и удивительнѣйшимъ предметамъ“. „Сверхъ того, по мнѣнію Аристотеля, познаніе души, много содѣйствуетъ относительно всякой истины, а болѣе всего относительно [познанія] природы“²⁾. Что Аристотель это говоритъ не голословно, видно изъ его сочиненій не только психологическихъ, но и по логикѣ и по этикѣ. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Аристотеля бросается въ глаза его тонкая наблюдательность душевныхъ явленій, связанная съ умѣніемъ анализировать сложное и обобщать частное. На основаніи такихъ сложныхъ операцій и его обширнѣйшей эрудиціи Арист. доводитъ до конца начатое его предшественниками Платономъ и Сократомъ. Ему впервые удалось въ системѣ и научно изложить не только науку о душѣ, но и суть чело-

1) E. Zeller, Philos. d. Griechen. II. Th. II. Abt. 3. Aufl. S. 160—162.

2) Aristoteles, De Anima lib I. c. I, § 1 ed. altera F. A. Trendelenburg. . . δι' ἀμφοτέρα (κατ' ἀκρίβειαν ἢ τῶν βελτιόνων τε καὶ θαυμασιωτέρων εἶναι) . . . τὴν τῆς ψυχῆς ἱστορίαν εὐλόγως ἂν ἐν πρώτοις τιθεῖμεν . δοκεῖ δὲ καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἅπασαν ἢ γνῶσις αὐτῆς μεγάλη συμβάλλεσθαι, μάλιστα δὲ πρὸς τὴν φύσιν.

вѣческаго мышленія и познанія. Онъ впервые пишетъ спеціальное изслѣдованіе о ложныхъ софистическихъ умозаключеніяхъ; онъ впервые устанавливаетъ правила истинныхъ умозаключеній; онъ показываетъ, что отдѣльное понятіе само по себѣ еще не даетъ истины, пока оно не связано, съ какимъ-нибудь другимъ въ видѣ сужденія; что истина и ложь относятся только къ сочетанію понятій и элементовъ мысли; онъ же впервые выясняетъ, что доказательства не могутъ восходить до бесконечности, что въ концѣ концовъ всякая достовѣрность познанія коренится въ первичныхъ фактахъ сознанія, данныхъ намъ непосредственно органами чувствъ или нашимъ разумомъ. Въ связи съ этимъ Ар. впервые научно обосновываетъ и индукція, т. е. руководящія начала эмпирическаго изслѣдованія¹⁾. Однимъ словомъ, Ар. впервые научно изложилъ правила истиннаго мышленія, т. е. логику, и происхожденіе человѣческаго познанія, т. е. гносеологію, хотя и не дѣлаетъ строгаго разграниченія между ними.

Но Аристотель не останавливается на однихъ этихъ изслѣдованіяхъ; отъ нихъ онъ подымается къ изслѣдованію высшихъ началъ бытія, созидая свою „первую философію“, или метафизику, въ которой не отрывается отъ данныхъ внутренняго опыта. Аристотель не только въ дѣятельности человѣческой души и человѣческихъ обществъ, но и въ жизни животныхъ и растений и наконецъ даже во всей внѣшней природѣ видитъ дѣятельность цѣлесообразную (*ἐντελέχεια*). Везъ этого понятія не обходится ни зоологія Аристотеля, ни его физика, ни его метафизика. Это понятіе, должно отмѣтить, никоимъ образомъ не можетъ быть добыто изъ однихъ только внѣшнихъ воспріятіи: элементы, входящіе въ содер-

1) То, что знаменитый англійскій философъ Джонъ Ст. Милль въ своей Логикѣ съ большимъ стараніемъ возражаетъ противъ Канта, а именно: что всѣ дедуктивныя умозаключенія — въ томъ числѣ и математическія — предполагаютъ индукцію; что большая посылка содержитъ въ себѣ то, что добыто длиннымъ рядомъ опыта, — уже было ясно сказано и безъ колебаній великимъ Аристотелемъ.

жаніе его — цѣль и воля — мы приобретаемъ исключительно изъ нашего внутренняго опыта. По Аристотелю, цѣль всякаго процесса (перемѣны) есть превращеніе потенціальности (*δύναμις* = возможнаго бытія)¹⁾ въ актуальность, въ формирование вещества, т. е. въ осуществленіе индивидуальнаго бытія (*οὐσία*). Наконецъ, самъ „Первый двигатель“ (*τὸ πρῶτον κινῶν*) Аристотеля вовсе не есть понятіе матеріалистическое, добытое изъ внѣшняго опыта. Этотъ „Первый двигатель“, самъ по себѣ неподвижный, составляетъ конечную цѣль всего міра; онъ есть абсолютно безтѣлесное существо, духъ или мышленіе (*νοῦς*). Это мышленіе есть непрерывная дѣятельность; оно имѣетъ своимъ предметомъ себя самого; это есть „мышленіе мышленія, продолжающееся во вѣки“²⁾. Само же мышленіе Аристотель разсматриваетъ какъ первичное свойство духа, неразложимое на другія. Свойство мышленія, по Аристотелю, нельзя свести ни на движенія матеріальныхъ частицъ, ни на числа. Возражая противъ матеріалистическихъ воззрѣній на душу (противъ Демокрита, пифагорейцевъ и другихъ) Аристотель говоритъ: „Еслибы кто-нибудь попытался вывести испытыванія (*πάθη*) и дѣянія души — каковы: разсужденія, чувственныя воспріятія, удовольствія, печали и другое, тому подобное, изъ понятія о движеніи и числѣ: то по нимъ, даже при пророческомъ наитіи, не легко было бы гадать“³⁾.

1) И само понятіе *δύναμις* (потенціальности, возможнаго бытія), въ объемъ котораго входитъ какъ часть, понятіе безформеннаго вещества (*ὕλη*), могло быть добыто Аристотелемъ только при помощи внутренняго опыта — посредствомъ сравненія нашихъ дремлющихъ наклонностей (*ἕξεις*) (Arist. Eth. Nicom. IV. 10), скрытыхъ слѣдствъ впечатлѣній (*φαντάσματα, δυνάμει ὄντα*), а также знаній, сохраняемыхъ памятью съ одной стороны и сознательныхъ актовъ (*θεωρεῖν*) съ другой. (Aristoteles, De Anima, lib. II. cap. I.).

2) Arist. Metaph. A. lib. XII. cap. II, VI, IX.

3) Arist. De Anima, lib. I. cap. V. § 3. εἴ τις ἐπιχειρήσειεν ἔχ τοῦ λόγου τούτου (sc. τῆς κινήσεως καὶ ἀριθμοῦ) τὰ πάθη καὶ τὰ ἔργα τῆς ψυχῆς ἀποδιδόναι, ὡς λογισμοὺς, αἰσθήσεις, ἡδονάς, λύπας, ὅσα ἄλλα τοιαῦτα . . . οὐδὲ μαντεύσασθαι ῥᾶδιον ἐξ αὐτῶν.

Итакъ даже послѣднія основанія метафизики Аристотеля опираются на данныя внутренняго опыта.

Такимъ образомъ Аристотель, руководясь самопознаніемъ, довершилъ то, что еще не удалось его предшественникамъ — Сократу и Платону. Аристотель впервые создалъ научную логику (какъ дедуктивную, такъ и индуктивную), которая и до сихъ норъ съ незначительными дополненіями служитъ канонъ и пробнымъ камнемъ челоуѣческаго мышленія и научныхъ изысканій. Аристотель положилъ основаніе и психологіи — какъ сравнительной эмпирической, такъ и рациональной. О тонкомъ пониманіи изгибовъ души челоуѣческой свидѣтельствуетъ и его эмпирическая этика, и его теорія эстетики¹⁾. Въ связи съ этими науками стоитъ и его метафизика, которая имъ разработана гораздо совершеннѣе, чѣмъ всѣми его предшественниками.

Однимъ словомъ, Аристотель греческой философіи впервые придалъ научную форму. Имъ замыкается геніальная троица расцвѣта греческой философіи, шедшая по пути самопознанія. Эта троица на данныхъ внутренняго опыта основываетъ и этику, и теорію воспитанія, и логику, и психологию. Сверхъ того, относительно политики и теоріи прекраснаго, т. е. эстетики, она даетъ потомству здоровые и жизнеспособные ростки. Наконецъ, и метафизика этихъ трехъ мыслителей тѣсно примыкаетъ къ названнымъ наукамъ, опираясь на данныя внутренняго опыта.

1) Его тонкій психологическій анализъ трагическаго чувства, изложенный въ его „Поэтикѣ“, воспроизвелъ Лессингъ въ своей Гамбургской Драматургіи; въ этомъ отношеніи не сдѣлано существенныхъ измѣненій до нашего времени.

II.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на послѣдующіе семь вѣковъ. За это время самыми видными представителями психологическаго направленія въ философіи были Плотинъ, основатель неоплатонизма, и Блаженный Августинъ. Послѣдній многое заимствовалъ у Плотина; но Плотинъ вслѣдствіе своего темнаго, отвлеченнаго и тяжелаго изложенія своихъ Эннеадъ, даже въ схожихъ съ Бл. Августиномъ воззрѣніяхъ и доказательствахъ далеко уступаетъ Августину, который по ясности и изяществу стилия превосходитъ всѣхъ философовъ отъ Аристотеля до Людовика Вавеса. Сверхъ того, многочисленныя сочиненія Бл. Августина изобилуютъ тонкими психологическими наблюденіями и анализами¹⁾. Поэтому я остановлюсь на немъ и притомъ нѣсколько дольше, воспроизводя его длинные мысли и разсужденія.

Бл. Августинъ, глубочайшій мыслитель изъ отцовъ церкви (жившій 354—430), уже вполне сознательно формулируетъ проблему о внутреннемъ опытѣ и на его данныхъ старается обосновать и свои метафизическія воззрѣнія. „Разумъ (*mens = animus*) по его словамъ, ничего не знаетъ въ такой степени, въ какой онъ знаетъ то, что всегда у него на лицо,

1) Бл. Августинъ, правда, не написалъ ни одного общаго и цѣльнаго сочиненія о душѣ, которое бы разсматривало в сѣ стороны ея дѣятельности: зато его многочисленныя сочиненія переполнены весьма цѣнными психологическими данными, почерпнутыми какъ изъ самонаблюденій, такъ и изъ глубокихъ и тонкихъ психологическихъ анализовъ. Во многихъ сочиненіяхъ, въ особенности въ своей исповѣди, онъ намъ открываетъ сокровенные уголки своего сердца,

т. е. самого себя“¹⁾. „Вѣдь, что познается такъ близко, и чувствуетъ свое собственное существованіе, какъ то, чѣмъ и остальное познается, т. е. самъ духъ?“²⁾ . . . Въ другомъ мѣстѣ Бл. Августинъ разсуждаетъ такъ: „Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ живетъ, помнитъ, понимаетъ, желаетъ, мыслить, знаетъ, судить? И если кто даже сомнѣвается [въ этомъ], то все же онъ живетъ; если сомнѣвается то и о мнитъ, отчего сомнѣвается; если сомнѣвается, то понимаетъ, что сомнѣвается; если сомнѣвается, то желаетъ достовѣрности; если сомнѣвается, то мыслить; если сомнѣвается, то знаетъ о своемъ незнаніи; если сомнѣвается, то разсуждаетъ, рѣшая, что не долженъ необдуманно соглашаться. И такъ всякій, кто сомнѣвается относительно чего-нибудь другого, относительно всего этого не долженъ сомнѣваться: вѣдь, еслибы всего этого не существовало, то онъ не могъ бы и сомнѣваться относительно чего либо“³⁾. И такъ уже Бл. Августинъ самосознаніе ставитъ въ основу всякой достовѣрности⁴⁾. Возражая противъ матеріалистическихъ гипотезъ относительно сущности души, Бл. Августинъ говоритъ: „И такъ, если разумъ (*mens*) напр. полагаетъ, что онъ есть

изображая яркими красками великую драму своей мятежной африканской души, т. е. борьбы своихъ дурныхъ и добрыхъ чувствъ. Во многихъ психологическихъ вопросахъ, въ особенности относительно памяти и сознанія, онъ додумался до такихъ истинъ, которыя долго оставались неизвѣстными извѣстнымъ психологамъ истекшаго вѣка.

1) Aurelii Augustini, De Trinitate, XIV. IV, (7) Confer *ibid.* lib. X. cap. VII, et VIII. „Quid enim tam cognitioni adest, quam id quod menti adest? Aut quid tam menti adest, quam ipsa mens?“ Conter *ibid.* lib. X. cap. IX.

2) *Ibid.* VIII. VI (9) „Quid enim tam intime scitur, seque ipsum esse sentit, quam id, quo etiam caetera sentiuntur, id est est ipse animus?“

3) *Ibid.* lib. X. c. X. (14). Подобныя же разсужденія встрѣчаются и въ другихъ сочиненіяхъ Бл. Августина, напр. въ его „De civitate Dei“. Подобныя же разсужденія двѣнадцать вѣковъ спустя повторяетъ и Декартъ, сводя ихъ въ афоризмъ *cogito, ergo sum.*

4) S. Augustini, De Trinitate X. V (7) et IX.

воздухъ, то онъ предполагаетъ, что воздухъ сиособенъ разумъ (*intelligere*); относительно себя же онъ знаетъ, что онъ размышляетъ (*intellegare*); а того, что онъ есть воздухъ, разумъ не знаетъ, а только предполагаетъ (*putat*). Пусть же онъ выдѣлитъ то, что онъ предполагаетъ и замѣтитъ (*cernat*) то, что знаетъ: пусть ему останется то, относительно чего не сомнѣвались даже тѣ, которые полагали, что душа есть то или другое тѣло. Вѣдь не всякій разумъ считаетъ себя воздухомъ, но другіе считаютъ его огнемъ, иные мозгомъ, иные инымъ тѣломъ однако всѣ знаютъ, что они размышляютъ (*intelligere*), и существуютъ, и живутъ И никому не сомнительно то, что никто не размышляетъ (*intelligere*), кто не живетъ, и что никто не живетъ, кто бы не существовалъ Равнымъ образомъ всѣ знаютъ, что они имѣютъ пожеланія (*velle*) и что это невозможно ни для кого, кто бы не существовалъ, кто бы не жилъ“¹⁾

Разсматривая содержаніе нашего сознанія, Бл. Августинъ дѣлаетъ строгое разграниченіе между субъективными и объективными элементами познанія, между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ. Анализируя зрительныя воспріятія, Бл. Августинъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Зрительное воспріятіе (= *visio*) происходитъ (= *gignitur*) отъ видимаго [предмета] и отъ видящаго [субъекта], конечно такъ, что отъ видящаго [субъекта] исходитъ воспріимчивость глазъ (= *sensus oculorum*) а также усиліе (= *intentio*) зрящаго и разсматривающаго [субъекта]“²⁾.

1) S. Augustini, De Trinitate lib. X cap. X.

2) De Trinit. lib. XI. cap. II. (2).

Отъ наблюдательности Бл. Августина не ускользнули и чисто субъективныя зрительныя ощущенія, каковы: двойное зрѣніе при смѣщеніи одного глаза, преемственные зрительные образы и галлюцинаціи.

Ср.: De Trinit. lib. X. cap. VI. „Viget quippe in ea [mente] judicium discernendi corpus, quod foris relinquit, ab imagine, quam de illo secum gerit: nisi cum ita exprimuntur

Итакъ даже при внѣшнихъ воспріятіяхъ Бл. Августинъ констатируетъ активный элементъ человѣческаго духа „волю, которая направляетъ органъ чувствъ къ воспринимаемому предмету и тѣмъ самымъ удерживаетъ и само зрительное воспріятіе“. Этотъ элементъ зрительнаго процесса, поясняетъ Бл. Августинъ, „принадлежитъ одному только духу, потому что это — воля“¹⁾. Въ дальнѣйшемъ подробными анализами фактовъ самонаблюденія Бл. Августинъ устанавливаетъ участіе воли и въ высшихъ душевныхъ процессахъ, говоря: „Подобно тому какъ воля къ [воспринимаемому] тѣлу, [т. е. къ предмету воспріятія] присоединяетъ воспримчивость [т. е. способность субъекта къ воспріятіямъ], такъ она къ этой присоединяетъ память, а къ памяти силу мыслящаго [субъекта]. А что воля доставляетъ и соединяетъ, то она же также и разъединяетъ и отдѣляетъ“²⁾.

Такимъ образомъ Бл. Августиномъ ясно и вполне убѣдительно отмѣчены начала волюнтаристической психологіи, которыя такъ упорно игнорировали невро-фізіологи истекшаго вѣка. (Знаменитый психологъ Вундтъ отмѣтилъ ихъ только въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ).

Итакъ даже воспріятія тѣлесныхъ предметовъ невозможны безъ активнаго участія духа и волевыхъ актовъ. Одни ощущенія, доставляемые органами чувствъ, недостаточны даже для познанія тѣлесныхъ свойствъ и силъ внѣшняго міра. По поводу зрительныхъ воспріятій Бл. Августинъ говоритъ: „Какова бы ни была сила, вслѣдствіе которой мы при по-

eadem imagines tamquam foris sentiantur, non intus cogitentur, sicut dormientibus, aut furentibus, aut in aliqua ecstasi accidere solet“.

Confer *ibid.* lib. XI. cap. II. (4).

1) *De Trinit.* lib. XI. cap. II. (5).

2) *De Trinit.* lib. XI. cap. VIII. (14. 15).

Во избѣжаніе сомнѣній относ. точности моего перевода привожу подлинныя слова Бл. Августина: „*Voluntas porro sicut adjungit sensum corpori, sic memoriam — sensui, sic cogitantis aciem — memoriae. Quae autem conciliat ista atque conjungit, ipsa etiam disjungit ac separat, id est, voluntas“.*

мощи глазъ получаемъ воспріятія (*cernimus*), саму эту силу — будь она лучами или чѣмъ-нибудь инымъ — мы глазами, конечно, не можемъ воспринимать; а изслѣдуемъ ее разумомъ и, если возможно, постигаемъ разумомъ даже это. Итакъ разумъ самъ, подобно какъ при помощи тѣлесныхъ органовъ чувствъ (*per sensus corporis*) собираетъ познанія тѣлесныхъ предметовъ, такъ и нетѣлесныхъ — черезъ себя самого. Стало-быть и себя самого познаетъ черезъ себя самого“¹⁾.

Познаніе себя самого, т. е. своей души, Бл. Августинъ считаетъ самымъ непосредственнымъ; черезъ него уже пріобрѣтаются и другія познанія²⁾. „Откуда разумъ (*mens = animas*) . . . знаетъ другой разумъ, если онъ себя не знаетъ?“³⁾ На этотъ имъ поставленный вопросъ Бл. Августинъ даетъ вполне ясный и вѣрный отвѣтъ, такъ что не лучше формулируютъ его и современные авторитетные психологи. Вотъ его подлинныя слова: „Движенія тѣлъ, но которымъ мы заключаемъ (*sentimus*), что кромѣ насъ живутъ и другіе, мы истолковываемъ по сходству съ нами (*ex nostra similitudine agnoscimus*): потому что и мы тѣмъ что живемъ (*vivendo*) такъ же движемъ свое тѣло, какъ движутся тѣ другія тѣла, замѣчаемыя нами. Вѣдь при движеніи живого тѣла не обнаруживается нашимъ глазамъ никакой силы, чтобы увидѣть душу, которую вообще невозможно увидѣть глазами: но мы сознаемъ (*sentimus*), что той массѣ присуще нѣчто такое, что присуще намъ для подобнаго же движенія нашей массы, то есть жизнь и душа. . . То же чувствуютъ и животныя . . . соображая тотчасъ же и весьма легко благодаря какому-то естественному единомыслію (*conspiratio naturalis*). Итакъ, продолжаетъ Авг., душу любого существа мы знаемъ по нашей душѣ, а которой души мы не знаемъ, въ ту

1) De Trinit. lib. IX. cap. III.

2) De Trinit. lib. VIII. cap. VI. (9). „Quid enim tam intime scitur, seque ipsum esse sentit, quam id, quo etiam caetera sentiuntur, id est animus“?

3) De Trinit. lib. IX. cap. III.

мы вѣримъ, сообразуясь съ нашей. Вѣдь мы не только чувствуемъ душу, но даже можемъ знать, что такое душа, тѣмъ что разсматриваемъ свою душу“¹⁾. Вотъ подлинныя слова Бл. Августина въ возможно близкомъ переводѣ. Изъ нихъ достаточно ясно видно, что этотъ глубокомысленный философъ въѣвовъ тому назадъ вполне удовлетворительно разрѣшилъ психологическую проблему о значеніи внутренняго опыта для психологіи.

Насколько онъ былъ проницателенъ въ своихъ самонаблюденіяхъ и самоанализахъ видно и изъ того, что онъ уже различаетъ акты сознанія отъ бессознательныхъ элементовъ духа, которые никакимъ объективнымъ наблюденіемъ не могутъ быть познаны²⁾. Я ограничусь только двумя краткими цитатами. „Иное дѣло, говоритъ Бл. Августинъ, не знать чего-нибудь, иное не мыслить о немъ“³⁾: вѣдь мы постоянно имѣемъ множество знаній, о которыхъ не думаемъ, которыя не вспоминаемъ въ данный моментъ; но которыя при удобномъ случаѣ или по желанію могутъ быть воспроизведены, какъ сознательные акты. Бл. Авг. иллюстрируетъ это нѣсколькими конкретными примѣрами. Изъ нихъ онъ выводитъ: „что у насъ находятся скрытыя въ душѣ (in abdito mentis) нѣкоторыя познанія о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя въ опредѣленный моментъ нѣкоторымъ образомъ выступаютъ въ средину и устанавливаются на виду передъ разумомъ (in conspectu mentis) какъ бы болѣе открыто, когда мы о нихъ думаемъ“⁴⁾.

Къ этимъ „скрытымъ въ душѣ“ истинамъ можно отнести

1) De Trinit. lib. VIII. cap. VI. (9).

2) Нѣкоторые психологи, какъ напр. Brentano, и теперь еще отвергаютъ ихъ совсѣмъ; другіе же не признаютъ ихъ подлежащими познанію и изслѣдованію. Между тѣмъ еще Аристотель отличалъ и въ душѣ „потенціи“ (δυνάμεις) и склонности (εξέσεις) въ противоположность живымъ или дѣятельнымъ силамъ (ἐνέργεια).

3) De Trinit. lib. XIV. cap. VII.

Confer ibid. lib. X. cap. V.

4) ibid. lib. XIV. cap. VII.

и такъ называемыя вѣчныя истины, которыя отмѣтилъ уже Бл. Августинъ¹⁾. (Въ новѣйшее время обратили на нихъ вниманіе Декартъ, Лейбницъ, называя ихъ или тѣмъ же именемъ или — прирожденными идеями; вслѣдъ за ними ихъ признаетъ и Кантъ подъ названіемъ апіорныхъ воззрѣній — пространства и времени — категорій и идей разума). О нихъ Бл. Августинъ говоритъ слѣдующее: „Иное каждый изъ насъ видитъ въ себѣ, чему другой вѣритъ, когда ему [объ этомъ] говорятъ; иное — въ самой истинѣ, что и другой можетъ созерцать (*intueri*): изъ этихъ [познаній] одни измѣняются въ теченіи времени, другія пребываютъ неизмѣнными въ вѣчности. Дѣло въ томъ, что общее или частное познаніе души человѣческой мы не по сходству собираемъ, тѣмъ что видимъ тѣлесными глазами множество дуицъ; но мы созерцаемъ ненарушимую истину, вслѣдствіе которой мы точно (*perfecte*), насколько это въ нашихъ силахъ, опредѣляемъ, не то, какова душа каждаго человѣка, но каковой она должна быть по вѣчнымъ основаніямъ разума (*rationibus*)²⁾. Таково воззрѣніе Бл. Августина на этотъ предметъ.

Изъ этихъ вѣчныхъ истинъ вырастаетъ и метафизика Бл. Августина, согласованная съ христіанскимъ ученіемъ. Отъ познанія такихъ истинъ, добываемыхъ самонаблюденіями и психологическими анализами, Бл. Августинъ подымается къ познанію Бога. „Не выходи наружу изъ себя; возвратись въ себя: внутри человѣка обитаетъ истина“³⁾. Въ другомъ сочиненіи говоритъ онъ: „Богъ есть истина, или, какъ сказано Св. Іоанномъ . . . Богъ есть свѣтъ, т. е. не тотъ свѣтъ, который видимъ глазами, но сердцемъ“⁴⁾. „И что значитъ познать Бога, говоритъ онъ въ неоднократно цити-

1) *ibid*, lib. IX. cap. VI.

2) *De Trinit. lib. IX. cap. VI. (9)*.

Приблизительно такъ же понимаетъ и Кантъ свое *a priori*, причемъ онъ не рѣдко подъ нимъ разумѣетъ и прирожденность.

3) *De vera religione* 72.

4) *De Trinitate*, lib. VIII. cap. II.

рованномъ сочиненіи „О Троицѣ“, какъ не узрѣтъ (*conspicere*) его умомъ, и крѣпко его постигнуть?“¹⁾ Въ другомъ произведеніи онъ говоритъ: „Въ Него вѣрить, Его разумѣть, о Немъ мыслить и Его съ горячностью желать есть нѣкоторымъ образомъ Его видѣть и въ себѣ имѣть“²⁾. Ту же мысль поясняетъ Бл. Августинъ въ другомъ сочиненіи слѣдующими выраженіями: „Я заблудился, какъ овца погибшая, ища Тебя (Бога) наружно, между тѣмъ какъ Ты во мнѣ (стр. 516). . . „И я возвратился къ себѣ, и взошелъ въ себя (стр. 519) . . . „и я обрѣлъ Тебя и себя (520). Гдѣ я нашелъ себя, тамъ позналъ себя. Гдѣ обрѣлъ Тебя, тамъ позналъ Тебя“ (521). Я позналъ Тебя, каковъ Ты по отношенію ко мнѣ. . . Ибо каковъ Ты въ Себѣ, то только единъ Ты вѣдаешь“ (524)³⁾.

Такимъ образомъ даже познаніе Бога Бл. Августинъ ставитъ въ зависимость отъ самопознанія. Въ немъ же онъ видитъ необходимое условіе и нравственнаго совершенствованія. И онъ, подобно Сократу и Платону, (однако не раздѣляя ихъ ошибочнаго взгляда, будто познаніе блага достаточно для его осуществленія) полагаетъ, что душа, по мѣрѣ того, какъ познаетъ себя, научается управлять своими дѣйствіями, своими поступками, своей жизнію. Тогда только душа научается согласовать ихъ съ совокупностью всего сущаго, подчиненнаго Богу⁴⁾.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что Бл. Августинъ на данныхъ внутренняго опыта вполне сознательно и мотивированно основываетъ не только психологію, но и гно-

1) De Trinit. lib. VIII. cap. IV.

2) Бл. Августина, Избр. соч. Москва 1786, ч. IV. „Святая и душевспасительная размышленія“ XXVII. стр. 383,

3) Его же Избр. соч. М. 1786 ч. IV. „Книга единобесѣдованій души съ Богомъ“ стр. 516—524.

4) De Trinitate lib. X. cap. V. „Animae cur praecipuum ut se cognoscat. . . Credo, ut se ipsam cogitet et secundum naturam suam vivat. . .“

Confer ibid. lib. VIII. cap. V.

сеологию (теорію познанія), етику и отчасти даже метафизику.

Послѣ Августина средніе вѣка въ указанномъ направленіи мало прибавили новыхъ данныхъ къ его проникательнымъ изслѣдованіямъ. Съ усиленіемъ папской власти философія сдѣлалась ancilla theologiae: философствовать разрѣшалось постольку, поскольку это нужно было для обоснованія догматовъ западной церкви. Проницательныхъ мыслителей, которые въ своихъ сочиненіяхъ или даже въ изустномъ изложеніи осмѣливались отступать отъ вѣковыхъ традицій западной церкви, римская курія объявляла еретиками, подвергая ихъ преслѣдованіямъ, многолѣтнему заточенію и даже сожженію¹⁾. Подлинный Аристотель забывается. Немногія изъ его сочиненій, съ водвореніемъ мавровъ въ Испаніи распространяются въ западной Европѣ въ латинскихъ переводахъ съ арабскаго, конечно не безъ искаженій. До Бэкона Веруламскаго медленно пробивалась наружу истина; но все же она находила себѣ неустрашимыхъ защитниковъ и изслѣдователей. Въ періодъ возрожденія наукъ и ознамененія Западу съ подлинными сочиненіями Платона и Аристотеля оживаетъ и интересъ къ психологіи. Предшественникъ Бэкона Веруламскаго исианецъ *Людвигъ Вивесъ* (1492—1540), учившій даже при Лондонскомъ дворѣ, настоятельно призываетъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ какъ внѣшней природы, такъ и человѣческой души. Самъ онъ пишетъ сочиненіе „О душѣ“ въ трехъ книгахъ,

1) Достаточно упомянуть о преслѣдованіяхъ Абельяра (1079—1142), о вторичномъ, десятилѣтнемъ заточеніи старика Роджерса Бэкона, умомъ и сердцемъ далеко превосходившаго своего прославленнаго однофамильца изъ Верулама († 1294), о сожженіи Іоанна Гуса (1415). Поэтому не удивительно, что Коперникъ (1473—1543) въ теченіе всей своей жизни не публиковалъ своего знаменитаго сочиненія „De revolutionibus orbium coelestium“, которое 36 лѣтъ лежало въ рукописи. Впрочемъ, и въ новѣйшее время еще повторялись подобныя преслѣдованія со стороны папской власти. Галилей за признаніе Коперниковой системы былъ подвергнутъ пыткамъ; а Джордано Бруно за свои философскія сочиненія былъ сожженъ (1600).

въ которое вноситъ не мало тонкихъ наблюденій и замѣчаній, въ особенности относительно аффектовъ. Познаніе души онъ считаетъ „самымъ важнымъ, самымъ пріятнымъ, самымъ изумительнымъ и самымъ полезнымъ“. На немъ, но мнѣнію Л. Вивеса, должна основываться и этика и политика ¹⁾. Альбертъ Ланге считаетъ Людовика Вивеса отцомъ новой эмпирической психологіи ²⁾.

Сто лѣтъ послѣ Людовика Вивеса гениальный *Денартъ* въ своей философіи рѣшается порвать путь традиціоннаго догматизма и подвергнуть методическому сомнѣнію унаслѣдованныя познанія. Исходя отъ данныхъ своего сознанія и испытывая ихъ достовѣрность, онъ подвергаетъ сомнѣнію не только усвоенныя имъ въ езуитской школѣ философскія ученія, не только собственныя умозаключенія и выводы, но даже истины математическія и непосредственныя впечатлѣнія органовъ чувствъ. Желая провѣрить и перестроить все свое знаніе, онъ положилъ себѣ за основное правило „не вѣрить ничему, кромѣ самыхъ очевидныхъ доказательствъ разума“, которыя невозможно отвергнуть, несмотря ни на какія усилія. При этомъ глубокомъ самоанализѣ онъ убѣждается, что на время сомнѣніе можно допустить относительно всего, кромѣ

1) Lud. Vives. De anima et vita, Basileae 1555, Praef. pag. 496 et 497.

Вотъ его подлинныя слова: „Nulla est rei alicujus vel praestabilior cognitio, quam de Anima, vel jucundior, vel admirabilior, quaeque tantum adferat ad res maximas utilitatis . . . quod illic (sc. in anima) fons est atque origo bonorum omnium nostrorum et malorum, nihil est conducibilis, quam probe nosci: ut purgato fonte, puri dimanent rivuli omnium actionum. Neque enim poterit animum gubernare et semet ipsum ad recte agendum habere in sua potestate, qui se non explorarit“.

„ . . . de affectibus speculatio fundamentum universae moralis disciplinae sive privatae sive publicae . . . nec alia ulla (disciplina) est aequae viro Principi conveniens ad se ac suos totamque rem publicam rite gubernandam“.

2) F. Ueberweg, Grundr. d. Gesch. d. Philos. 7. Aufl. § 5, S. 26.

факта своего собственнаго мышленія (сознанія) и своего существованія. *Cogito, ergo sum* — Я мыслю, слѣдовательно существую — есть первичный несомнѣнный фактъ, первая несомнѣнная истина. До нея онъ доходить на основаніи подобныхъ же разсужденій, съ которыми мы познакомились у Бл. Августина¹⁾.

Такимъ образомъ Декартъ свое сознаніе полагаетъ въ основу всякаго знанія: „Свое мышленіе (сознаніе) мы познаемъ раньше и вѣрнѣе, чѣмъ тѣлесные предметы“. Въ самомъ сознаніи Декартъ ищетъ и критерія достовѣрности. По его мнѣнію, то, что мы ясно и отчетливо знаемъ, то и есть истина²⁾. Эта аксіома служитъ ему мѣриломъ истины, — основой всякой науки. Разсматривая содержаніе своего сознанія, онъ въ немъ находитъ три рода идей: произвольно созданныя, пріобрѣтенныя опытомъ и прирожденныя³⁾. Къ послѣднимъ онъ относитъ и идею о Богѣ. Изъ этой идеи онъ выводитъ новыя истины — реальное существованіе Бога, его правдивость, вѣчность и другія. Изъ познанія Бога,

1) Descartes, Discours sur la Méthode, chap. IV.
Meditationes de prima philos. II.

Декартъ въ своихъ сочиненіяхъ не ссылается и даже не упоминаетъ Бл. Августина; напротивъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ даже такъ выражается, будто онъ независимо отъ Бл. Августина дошелъ до своихъ философскихъ положеній. Но аргументація Декартова основнаго положенія „*cogito, ergo sum*“ такъ близка къ разсужденіямъ по этому предмету Бл. Августина, что становится сомнительнымъ предположеніе, чтобы Декартъ не былъ знакомъ съ соотвѣтствующими разсужденіями Августина. Быть можетъ, Декартъ, тщательно изучавшій философію въ раннемъ юношескомъ возрастѣ въ іезуитской школѣ Лафлешъ, усвоилъ себѣ разсужденія Августина не зная ихъ автора или же впослѣдствіи забылъ ихъ источникъ. Впрочемъ, истина одна для всѣхъ, и всѣ выдающіеся мыслители могутъ добратъся до нея и независимо другъ отъ друга. Такъ напр. несомнѣнно, что сочиненія арабскаго философа *Альгацали* не могли быть извѣстны Декарту. Между тѣмъ и у этого великаго арабскаго мыслителя мы встрѣчаемъ поразительно сходныя разсужденія о самопознаніи, какъ исходной точкѣ всякаго знанія и философіи. (См. Люисъ, Ист. филос. стр. 369—371).

2) Descartes, Princ. philos. 30. et 45.

3) Descartes, Meditationes de prima philos. III.

какъ творца вселенной, онъ выводитъ также познаніе его твореній, т. е. изъ причины — ея дѣйствія. Въ созданномъ мірѣ онъ отличаетъ два начала: субстанцію мыслящую и субстанцію протяженную.

Итакъ на данныхъ своего сознанія Декартъ основываетъ всю свою философію, „опытную философію духа“, какъ ее назвалъ извѣстный Кондорсэ. Этой своей философіей Декартъ положилъ основаніе раціоналистическимъ системамъ новѣйшаго времени.

Непосредственнымъ преемникомъ Декартова раціонализма былъ *Спиноза* (1632—1677), которому удалось изложить метафизику Декарта въ сжатой формѣ по методу геометрическихъ дедукцій. Впослѣдствіи, въ своей *Этикѣ*, онъ развилъ дальше эту философскую систему, сведши двѣ субстанціи Декарта на единую съ двумя атрибутами — мышленія и протяженности. Эту единую субстанцію, — абсолютное, вѣчное бытіе, именуемой имъ Богомъ, онъ считаетъ субстратомъ вселенной: отъ нея истекаетъ всякое индивидуальное, конкретное бытіе; вселенная есть не что иное, какъ проявленіе Бога. Все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ и черезъ Бога. Расходясь съ Декартомъ въ послѣднихъ выводахъ — въ своемъ пантеистическомъ монизмѣ, въ своемъ детерминизмѣ, Спиноза все же съ нимъ согласенъ и относительно метода, и относительно критерія истины: и Спиноза основу достовѣрности видитъ въ сознаніи, считая ясныя и отчетливыя идеи истинными; и Спиноза считаетъ возможнымъ дедуцировать метафизическія истины изъ немногихъ опредѣленій и аксіомъ, какъ это дѣлается въ геометріи. И Спиноза, какъ Декартъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаетъ свою душу и вноситъ въ психологію много новаго. Такъ напр. во II книгѣ его *Этики* содержится зародышъ теорій ассоціативной и психо-физическаго параллелизма; а въ III книгѣ — обстоятельный трактатъ о человѣческихъ страстяхъ и чувствованіяхъ, который по глубинѣ анализа превосходитъ подобный же трактатъ Декарта.

Къ рационализму Декарта примыкаетъ и блестящій своимъ пронизательнымъ умомъ и изящнымъ стилемъ *Лейбницъ* (1646—1716). Признавая и методъ Декарта, и его критерій истины, Лейбницъ и всю вселенную, и каждую мельчайшую частицу матеріи строить изъ безчисленнаго множества самодѣятельныхъ, простыхъ, слѣдовательно вѣчныхъ, субстанцій, именуемыхъ имъ монадами¹⁾. Эти монады Лейбницъ представляетъ себѣ по аналогіи съ нашей душой непротяженными, но мыслящими и дѣйствующими. Это — духовные атомы. „Они различны другъ отъ друга по своей дѣятельности (9), и по степенямъ отчетливости въ воспріятіяхъ“ (59). Каждая такая монада подвержена безпрерывному измѣненію“ (10); „она представляетъ множественность состояній въ единомъ или простомъ“ (13). „Преходящее состояніе . . . есть то, что называется воспріятіемъ“ (14). „Дѣятельность внутренняго начала, которая производитъ измѣненіе или переходъ отъ одного воспріятія къ другому, по Лейбницу, можетъ быть названа стремленіемъ“ (15). „Ничего иного нельзя найти въ простой субстанціи кромѣ . . . воспріятій и ихъ измѣненій“ (17). „Душами, по словамъ Лейбница, можно называть только такія монады, воспріятія которыхъ болѣе отчетливы и сопровождаются памятью“ (19). „Познаніе необходимыхъ и вѣчныхъ истинъ отличаетъ насъ отъ простыхъ животныхъ“; благодаря ему мы обладаемъ разумомъ и науками, возвышаясь до познанія насъ самихъ и Бога. И вотъ это наше свойство называется разумной душой или духомъ (29). „Монады вліяютъ другъ на друга черезъ посредство Бога“ (51). Богъ есть первоначальная монада, первичная субстанція, монада всѣхъ моналъ. „Каждая . . . монада является постояннымъ живымъ зерка-

1) Лейбницъ, Монадологія 1714 г., переводъ Е. А. Боброва, изд. Моск. Психол. Общ., вып. IV. М. 1890, стр. 338, п. 1—5.

Въ дальнѣйшемъ, цитируя Монадологію по тому же изданію, я буду указывать соотвѣтственные параграфы въ самомъ текстѣ арабскими цифрами, заключенными въ скобкахъ.

ломъ вселенной“ (56). . . „Въ наименьшей части матеріи существуетъ цѣлый міръ созданій, живыхъ существъ, животныхъ, антелехій, душъ“ (66). „Души дѣйствуютъ согласно законамъ конечныхъ причинъ — посредствомъ стремлений, цѣлей и средствъ. Тѣла дѣйствуютъ по законамъ причинъ производящихъ или движеній. И оба царства — причинъ производящихъ и причинъ конечныхъ — гармонизируютъ между собой“ (79).

Вотъ главнѣйшія черты метафизики Лейбница. Этихъ немногихъ выдержекъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ тѣсно связана его метафизика съ психологіей внутренняго опыта.

И въ саму психологію внутренняго опыта Лейбницъ внесъ много новаго и весьма цѣннаго. Такъ напр., онъ впервые (послѣ Θомы Аквината 1225—1274) отмѣчаетъ и принимаетъ во вниманіе при объясненіи душевныхъ процессовъ безсознательные акты; онъ же вводитъ въ кругъ психологическихъ изслѣдованій понятія апперцепціи и самосознанія (нашего „Я“).

III.

Выводы и нѣкоторыя положенія рационалистической философіи встрѣтили рѣшительный протестъ въ эмпиристическомъ направленіи англійской философіи, подготовленной Бэкономъ Веруламскимъ и сенсуалистомъ Гоббсомъ. Рѣшающее значеніе въ движеніи философской мысли не только въ Англии, но и на материкѣ имѣло знаменитое изслѣдованіе Локка, озаглавленное „Опытъ относительно человѣческаго ума“¹⁾. Въ этомъ сочиненіи *Локкъ* (1632—1704) задался цѣлью „изслѣдовать возникновеніе достовѣрность и объемъ человѣческаго значенія“²⁾. Онъ убѣдился, что „прежде чѣмъ пускаться въ изслѣдованія [философскія], необходимо, проанализировать наши способности и посмотрѣть, какіе предметы доступны и какіе недоступны нашему разуму“³⁾. Методъ его изслѣдованій — чисто психологическій, основанный на внутреннемъ опытѣ. Хотя Локкъ и былъ студентомъ медицины и въ этой области имѣлъ солидныя позна-

1) Это основательное и кропотливое изслѣдованіе за 14 лѣтъ, еще при жизни автора, вышло въ 6-и изданіяхъ. (См. Д. Г. Льюисъ, Ист. филос. перев. съ англ. СПб. 1867, стр. 525). Съ 4-го изданія при содѣйствіи автора былъ сдѣланъ переводъ на французскій языкъ, а затѣмъ на латинскій. Послѣ смерти автора оно было переведено на голландскій 1736; на нѣмецкій — въ 1757 году, но только въ выдержкахъ. Полностью перевелъ его на нѣм. В. Г. Теннеманъ только 1795—1797. Такое широкое распространеніе его сочиненія представляетъ собою небывалый для того времени успѣхъ. До настоящаго времени его „Опытъ“ имѣлъ больше 30 изданій.

2) John Locke, An essay conc. human understanding b. I. ch. I, § 2.

3) Тамъ же VI. изд. „Письмо къ читателю“.

нія, однако въ своемъ „Опытѣ“ онъ не прибѣгаетъ къ фізіологическимъ гипотезамъ и умозрѣніямъ, которымъ съ такой любовью предавались его преемники Гертли, Эразмъ Дарвинъ и другіе; безъ которыхъ не обходятся и современные медики, а также психіатры. „Чтобы понять душу, ея идеи и привязанности, онъ не прибѣгалъ къ книгамъ: книги направили бы его на ложный путь; онъ довольствовался тѣмъ, что углублялся въ самого себя, и послѣ долгого самосозерцанія . . . онъ представилъ въ своемъ „Опытѣ“ зеркало, въ которомъ видѣлъ свое отраженіе“¹⁾. При этомъ однако онъ не повторяетъ ошибки картезіанцевъ. Декартъ и его послѣдователи, изучая свою душу, думали, что такова душа всѣхъ людей. Исходя отъ своего ума, въ высшей степени развитого, отъ своего мышленія, въ высшей степени отвлеченнаго, они предполагали, что тѣ же идеи должны существовать въ каждомъ человѣкѣ. Высшія идеи, плодъ долго созрѣвающаго философскаго мышленія отдѣльной особи, плодъ высшихъ способностей культивированнаго разума — они считаютъ „идеями прирожденными“, присущими всѣмъ людямъ. Локкъ не дѣлаетъ такого поспѣшнаго обобщенія. Свой внутренній опытъ онъ провѣряетъ опытомъ другихъ; онъ спускается къ низшимъ ступенямъ душевнаго развитія — къ душѣ ребенка и дикаря; онъ изучаетъ человѣческій умъ въ его развитіи²⁾. Локка нужно считать основателемъ новѣйшей сравнительной эмпирической психологіи; эту онъ полагаетъ въ основаніе и гносеологіи, и метафизики. Еще Д'Аламберъ замѣтилъ, что „Локкъ свелъ метафизику на то, чѣмъ она должна быть, а именно, на опытную физику души“³⁾. Суть его ученія сводится къ слѣдующему. Предметъ нашего знанія составляютъ идеи (въ широкомъ значеніи этого слова, т. е. непосред-

1) D'Alembert, Discours préliminaire de l'Encyclopédie.

2) См. Люисъ, *op. cit.*, стр. 534—537.

3) D'Alembert, *op. cit.*

венные акты нашего сознанія, мышленія, ума)¹⁾. „Дальше нашихъ идей не распространяется наше знаніе“²⁾. Эти идеи, по Локку, приобрѣтаются или внѣшними чувствами (sensation) или же внутреннимъ чувствомъ, т. е. самовоспріятіемъ (reflexion). Эти два источника доставляютъ матеріаль нашему мышленію, что и называется „опытомъ“³⁾. Не отвергая прирожденныхъ способностей человѣка къ приобрѣтенію и развитію идей и мышленія⁴⁾, Локкъ рѣшительно отвергаетъ „прирожденныя идеи“, какъ готовые акты сознанія или готовые принципы и правила, которые не зависѣли бы отъ опыта⁵⁾. Изъ простыхъ идей нашъ умъ посредствомъ разныхъ комбинацій формируетъ сложныя идеи⁶⁾. Умъ же устанавливаетъ и различныя отношенія между идеями — въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ⁷⁾. „Знаніе есть воспріятіе связи и согласія или несогласія двухъ идей“. Это согласіе Локкъ сводитъ къ четыремъ видамъ: „1) тожества и различія, 2) отношенія, 3) сосуществованія или необходимой связи, 4) реального бытія“⁸⁾.

Относительно компетенціи нашего разума Локкъ отличаетъ: 1) положенія, соотвѣтственныя разуму, въ истинности которыхъ можно удостовѣриться посредствомъ испытанія и провѣрки идей, добытыхъ внѣшними или внутреннимъ чувствомъ; истинность или вѣроятность этихъ положеній можетъ быть доказана посредствомъ естественныхъ выводовъ; 2) положенія, выходящія за предѣлы разума, истинность или вѣроятность которыхъ нельзя дедуцировать посредствомъ нашего разума; 3) положенія, противныя разуму, которыя не

1) John Locke, An essay conc. . . . IV. I, § 1; II. VIII, § 8.

2) ib. IV. III, § 1.

3) ib. II. I, §§ 2—5.

4) ib. I. IV, § 22.

5) ib. II. IV, §§ 1, 8, 19, 20—24.

6) ib. II. XXII.

7) IV. III.

8) IV. I, § 2.

согласуются съ нашими ясными и отчетливыми идеями или же имъ противорѣчатъ. Такъ напр., говоритъ Локкъ, бытіе Бога соотвѣтствуетъ нашему разуму; бытіе нѣсколькихъ боговъ противно разуму; воскресеніе изъ мертвыхъ выходитъ за предѣлы нашего разума¹⁾. . . „Разумъ и вѣра, несмотря на нѣкоторую противоположность, все же имѣютъ нѣчто общее относительно достовѣрности: и вѣра представляетъ собою твердое одобреніе души . . . и если оно у насъ является по опредѣленнымъ правиламъ, чего требуетъ нашъ долгъ, то оно не можетъ противорѣчить разуму“²⁾. Вотъ главныя черты Локковой гносеологіи. Однако онъ ею не ограничивается; онъ не останавливается на однихъ явленіяхъ сознанія; онъ старается проникнуть и за предѣлы явленій, въ ихъ причины, въ міръ объективный, въ міръ реального бытія, т. е. онъ занимается и вопросами метафизики. Я ограничусь немногими его положеніями. Такъ напр., Локкъ говоритъ: „Должно отличать идеи, или воспріятія нашей души, отъ перемѣнъ матеріи въ (воспринимаемыхъ) предметахъ, причиняющихъ наши воспріятія. . . Большинство этихъ воспріятій такъ мало похоже на внѣшніе предметы, какъ мало похожи слова на обозначаемыя ими идеи“³⁾. Непосредственные акты сознанія Локкъ называетъ „идеями“; а силу, которая вызываетъ въ нашей душѣ какую-нибудь идею, онъ называетъ „качествомъ предмета“, заключающаго въ себѣ эту силу⁴⁾. Само понятіе силы, по Локку есть „одна изъ элементарныхъ (простыхъ) идей, пріобрѣтаемыхъ нами или внѣшними чувствами, или самовоспріятіемъ. Ее мы пріобрѣтаемъ 1) тѣмъ, что замѣчаемъ нашу способность по нашему желанію двигать разными частями нашего тѣла, находящимися (обыкновенно) въ покоѣ; 2) — тѣмъ, что нашимъ внѣшнимъ чувствамъ ежеминутно представляются дѣйствія въ

1) ib. IV. XVII, § 23.

2) ib. IV. XVII, § 24.

3) ib. II. VIII, § 7.

4) ib. II. VIII. § 8.

тѣлахъ природы, производимыя другими тѣлами. Обоими этими путями мы приобретаемъ идею силы¹⁾. Между качествами предметовъ, по мнѣнію Локка, есть такія, которыя неотдѣлимы отъ самаго тѣла, въ какомъ бы состояніи оно ни находилось. Таковыя качества — плотность, протяженность (размѣщеніе частицъ), форма предмета, движимость. Эти качества Локкъ называетъ „первичными качествами“; они производятъ въ насъ соотвѣтственныя имъ простыя идеи, а также идеи чиселъ²⁾. „Идеи первичныхъ качествъ тѣлъ, по мнѣнію Локка, подобны самымъ этимъ качествамъ; ихъ прообразы дѣйствительно существуютъ въ самыхъ тѣлахъ; эти идеи даютъ намъ представленіе о тѣлѣ, какимъ оно есть само по себѣ. Напротивъ, идеи вторичныхъ качествъ (каковы: цвѣта, звуки, запахи, тепловыя, вкусовыя ощущенія и т. д.), производимыя въ насъ, не имѣютъ никакого подобія съ самыми качествами тѣлъ, (т. е. съ силами³⁾), производящими наши идеи о нихъ“⁴⁾. Сложныя идеи, образуемыя нашимъ мышленіемъ, по Локку, могутъ быть сведены на слѣдующіе три рода: „1) состоянія (modes), 2) субстанціи, 3) отношенія“. „Идеи субстанцій это — такія сочетанія элементарныхъ идей, которыя постоянно связаны вмѣстѣ, которыя мы поэтому соединяемъ въ единичный самостоятельно существующій предметъ“⁵⁾. „Обозначая его однимъ именемъ, мы вслѣдствіе привычки полагаемъ, что эти качества находятся въ одномъ общемъ субстратѣ, т. е. носителѣ этихъ идей, отъ котораго онѣ исходятъ“⁶⁾. Понятіе субстанціи Локкъ считаетъ неяснымъ и мало полезнымъ⁷⁾. Зато на состояніяхъ и отношеніяхъ онъ останавливается очень

1) ib. II. VII. § 8.

2) ib. II. VIII, § 9 и 23.

3) Въ § 23 той же VIII. гл. Локкъ выдѣляетъ въ особую, 3-ью категорію „силы“, которыя производятъ перемѣны въ другихъ тѣлахъ (а не только въ нашихъ органахъ чувствъ).

4) ib. II. VIII, § 15 и 19—24.

5) ib. II. XII, § 6 и II. XXIII, § 1.

6) ib. II. XXIII, § 1 и § 4.

7) ib. II. XXIII, § 4.

долго, подвергая ихъ весьма тщательнымъ психологическимъ анализамъ и изслѣдованіямъ. Въ мою задачу не входитъ изложеніе цѣлыхъ философскихъ системъ. Для нашей цѣли вполне достаточно и приведеннаго выше: изъ него можно убѣдиться, какъ тѣсно связана съ Локковой психологіей и его метафизика.

Важный результатъ изслѣдованій Локка состоитъ еще и въ томъ, что онъ подробными психологическими анализами впервые доказалъ ограниченность человѣческаго познанія. А именно, если наши знанія заключаются въ идеяхъ; а эти пріобрѣтаются опытомъ (внѣшнимъ и внутреннимъ); если наши идеи и умъ, ихъ комбинирующій, растутъ и развиваются: то это развитіе, по необходимости, подлежитъ ограниченіямъ человѣческой жизни. Это доказательство составляетъ его великую заслугу, хотя она не всѣми философами оцѣнена по достоинству¹⁾. Зато никто не можетъ отрицать того огромнаго значенія на движеніе философской мысли, какое имѣлъ Локкъ въ теченіе цѣлаго вѣка.

1) Правда, и до Локка высказывались мнѣнія относительно ограниченности человѣч. ума. Еще Паскаль замѣтилъ: „Si l'homme commençait par s'étudier lui même, il verrait combien il est incapable de passer autre“. И до Паскаля богословы признавали ограниченность человѣч. ума относ. пониманія нѣкоторыхъ догматовъ церкви; но никто не доказалъ ее и притомъ относ. всего объема человѣч. знаній. Притязанія на эту заслугу со стороны Канта совершенно неосновательны; равно и сдѣланная имъ оцѣнка заслугъ Локка. Съ легкой руки Канта (и Лейбница) въ Германіи принято считать Локка сенсуалистомъ. То же повторяютъ и въ новѣйшее время французъ Кузэнъ и англичанинъ Уэвель. На самомъ дѣлѣ Локкъ, въ противность Гоббсу, на ряду съ чувственностью (sensation) признаетъ и такъ называемое внутреннее чувство (reflexion) и активную дѣятельность души; благодаря имъ по Локку, въ душѣ образуются идеи, берущія свое начало не отъ внѣшнихъ предметовъ. Таковыя дѣятельности души напр.: мышленіе, сомнѣніе, вѣра, умозаключеніе, воля. . . Такимъ образомъ Локкъ признаетъ и ту активную дѣятельность души, которую Лейбницъ и Кантъ обозначаютъ терминомъ „a priori“; только Локкъ ее не проанализировалъ детально; впрочемъ, онъ не полагалъ, что она съ рожденіемъ является сразу и готовой, независимо отъ пріобрѣтаемыхъ идей. (Ср.: Люисъ, Истор. филос. стр. 526—531). (Ср. также Ueberweg, Gesch. d. Philos. 7. Aufl. III. Th. § 14, S. 120—124).

Къ изслѣдованіямъ Локка тѣсно примыкаетъ *Беркли* (1685—1753), разрабатывая дальше теорію познанія. Въ своемъ трактатѣ „О началахъ человѣческаго познанія“¹⁾ онъ посредствомъ психологическихъ анализовъ нашихъ общихъ идей доказываетъ, что такъ называемыя „первичныя качества“ тѣлъ невозможно образовать въ душѣ безъ „вторичныхъ“. Такъ напр. „невозможно получить идею протяженнаго и движущагося тѣла безъ одновременнаго представленія его цвѣта или иного чувственнаго качества²⁾, которыя, какъ признаютъ всѣ, существуютъ только въ нашемъ духѣ“. Однимъ словомъ, заключаетъ Беркли, „протяженность, форма, движеніе немислимы, если ихъ посредствомъ отвлеченія отдѣлить отъ всѣхъ остальныхъ качествъ“ (такъ называемыхъ „вторичныхъ“³⁾). „Далѣе, величина (и малость), скорость (и медленность) существуютъ только въ нашемъ духѣ, такъ какъ онѣ вполнѣ относительны и мѣняются, по мѣрѣ того какъ измѣняется видъ и положеніе воспринимающаго органа чувствъ“⁴⁾. „Безъ протяженности, доказываетъ Беркли, невозможно мыслить и непроницаемость“⁴⁾. Наконецъ, „и число по разсужденіямъ Беркли, безусловно есть продуктъ нашего духа“⁵⁾. Изъ подобныхъ фактовъ, добытыхъ подробными психологическими анализами, Беркли дѣлаетъ вѣрный выводъ, что остается недоказаннымъ существованіе матеріальныхъ тѣлъ, которыя обладали бы иными качествами, чѣмъ наши идеи, образуемая нашимъ духомъ. То, что мы называемъ матеріей, по мнѣнію Беркли, есть сочетаніе нашихъ субъективныхъ идей, хотя и вызы-

1) George Berkeley, Treatise on the principles of human knowledge, Dublin 1710.

2) напр. ощущеній сопротивленія нашимъ оконечностямъ, ощущенія давленія на кожу, мускульнаго ощущенія при движеніи глазъ, фиксирующихъ видимый предметъ. (На послѣднее обстоятельство въ послѣдствіи обратилъ вниманіе шотландецъ Томасъ Броунъ).

3) G. Berkeley, op. cit. Principles X.

4) ib. XI.

5) ib. XII.

ваемыхъ внѣшними причинами¹⁾. Но Беркли идетъ и дальше. Онъ не допускаетъ, чтобы причины, вызывающія наши воспріятія, были различной природы отъ нашихъ идей (чтобы эти причины заключались въ какой-то матеріи). Онъ отождествляетъ наши идеи (воспріятія) съ бытіемъ. По его мнѣнію „esse“ равносильно съ „percipi“²⁾. Онъ признаетъ существованіе однихъ только идей, присущихъ духамъ (недѣлимымъ духовнымъ субстанціямъ)³⁾. Часть этихъ идей (т. е. воспріятія) въ духахъ ограниченныхъ обусловливаются духомъ неограниченнымъ, всемогущимъ, премудрымъ, всеблагимъ, т. е. Богомъ, установившемъ извѣстный порядокъ въ смѣнѣ нашихъ идей, который называютъ законами природы⁴⁾. Такимъ образомъ Беркли исповѣдуетъ чистый идеализмъ, или феноменизмъ духовъ. И Беркли, родоначальникъ новѣйшаго идеализма, основываетъ свою гносеологію и свою метафизику на данныхъ и анализахъ внутренняго опыта.

Исслѣдованія человѣческаго ума, начатыя Локкомъ и Беркли, продолжаетъ *Д. Юмъ* (1711—1776). И онъ задается цѣлью до основанія раскрыть силы человѣческаго ума и предѣлы нашего познанія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ соединяетъ глубину психологическихъ анализовъ съ яснымъ, блестящимъ и удобопонятнымъ стилемъ. Относительно происхожденія идей Юмъ въ своемъ знаменитомъ „Исслѣдованіи . . .“ отличаетъ два класса: 1) „впечатлѣнія“, (impressions) подъ которыми онъ подразумѣваетъ не только воспріятія внѣшнихъ органовъ чувствъ, но и непосредственныя, первичныя живыя чувствованія (эмоціи) и волевые акты; 2) „идеи“ (въ тѣсномъ смыслѣ „ideas, thoughts“) или представленія, т. е. вторичные акты сознанія, копіи первичныхъ: эти образуются въ насъ, когда мы реагируемъ

1) op. cit. XXXV, LXVIII—LXXVII.

2) op. cit. XXX и XXXVI.

3) ib. LXXXVIII.

4) ib. XCI; CXXXV—CXXXIX.

(размышляемъ) по поводу первых¹⁾. Кромѣ этого матеріала чловѣч. ума онъ признаетъ и творческую силу мышленія, ума, фантазіи и воли; но эта ограничивается способностью соединять, разъединять, дѣлать, переставлять, увеличивать или уменьшать матеріалъ познанія, доставляемый опытом²⁾. Д. Юмъ впервые послѣ Аристотеля устанавливаетъ и законы, по которымъ происходитъ сочетаніе идей. Эти законы онъ устанавливаетъ, по видимому независимо отъ Аристотеля, сводя ихъ на слѣдующіе три: 1) сочетаніе идей и сходству, 2) — по смежности въ пространствѣ и времени, 3) по причинности. Д. Юма можно считать родоначальникомъ ассоціаціонной психологіи³⁾. „Всѣ предметы чловѣч. мышленія и изслѣдованія“ Юмъ дѣлитъ на два класса: „1) на отношенія между идеями, 2) на факты“. Къ первымъ относятся положенія геометріи, ариѳметики, алгебры; ихъ достовѣрность несомнѣнна: противное имъ немислимо. Эти истины познаются однимъ мышленіемъ и дедуктивными умозаключеніями, вытекающими изъ основныхъ понятій и аксіомъ; онѣ независимы отъ дѣйствительности. Напротивъ, положенія, которыя относятся къ фактамъ дѣйствительности, не имѣютъ для насъ такой достовѣрности. Эти положенія, по видимому, основываются на отношеніяхъ причины и дѣйствія, и не могутъ быть познаны а priori, посредствомъ умозаключеній⁴⁾.

1) David Hume, Inquiry concerning human understanding, (впервые издано въ Лондонѣ 1748) II.

2) op. cit. II. и V. (II).

3) D. Hume, op. cit. III. Терминъ association of ideas впервые употребилъ Локкъ для обозначенія ассоціаціи по смежности; но всѣхъ законовъ ассоціаціи идей у него не имѣется. (Ср. J. Locke, An Essay 6. edition, II. 6. chap. XXXIII). Гертли (1704—1757), опубликовавшій свое сочиненіе „Observations on man“ 1749-го года, т. е. черезъ десять лѣтъ послѣ Юмова „Treatise on human nature“ и черезъ годъ послѣ его „Inquiry . . .“, приводитъ ту же теорію, но онъ, по видимому, пользовался сочиненіями Юма. Сверхъ того, Гертли связываетъ ассоціаціонную теорію съ гипотезой психофизическаго параллелизма и съ фізіологическими объясненіями.

4) D. Hume, op. cit. IV. (I). То же дѣленіе на истины формальныя и фактическія мы имѣемъ и у Лейбница. (См. его „Nouveaux

Юмъ подвергаетъ подробному психологическому анализу понятіе причины и приходитъ къ заключенію, что мы его добываемъ опытомъ, воспринимая постоянную связь двухъ явленій; вслѣдствіе продолжительной привычки она для насъ пріобрѣтаетъ принудительную силу¹⁾; эта привычка заставляетъ насъ предполагать въ причинѣ особую силу, производящую дѣйствіе.

На самомъ дѣлѣ мы не знаемъ никакихъ силъ, производящихъ дѣйствія внѣ насъ²⁾. Правда, мы сознаемъ въ себѣ силу, когда по нашей волѣ производимъ разныя движенія тѣла или его частей; подобныя же силы мы по аналогіи съ нашимъ внутреннимъ опытомъ предполагаемъ и во внѣшней природѣ, но это предположеніе не вѣрно: на самомъ дѣлѣ „сила, которая посредствомъ нашего волевого акта производитъ наши дѣйствія, скрыта отъ нашего непосредственнаго сознанія и на всегда ускользаетъ отъ самого тщательнаго изслѣдованія“. — „Только изъ опыта мы познаемъ вліяніе нашей воли“. „Понятіе силы не есть копія воспріятія собственной силы³⁾. Такъ же точно, какъ силы, Юмъ считаетъ непознаваемыми и субстанціи, т. е. предполагаемыхъ носителей воспринимаемыхъ нами качествъ (то же, что Кантъ послѣдствіемъ назвалъ „Ding an sich“. И наше „Я“, единый субстратъ, или носитель, нашего самосознанія, Юмъ считаетъ непознаваемымъ; только привычка заставляетъ насъ предполагать, что каждое качество зависитъ отъ неизвѣстной намъ субстанціи⁴⁾. И у Юма вся теорія познанія основывается на данныхъ внутренняго опыта и на психологическихъ анализахъ.

essais“, I. IV. ch. II., которые впервые были опубликованы 17 лѣтъ послѣ Юмова Inquiry).

- 1) D. Hume, op. cit. VII. (II.).
- 2) op. cit. VII. (I.).
- 3) op. cit. VII. (I.).
- 4) op. cit. XII.

На такихъ же данныхъ Юмъ, подобно Спинозѣ, основываетъ и свою этику, а именно на теоріи аффектовъ. Ихъ основными элементами онъ считаетъ удовольствіе и страданіе. Они же служатъ и первичными мотивами нашихъ дѣйствій; на высшихъ ступеняхъ развитія къ нимъ присоединяются и мотивы пользы, какъ личной, такъ и пользы другихъ и въ особенности общественной. Выше всѣхъ добродѣтелей Юмъ ставитъ социальныя добродѣтели — доброжелательство и справедливость; эти добродѣтели обусловливаются симпатіей или челоуѣколюбіемъ, т. е. способностью радоваться при счастіи другихъ и страдать при ихъ несчастіи¹⁾. Какъ Спиноза, такъ и Юмъ въ этикѣ — детерминистъ, т. е. онъ считаетъ волю зависящей отъ мотивовъ и вообще отъ законовъ челоуѣч. духа: отъ его идей, чувствованій, аффектовъ, врожденныхъ способностей и наклонностей, привычекъ, общественныхъ законовъ, наказаній, воспитанія, среды²⁾.

Вся этика Юма основана на фактахъ и анализахъ психологическихъ, почерпнутыхъ изъ внутренняго опыта. Въ нихъ Юмъ, несмотря на нѣкоторые недосмотры, представляется намъ, какъ весьма тонкій наблюдатель изгибовъ челоуѣческой души и притомъ съ большимъ запасомъ знаній, почерпнутыхъ изъ непосредственнаго опыта.

Итакъ мы видимъ, что и эмпиристическое направленіе англійской философіи до середины 18-го вѣка опирается на данныя психологіи внутренняго опыта. Только философы этого направленія болѣе держатся фактовъ, провѣряя ихъ опытомъ другихъ. Они болѣе осторожны въ своихъ обобщеніяхъ, чѣмъ рационалисты: они предпочитаютъ открыто признать свое незнаніе, чѣмъ полагаться на апіорныя разсужденія, не провѣренныя опытомъ.

1) D. Hume, Treatise on human nature, b. III. III, 6.

2) 1. D. Hume, Inquiry, VIII. — D. Hume, Treatise . . .
b. II. III, 1—3, 5.

Психологическое направлѣніе англійской философіи продолжалось Ридомъ, Броуномъ, Джемсомъ Миллемъ, его сыномъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ и наконецъ А. Бэномъ¹⁾. Этотъ рядъ философовъ, опираясь на данныя самонаблюденія и на психологическіе анализы, медленно, но послѣдовательно обогащаль эмпирическую психологію, разрабатывая въ то же время и вопросы гносеологіи²⁾. Вліяніе этого направлѣнія отразилось и на материкѣ. Локкъ и Юмъ пользовались широкой извѣстностью и во Франціи. *Кондильякъ* (1715—1780) въ началѣ своей авторской дѣятельности стоялъ на точкѣ зрѣнія Локка; только въ послѣдствіи (въ своемъ знаменитомъ произведеніи *Traité de sensation*, 1754 года) онъ покидаетъ принципы Локка относительно „рефлексіи“, т. е. внутренняго чувства, и возвращается къ старымъ взглядамъ Гассенди и Гоббса, сводя всѣ человѣческія способности къ ощущеніямъ.

И въ Германію проникли взгляды Локка и Юма. Великій *Лейбницъ*, долго относившійся съ пренебреженіемъ къ Локковой философіи, подъ старость познакомился съ его знаменитымъ изслѣдованіемъ относительно человѣческаго ума; вслѣдствіе этого Лейбницъ написалъ свое обширное полемическое сочиненіе „*Nouveaux essais sur l'entendement humain*“, направленное противъ Локка, (хотя имени его онъ въ немъ ни разу не упоминаетъ³⁾). Въ немъ Лейбницъ старается отстоять раціо-

1) А. Бэнь по этому поводу говоритъ: „Изученіе умственныхъ способностей дастъ намъ элементы теоріи познанія, его границъ и природы“. A. Bain, *The Sens and Intellect* II. p.

2) Правда, эти мыслители слишкомъ увлекаются ассоціативной теоріей: нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Джемсъ Милль, какъ и многіе изъ современныхъ психо-физиковъ, стараются объяснить ею всѣ душевные процессы. Но это преувеличенное значеніе означенной теоріи не уничтожаетъ цѣнности всего добытаго эмпирическимъ путемъ матеріала внутренняго опыта.

3) Окончилъ Лейбницъ это произведеніе въ годъ смерти Локка (1704); но вышло оно въ свѣтъ впервые на 49 году послѣ смерти Лейбница, а именно 1765 года, въ изданіи Raspe сочиненій Лейбница, писанныхъ имъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ.

нализмъ, признавая впрочемъ и опытыя истины. „Нѣмецкій рационализмъ (до Лейбница включительно), какъ это отмѣчаетъ и Паульсенъ, содержалъ въ себѣ зародышъ разложенія: въ его принципѣ были соединены внѣшнимъ образомъ противорѣчающія направленія эмпиризма и чистаго рационализма“¹⁾. „Время между Лейбницомъ и Кантомъ относительно обработки гносеологии въ Германіи, по словамъ того же Паульсена — пустое пространство“²⁾. „Ламбертъ (1728—1777; совѣтами и взглядами его пользовался Кантъ) въ своемъ „Новомъ Органонѣ“ подражаетъ Локку, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытается осуществить идею Лейбница о всеобщей наукѣ“³⁾. Тэтэнсъ, писавшій по примѣру Локка опыты о человѣческой природѣ, съ психологической стороны можетъ быть признанъ „истиннымъ предшественникомъ и даже двойникомъ Канта на нѣмецкой землѣ“⁴⁾. На долю Канта выпала нелегкая задача примирить въ своей теоріи познанія и англійскій эмпиризмъ, и крайній рационализмъ картезианцевъ⁵⁾.

1) Paulsen, Entwicklungsgeschichte der Kantischen Erkenntnistheorie, Leipzig 1875. S. 23.

2) *ibid.*

3) Paulsen, *op. cit.* S. 26, 27.

4) A. Riehl, Philos. Criticismus I. Bd. 1876. S. 187. Правда, Риль психологическую точку зрѣнія въ гносеологии считаетъ предразсудкомъ и настоящей заслугой Канта считаетъ то, что онъ впоследствии отъ нея будто бы отдѣлался: но все же онъ признаетъ тотъ фактъ, что Ламбертъ и Тэтэнсъ — предшественники критицизма въ Германіи, хотя само это названіе введено только Кантомъ. (*op. cit.* pag. 174).

5) Насколько это ему удалось, или скорѣе не удалось, изложеніе этого не входитъ въ мою задачу. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ философіи проф. Виндельбандъ, — онъ же горячій защитникъ Кантова критицизма — говоритъ: „Ученіе Канта есть 1) рационализмъ, поскольку оно утверждаетъ и обосновываетъ апіорное познаніе, связанное съ формами человѣческаго духа; 2) оно есть эмпиризмъ, поскольку оно ограничиваетъ это познаніе только опытомъ и данными въ немъ явленіями; 3) оно есть идеализмъ, поскольку оно утверждаетъ, что мы познаемъ только нашъ міръ представленій; 4) оно есть реализмъ, утверждая, что этотъ нашъ міръ представленій есть міръ явленій, т. е. воспріятіе нашимъ духомъ дѣйствительно суще-

IV.

Кантъ (1724—1804), какъ извѣстно, въ началѣ своей академической и ученой дѣятельности стоялъ на точкѣ зрѣнія Лейбнице-Вольфианскаго рационализма. Затѣмъ онъ повернулъ въ сторону англійскаго эмпиризма; 1762 года онъ рѣшительно стоитъ на точкѣ зрѣнія Юма, побаривая рационализмъ. Въ своемъ „Опытѣ ввести въ міровую мудрость понятіе отрицательныхъ величинъ“ (1763 г.) Кантъ почти дословно воспроизводитъ взгляды Юма¹⁾. Лучшій біографъ Канта, его ученикъ Боровскій, передаетъ, что Кантъ уже въ срединѣ 50-хъ годовъ былъ знакомъ съ философіей Юма, котораго высоко цѣнилъ²⁾.

ствующаго міра, хотя и не конія его. Ученіе Канта обнимаетъ всѣ эти характерныя черты, въ видѣ трансцендентальнаго феноменализма...“ (Windelband, *Gesch. d. neueren Philos.* L. 1880, II. Bd. S. 78).

На этомъ многостороннемъ эклектицизмѣ главнымъ образомъ основывается популярность „трансцендентальной“ философіи Канта: въ ней каждое направленіе могло найти точку опоры.

1) Paulsen, *op. cit.* pag. 49.

2) *ibid.* p. 44. Сомнѣніе Паульсена относ. точности передачи Боровскимъ годовъ неосновательно: студенческіе годы и ихъ впечатлѣнія помнятся до глубокой старости. Если-бы мы въ этомъ стали сомнѣваться, то пришлось бы отвергнуть всѣ автобіографіи и мемуары, писанныя на старости лѣтъ. Такъ же неосновательно мнѣніе Паульсена, высказанное впрочемъ нерѣшительно, будто Кантъ и независимо отъ англійской философіи могъ дойти до своего эмпиризма. (См. стр. 73—80 цитированнаго соч.). Паульсенъ приводитъ для мотивировки этого мнѣнія то соображеніе, что Кантъ одновременно удержалъ нѣкоторые взгляды прежней рационалистической метафизики относ. *essentiae*; а это-де „невозможно для человѣка, который серіозно изслѣдовалъ англійскія воззрѣнія и

Вліяніе Юма на Канта внѣ всякаго сомнѣнія¹⁾. На какіе годы распространяется это вліяніе, довольно трудно опредѣлить въ точности. Но въ своей диссертациі „*De mundi seusibilis . . .*“, опубликованной 1770 года, Кантъ уже измѣнилъ Юму. Уже въ этой диссертациі скаывается вліяніе на Канта Лейбницевыхъ „*Nouveaux essais . . .*“²⁾. Но самое глубокое вліяніе на Канта имѣла философія Рида, основанная на „здравомъ смыслѣ“, которая пыталась побороть идеализмъ Беркли и „скептицизмъ“ Юма³⁾. Пре-

испыталь ихъ воздѣйствіе“. Можно допустить, что Кантъ не серьезно изслѣдовалъ англійскія воззрѣнія, или что ихъ воздѣйствіе не достаточно было глубоко — прочной памятью онъ вообще не отличался. Но сообщеніе Боровскаго заслуживаетъ довѣрія, — и по другой причинѣ: 1756 вышелъ нѣмецкій переводъ Юмовыхъ „*Essays*“, на которые К. долженъ былъ обратить вниманіе. (См.: Riehl, *Philos. Criticismus* 1876. I. B. S. 223.)

1) Самъ Кантъ, вопреки своему обыкновенію не цитировать источниковъ и авторовъ, имъ использованныхъ, признаетъ за Юмомъ заслугу въ томъ, что Юмъ „зажегъ въ немъ искру, пробудившую его изъ догматическаго сна“. Взгляды Юма Кантъ до того себѣ усвоилъ, что ихъ считаетъ своими, а новая терминологія Канта долго скрывала ихъ настоящаго автора. То же можно сказать о заимствованіяхъ у Лейбница, Беркли, Ламберта и Крузіуса. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ упоминаются Кантомъ (и то рѣдко), когда онъ полемизируетъ съ ними. Тэтэнса Кантъ не упоминаетъ въ своей Критикѣ ч. р., хотя намъ доподлинно извѣстно, что К. гносеологическое сочиненіе Тэтэнса высоко цѣнилъ и постоянно держалъ открытымъ на своемъ столѣ. (См.: A. Riehl, *Philos. Critic.* I. Bd. S. 187.)

2) См. Paulsen, *op. cit.* pag. 145. и H. Vaihinger, *Kommentar zu Kants Kritik d. r. V.* I. Bd. S. 157.

3) Сочиненіе Рида „*Inquiry into the Human Mind . . .*“ вышло 1764 года и надѣлало въ то время много шума. Взгляды Рида Кантъ усвоилъ себѣ вполне. Въ своей „Критикѣ чистаго разума“ онъ ихъ воспроизводитъ даже до мелочей, впрочемъ, не указывая использованнаго источника. Замѣчательно, что это самое крупное заимствованіе Канта у англійскихъ предшественниковъ „Критицизма“ единогласно замалчивается нѣмецкими историками философіи. Этотъ фактъ, былъ отмѣченъ еще покойнымъ проф. М. Троицкимъ, который философію Рида считаетъ „благороднѣйшимъ прототипомъ философіи Канта и его школы.“ (М. Троицкій, *Нѣмецкая психологія* М. 1867 стр. 324.) По словамъ этого даровитаго и добросовѣстнаго ученаго, всякій „кто хочетъ проникнуть

емственность критической философии Канта с английской философией не подлежит сомнению, какъ ни старались ее затереть нѣмецкіе философы, вполне довѣрившіе самому Канту¹⁾. Глубокомысленный кенигсбергскій философъ, какъ извѣстно, въ предисловіи ко 2. изданію своей Критики чист. разума сравниваетъ себя съ Коперникомъ, открыв-

въ непроходимый мракъ этой философии (т. е. Канта), тотъ долженъ обратиться къ Риду, простому, ясному и часто элегантному оригиналу Канта“. (Тамъ же). Общія черты, взятая Кантомъ изъ Рида, проф. М. Троицкій группируютъ слѣдующимъ образомъ: „Кантъ такъ же, какъ Ридъ, не понимаетъ теоріи ассоціаціи Юма, и толкуетъ ее по руководству Рида, существенно въ тѣхъ же словахъ. — Кантъ усвояетъ листъ первичныхъ, независимыхъ или непронзводныхъ операцій, или способностей духа, предложенный Ридомъ. — Кантъ усвояетъ всѣ важнѣйшія „универсальныя и необходимыя начала“ Рида, и именно въ томъ же самомъ смыслѣ.“ (Тамъ же). Далѣе проф. Троицкій говоритъ: „Кто сравнитъ, хоть сь нашимъ краткимъ очеркомъ философии Рида, состоящимъ, впрочемъ, почти изъ подлинныхъ словъ самаго автора, напр. теорію пространства и времени, теорію практическаго „разума“, теорію эстетическихъ и телеологическихъ сужденій у Канта и у Рида, тотъ подивится, до какихъ мелочей доходило заимствованіе Канта изъ Рида.“ (Тоже соч. стр. 395). Затѣмъ замѣчаетъ М. Троицкій: „Мы отнюдь не стали бы такъ долго останавливаться на этомъ сравненіи Канта сь Ридомъ, еслибы нѣмецкіе излагатели философии Канта не были такъ настойчивы въ превозношеніи ея необыкновенной оригинальности и не обходили такъ согласно и такимъ подозрительнымъ молчаніемъ Рида, о дѣлѣ котораго не могъ не упомянуть однако и самъ Кантъ.“ (Тамъ же). Такъ писалъ М. Троицкій до 1867 года, когда для философии Канта еще не были открыты ни особые журналы, ни особыя кафедры. Теперь изученіе Канта вытѣснило въ Германіи на задній планъ всѣ философскія системы; однако отношеніе къ Канту нѣмецкихъ историковъ философии осталось то же — то же замалчиваніе Рида, то же превозношеніе оригинальности Кантова „Критицизма“. Такъ напр., Риль въ своемъ объемистомъ произведеніи „О философскомъ критицизмѣ“, изданномъ за время сь 1876 по 1887 годъ и занимающемъ не менѣе 1120 страницъ, въ числѣ предшественниковъ Канта о Ридѣ не обмолвился ни словечкомъ, между тѣмъ какъ Ламбертъ и Тѣтенсъ удостоены 28 страницъ. (См. А. Riehl, Der philos. Kriticismus I. Bd. S. 174—201).

1) Впрочемъ, Риль признаетъ тотъ фактъ, что Критицизмъ беретъ свое начало отъ Локка, хотя и не признаетъ прямого вліянія его на Канта. (А. Riehl, Philos. Kriticismus 1876, I. B. S. 222). Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Риль отдаетъ должное Локку, счи-

шимъ новую точку зрѣнія¹⁾. На самомъ дѣлѣ Кантъ не открылъ новой точки зрѣнія²⁾; онъ только пытался пойти дальше своихъ предшественниковъ по проложенному ими пути. Правда, у него ихъ воззрѣнія порой замаскированы довольно неуклюжей, непослѣдовательной и сбивчивой терминологіей³⁾. Тѣмъ не менѣе преемственность его капитальнаго произведенія „Критики чистаго разума“, съ англійской философіей видна изъ слѣдующаго. 1) Предметъ изслѣдованія — познавательныя способности человѣка — тотъ же, что у Локка, Беркли, Юма, и Рида. 2) Взглядъ Канта на цѣль и значеніе этого изслѣдованія, (а именно, что оно должно предшествовать всякой философіи, опредѣливъ предварительно источники, предѣлы и достовѣрность человѣческаго познанія) совсѣмъ не оригиналенъ. Онъ еще съ большей рѣшительностью былъ высказанъ уже Локкомъ; затѣмъ признавали его и преемники Локка Беркли и Юмъ; но считали излишнимъ повторять то, что уже проникло въ сознаніе просвѣщеннаго англійскаго общества. 3) Методъ изслѣдованія у Канта только на половину иной — но-

тая его истиннымъ родоначальникомъ Критицизма. (См. A. Riehl, Zur Einführung in d. Philos. d. Gegenw. 1903. S. 72—74.) Элементы критицизма Риль отмѣчаетъ еще въ древней греч. философіи: у Элейцевъ, у Демокрита, у Платона. (См.: Philos. Critic. 1876. I. Bd. S. 3 и 4.) Но о философіи Рида хранить полное молчаніе.

1) Kant, Kritik d. rein. Vern. 2. Aufl. S. 16 u. 17.

„ в рус. пер. Н. М. Соколова СПб. 1902. стр. 10.

2) Ср: Люнсъ, Ист. филос. стр. 662.

3) Относительно сбивчивости Кантовой терминологіи еще Шопенгауеръ, многое заимствовавшій у Канта и высоко его почитавшій, отмѣтилъ, что Кантъ даже понятіе „разума“, которое входитъ въ заглавіе его главнаго сочиненія „не сумѣлъ ни разу порядочно и удовлетворительно опредѣлить“. Въ его „Критикѣ чистаго разума“ Шоп. отмѣчаетъ семь различныхъ опредѣленій самаго разума. (Schopenhauer, Kritik d. Kantischen Philos., Anhang z. Werke „Die Welt als Wille u. Vorstellung.“ Ausg. Reclam jun. S. 552 u 553). Къ нимъ можно присоединить еще восьмое опредѣленіе, незамѣченное Шопенгауэромъ (Kant, Krit. d. r. V. I. Aufl. S. 44, изд. Reclam S. 504). Еще точнѣе изучилъ и отмѣтилъ непослѣдовательность и противорѣчивость Кантовой терминологіи Файхингеръ. (См.: H. Vaihinger, Kommentar zu Kants Kritik d. r. V. II. Bd. Einleitung).

вый. Разница между Кантомъ и англійскими философами бросается въ глаза относительно способа изложенія. Англійскіе предшественники Канта и въ своемъ изложеніи придерживаются метода аналитическаго, индуктивнаго: у нихъ обыкновенно приводятся конкретные факты человѣческаго сознанія, которые ими анализируются, и только на основаніи подобныхъ анализовъ дѣлаются выводы и обобщенія. Вслѣдствіе этого ихъ изложеніе отличается ясностью; у Канта же весьма рѣдко попадаются конкретные примѣры ¹⁾, — и тѣ большей частью неудачны; психологическихъ анализовъ тоже весьма мало; ихъ изложеніе чрезвычайно туманно даже тамъ, гдѣ оно соответствуетъ дѣйствительности ²⁾. Кантъ больше разсуждаетъ а

1) Самъ Кантъ высказываетъ по этому поводу свое сожалѣніе въ предисловіи къ 1 изд. Критики ч. р. (A 11—12, R 9).

2) Самая оригинальная часть его Критики чистаго разума и, на мой взглядъ, самая цѣнная съ точки зрѣнія психологическихъ анализовъ — это его „Трансцендентальная дедукція категорій“, надъ которой Кантъ, больше всего потрудился. Но изложеніе этого вопроса такъ туманно и сбивчиво, что оно долго ускользало отъ вниманія историковъ и толкователей Канта. (См.: Kant, Kritik d. r. V. I. „Transcendentale Elementarlehre“, II. Theil, I. Abtheilung, I. Buch. II. Hauptstück „Von der Deduction der reinen Verstandesbegriffe“ 2. Abschnitt, § 13). Въ новѣйшее время въ ней лучшіе изслѣдователи Кантова критицизма отмѣчаютъ нѣсколько разрозненныхъ, органически не связанныхъ и даже несогласныхъ между собою частей. Риль по этому поводу говоритъ: „Дедукція не менѣе трехъ разъ съ различныхъ сторонъ подвергается обработкѣ“. (См.: Riehl, Philos. Criticismus, 1876, I. 377). Два года послѣ Рилия, Бэнно Эрдманъ отмѣчаетъ: „Ходъ доказательствъ въ „Дедукціи“ не представляетъ собою непрерывнаго ряда, а четырехкратное повтореніе одной и той же аргументаціи“. Въ его изданіи „Пролегомень Канта“ Б. Эрдманъ указываетъ на противорѣчія между этими различными изложеніями (См.: Erdmann, Einleitung IV—V, XXXII—XXXIX и LXXIX). Одиннадцать лѣтъ послѣ этого Адикесъ подвергъ Дедукцію подробному расчлененію; въ ней онъ различаетъ не менѣе семи различныхъ дедукцій со столькими же различными варіаціями; въ нихъ онъ сверхъ того обнаруживаетъ вставки изъ другихъ, а въ этихъ новыя вставки для связи различныхъ изложеній (См. Adickes, Kant's Kritik d. r. V. 1889, S. 139, 653—684). Наконецъ, послѣ Адикеса этотъ вопросъ изслѣдовалъ лучшій знатокъ Кантовой философіи Гансъ Файхингеръ, который въ Дедукціи Канта различаетъ

рїогі, скрываая отъ читателя тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до своихъ обнихъ положеній и выводовъ въ теченіе 15-и-лѣтней умственной подготовительной работы, предшествовавшей появленію его Критики чистаго разума¹⁾.

Относительно метода Кантовой критики чист. раз. ея толкователи и до сихъ поръ еще расходятся во мнѣніяхъ; поэтому я останавлюсь нѣсколько дольше на этомъ вопросѣ²⁾.

Въ данномъ вопросѣ затрудняетъ правильность взгляда само сочиненіе Канта: въ немъ весьма замѣтно колебаніе во взглядахъ самого автора не только въ разныхъ его изданіяхъ, (1-омъ и 2-омъ) но даже въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаются взгляды противорѣчивые; иритомъ многое изложено неясно,

четыре слоя по ихъ хронологическому порядку, разбитые въ перемежку. См.: Hans Vaihinger, Die transcend. Deduktion d. Kategorien, 1902. S. 29—35.

1) Самъ Кантъ въ своемъ предисловіи къ Критикѣ чистаго разума заявляетъ, что онъ надъ ней трудился не меньше двѣнадцати лѣтъ. Но Файхингеръ документально доказываетъ, что Кантъ уже въ 1765 и 1766 годахъ предполагалъ издать сочиненіе, названное имъ „Критикой разума“, и что обработка этой первой его „Критики“ была приостановлена появленіемъ Лейбницевыхъ „Nouveaux essais. . .“ (См. Н. Vaihinger, op. cit. I. pag. 157).

2) Считаю нужнымъ оговориться, что я вовсе не имѣю въ виду разрѣшить этотъ спорный, хотя на мой взглядъ, нетрудный вопросъ, въ которомъ не могутъ разобраться современные философы Германіи. Для этой цѣли нужно было бы написать нѣсколько томовъ, и притомъ человѣку авторитетному; да и въ такомъ случаѣ результатъ такого сочиненія нельзя было бы съ увѣренностью предвидѣть: въ философіи еще не скоро отрѣшатся ея представители отъ субъективныхъ точекъ зрѣнія, отъ національныхъ традицій и отчасти даже отъ господствующихъ вкусовъ и общественныхъ теченій. Быть можетъ, приводимыя мною разъясненія уже были кѣмъ-нибудь и раньше высказаны: литература о Кантовой Критикѣ ч. р. чрезвычайно разрослась. Послѣ объединенія Германіи и основанія въ завоеванномъ Эльзасѣ Страсбургскаго нѣмецкаго университета (своимъ великолѣпнѣмъ превосходящаго всѣ германскіе университеты) — въ особенности же послѣ національнаго праздника столѣтняго юбилея знаменитаго произведенія Канта — литература о немъ до того разрослась, что для полнаго ознакомленія съ нею навѣрно не хватило бы и цѣлой человѣческой жизни. Не имѣя возможности исполнить это, я все же осмѣливаюсь сообщить мимоходомъ свои соображенія и разъясненія.

терминологія сбивчива, непослѣдовательна. Все это съ одной стороны затрудняетъ правильное пониманіе сочиненія; а съ другой даетъ возможность критикамъ ссылаться то на одни, то на другія мѣста, между собою несогласныя. По этому поводу Виндельбандъ, авторитетный историкъ философій, Страсбургскій профессоръ, высоко цѣнящій заслуги Канта, *per litotem* говоритъ слѣдующее: „Въ интересѣ рѣшенія вопроса о сути метода Кантовой Критики чист. разума нужно сожалѣть, что собственное ученіе Канта не вышло единымъ (*eindeutig*) и строго онредѣленнымъ: этому содѣйствуетъ и общая трудность затронутыхъ имъ проблемъ, и эластичность (*sic!*) изложенія, и чрезвычайно сложная обработка разнообразныхъ, отчасти противоположныхъ, теченій мыслей (*Gedankengänge*), и неувѣренность терминологіи, находящейся въ стадіи формировація *im Werden begriffen*“¹⁾.

Прежде всего споренъ между философами вопросъ о томъ, что Кантъ имѣлъ въ виду написать иодъ заглавіемъ „Критики ч. р.“: теорію ли познанія или логику, или же, какъ Виндельбандъ полагаетъ „трактатъ о методѣ“²⁾. Далѣе, и что нашей темы непосредственно касается, спорнымъ остался вопросъ относительно метода Кантовой Критики ч. р. --- долженъ ли онъ быть психологическимъ, какъ то предполагали еще Фришъ и Герbartъ³⁾, или же онъ не есть и не долженъ быть таковымъ. Что касается послѣдняго вопроса, то онъ находится въ зависимости отъ рѣшенія перваго. А именно, если Кантъ предполагалъ написать логику, то ему не зачѣмъ вдаваться въ психологическіе анализы, такъ какъ — де „логика разсматриваетъ законы (или условія) истиннаго мышленія

1) *Windelband, Prähudien* 1884. S. 247.

2) *ibid.* Виндельбандъ, очевидно, принимаетъ на вѣру слова самаго Канта, сказанныя имъ въ предисловіи ко 2 изданно (B. 22 и 23, R. 21). „*Sie (Kritik d. r. V.) ist ein Tractat von der Methode, nicht ein System der Wissenschaft selbst*“.

3) *Hebart, Allgem. Metaphysik, Königsb.* 1828, I. Th. S. 74—76; 87—92; 243—247. *Fries, Neue Kritik d. Vern.* 1828. *Riehl, Der philos. Kriticismus* I. Bd. 1876. S. 294—299.

„дающаго достовѣрныя и общеобязательныя положенія“; она разсматриваетъ готовыя умственныя операція (сужденія), и ей нѣтъ дѣла до изслѣдованія того длиннаго ряда процессовъ, которымъ мыслящій субъектъ дошелъ до своихъ определенныхъ сужденій. Логика устанавливаетъ только „нормы (правила или требованія) истиннаго мышленія“ (въ особенности же умозаключеній); „соблюденіе ея правилъ гарантируетъ только формальную правильность (formale Richtigkeit); она не входитъ въ содержаніе понятій, изъ которыхъ составляются сужденія; она не разсматриваетъ достовѣрности предположеній, отъ которыхъ исходитъ мышленіе“. Такъ опредѣляетъ предметъ и задачи логики проф. Зигвартъ, стоящій на точкѣ зрѣнія Кантова критицизма¹⁾. Что касается такой „формальной логики“, то ея изложеніе до извѣстной степени можетъ обойтись безъ самонаблюденія и психологическихъ анализовъ, если авторъ увѣренъ, что читатель приметъ на вѣру всѣ преподанныя „нормы“²⁾. Однако тутъ же навязывается вопросъ: возможно ли было бы составить подобную логику, додуматься до ея нормъ, не углубляясь въ свои умственные процессы, въ свои сужденія и умозаключенія и не провѣряя ихъ истинность какимъ-нибудь критеріемъ, который на первыхъ ступеняхъ мышленія могъ быть и полусознательнымъ?³⁾ Впрочемъ, допустимъ даже, что формаль-

1) См. Sigwart, Logik 1873. I. Bd. S. 1—14.

2) Однако самъ Зигвартъ все же нѣсколько параграфовъ удѣляетъ разсмотрѣнію „представленій и словъ, входящихъ, какъ элементы въ сужденіе (ib. § 6, 7 и 8). Равнымъ образомъ цѣлый отдѣлъ онъ отводитъ разсмотрѣнію понятій и ихъ анализу (ib. § 40—43). То же дѣлаютъ въ гораздо большей мѣрѣ Бэнъ, Милль и Ибервегъ. Послѣдній удѣляетъ цѣлый отдѣлъ воспріятіямъ, особый отдѣлъ представленіямъ, и особый понятіямъ, такъ что всѣ эти подготовительные отдѣлы, связующіе логику съ психологіей, у него занимаютъ 70 страницъ. (См.: Ueberweg, System der Logik, 1882, S. 95—165).

3) И чужія сужденія, выраженныя общепринятыми символами — зрительными знаками (письмомъ) или же звуками человѣч. рѣчи (словами), все же становятся при ихъ воспріятіи и обсужденіи собственными сознательными душевными процессами разсуждающаго субъекта.

ная логика могла бы возникнуть безъ самонаблюдений, безъ психологическихъ элементовъ. Спрашивается далѣе, представляетъ ли Кр. ч. р. подобную логику въ смыслѣ Зигварта или другихъ авторовъ логики? За отвѣтомъ обратимся къ самой Критикѣ ч. р. Самъ Кантъ I. отдѣлъ своей Кр. подъ заглавіемъ „элементарнаго ученія“, (стр. 19—704. 1-го изд.) дѣлитъ на двѣ части: 1) на „трансцендентальную эстетику“, въ которой разсматриваетъ „чистыя воззрѣнія“ пространства и времени (стр. 19—49) и 2) на „трансцендентальную логику“ (стр. 50—704). Второй же отдѣлъ онъ озаглавилъ „трансцендентальнымъ ученіемъ о методѣ“ (стр. 706—856)¹⁾.

Трансц. эстетика „разъясняетъ“, — но не доказываетъ — что воззрѣнія пространства и времени — апіорны, не зависяція отъ опыта. Что же касается „трансц. логики“, то самъ Кантъ опредѣляетъ таковую, какъ „науку, которая устанавливаетъ происхожденіе, объемъ и объективную значимость (Gültigkeit) познаній а priori“²⁾. Изъ этого опредѣленія Канта явствуетъ, что его трансц. логика (и тр. эстетика, взятая вмѣстѣ) составляютъ только одну часть того, что разсматривали гносеологическія изслѣдованія Локка, Беркли, Юма: эти касались главнымъ образомъ эмпирическихъ предметовъ, но не отвергали и того, что Кантъ называетъ апіорной дѣятельностью разсудка и разума. Локкъ напр., разсматривалъ и вопросы: о пространствѣ, о времени, о силѣ, объ отношеніяхъ, о причинѣ, о субстанціяхъ, о сходствѣ, о тождествѣ и другихъ понятіяхъ, которые Кантъ называетъ апіорными

1) Сами эти заглавія не даютъ никакого представленія тому, кто впервые знакомится съ этой Кр.: слово „логика“ употреблено Кантомъ въ совѣмъ другомъ значеніи, чѣмъ онъ самъ его употреблялъ въ періодъ „докритическій“, въ иномъ, чѣмъ у Зигварта и въ другихъ логикахъ. Обычную логику Кантъ и въ своей Кр. ч. р. опредѣляетъ, какъ „науку о правилахъ разсудка“ (стр. 51 и 52, изд. Reclam 77); но самъ Кантъ излагаетъ „трансцендентальную логику“.

2) Кантъ, Кр. ч. р. 1-ое изд. стр. 57, изд. Reclam стр. 81. Въ дальнѣйшемъ я буду обозначать 1-ое изд. Кр. ч. р. буквой А, второе изд. буквой В; а издание Reclam'a — буквой R.]

элементами познанія. Это признаетъ и Риль¹⁾; онъ видитъ главное различіе и заслугу Канта по сравненію съ его англійскими предшественниками въ его „оригинальномъ“ методѣ²⁾. Самъ Риль утверждаетъ безъ малѣйшаго колебанія, что Критика ч. р. Канта есть „логика, глубоко заложенная и дополненная теоріей чувственнаго познанія“; однако пятью строками ниже тотъ же Риль утверждаетъ слѣдующее: „Критика Канта есть критика метафизической логики, дающей рѣшенія надъ вещами изъ чистыхъ понятій“. (Kants Kritik ist Kritik der metaphysischen, über Dinge aus reinen Begriffen entscheidenden Logik³⁾).

Согласовать эти два мнѣнія Рили о томъ же предметѣ — Критикѣ ч. р. я не берусь. Съ одной стороны она есть логика; съ другой — она сть „критика метафизической логики“. Какъ бы то ни было, но и самъ Риль признаетъ, что „Логика“ Канта „дополнена теоріей чувственнаго познанія“, и что дѣленіе Кантовой Кр. ч. р. (правда, „subsidiäre“) „сдѣлано согласно школьному обычаю Вольфа по психологическимъ родовымъ названіямъ“⁴⁾. Но Кантъ не только дѣленіе своей трансц. логики сдѣлалъ по психологическимъ родовымъ названіямъ (Classennamen); онъ постоянно опредѣляетъ и эти психологическія названія и разсматриваетъ познавательную дѣятельность души и съ психологической стороны, хотя и не совсѣмъ удачно и вѣрно. Такъ напр. еще

1) Риль говоритъ: „Die Absicht Lockes mit seiner Kritik des Verstandes ist keine andere als die Absicht Kants“. „Es war keineswegs die Meinung Lockes alles Angeborene des Geistes zu leugnen“. „Nach Locke ist der Geist in gewissem Sinne sich selbst angeboren“. „Äussere und innere Wahrnehmung liefern den Stoff zu allen Ideen. . . Alle zusammengesetzten Ideen entstehen durch die Operationen des Geistes“. Существенной разницы съ ученіемъ Кр. ч. р. Канта, очевидно, не имѣется въ ученіи Локка. (См.: A. Riehl, Z. Einf. in die Philos. der Gegenw. 1903, S. 74 и 75 и слѣд.).

2) См.: 1) Riehl, D. Philos. Critic. I. Bd. S. 203.

2) „ Z. Einf. in die Philos. d. Gegenw. S. 74—85.

3) Riehl, Philos. Critic. I. Bd. S. 300.

4) Riehl, Philos. Critic. I. Bd. loco cit.

Шопенгауэръ отмѣтилъ въ Кр. ч. р. семь опредѣленій разума и столько же — дѣятельности разсудка (Verstand¹). Къ послѣднимъ я могу присоединить еще другія пять, которыя Шопенгауэръ не упоминаетъ²). Изъ этихъ 12 опредѣленій нѣкоторыя прямо противорѣчатъ другъ другу, какъ это отмѣчено еще Шопенгауэромъ³). — Кантъ разсматриваетъ: и чувственность, и воспріятія, и ошущенія, и воображеніе, и апперцепцію, и синтетическое единство апперцепціи (самосознаніе) Все это — предметы, которыми не занимается логика⁴). Уже изъ этихъ немногихъ данныхъ видно, что Кантъ не игнорировалъ психологію и что онъ не имѣлъ въ виду въ своей Кр. написать одну только „формальную логику“ въ обычномъ ея значеніи до Канта, а тѣмъ менѣе онъ предполагалъ дать логику въ смыслѣ Зигварта и новѣйшихъ логикъ, написанныхъ послѣ Канта. Самъ Кантъ говоритъ: „Въ трансцендентальной логикѣ мы изолируемъ разсудокъ (Verstand) и выдѣляемъ изъ нашего нознанія только ту часть мышленія, кото-

1) Schopenhauer, Kritik der Kantischen Philos. изд. Reclam S. 553.

2) Эти опредѣленія, или скорѣе разъясненія слѣдующія:

a. „Verstand ist das Vermögen den Gegenstand sinnlicher Anschauung zu denken“ (A. 302, R. 77).

b. „Verstand selbst ist nichis weiter, als das Vermögen a priori zu verbinden und das Mannigfaltige gegebener Vorstellungen unter die Einheit der Apperception zu bringen“ (B. 134, R. 661). Почти то же опредѣленіе встрѣчается B. 153, R. 673.

c. „Die Einheit der Apperception in Beziehung auf die Synthesen der Einbildungskraft ist der Verstand“. (A. 118—119, R. 129).

d. „Der Verstand ist selbst der Quell der Naturgesetze und mithin der formalen Einheit der Natur“. (A. 127, R. 135).

e. „Der Verstand für sich erkennt gar nichts, sondern verbindet und ordnet nur den Stoff zum Erkenntniss, die Anschauung, die ihm durch das Objekt gegeben werden muss“. (B. 146, R. 668). Всѣ маркировки принадлежатъ не Канту, а мнѣ.

3) Schopenhauer, op. cit. S. 554.

4) A. 19 (R. 48), A. 111 (R. 124), A. 107—108 (R. 121—122), A. 319—320 (R. 278) B. 162 (R. 679), A. 320 (R. 278); A. 120 (R. 130), B. 151—152 (R. 672); B. 132 (R. 659), B. 139 (R. 664), B. 157 (R. 676). Здѣсь я привелъ только главныя мѣста; но этихъ вопросовъ Кантъ касается и въ другихъ мѣстахъ.

рая имѣть свое происхожденіе (Ursprung) только въ разсудкѣ“¹⁾. Далѣе продолжаетъ Кантъ: „Примѣненіе этого чистаго познанія основывается на томъ условіи, чтобы намъ были даны предметы въ воззрѣніи, [по новѣйшей терминологіи „воспріятія“] къ которымъ можно было бы примѣнять его т. е. чистое познаніе. Дѣло въ томъ, поясняетъ Кантъ, что безъ воззрѣнія недостаетъ всему нашему познанію объектовъ, и оно остается тогда совершенно пустымъ... оно лишается содержанія... стало бытъ — всякой истинности“²⁾. Это свое положеніе Кантъ повторяетъ неоднократно: въ немъ и состоитъ примирительная роль между старымъ раціонализмомъ и новымъ эмпиризмомъ, ложно понятымъ французскими сенсуалистами.

Уже это одно положеніе Канта достаточно доказываетъ, что его „трансц. логика“ не можетъ игнорировать ни „происхожденіе мышленія“, ни предметы въ воззрѣніи, (воспріятія). Кантъ, очевидно, имѣлъ въ виду изложить тотъ же предметъ, что и Локкъ, только съ другой точки зрѣнія; онъ, по примѣру Рида, хотѣлъ выдѣлить и расчленить апріорные элемента познающаго духа, показывая ихъ дѣятельное участіе въ образованіи нашего познанія. Поэтому большинство неокантіанцевъ считаютъ Кр. ч. р. не формальной логикой, а сочиненіемъ по теоріи познанія (иные ее называютъ теоріей опыта). Но почти всѣ неокантіанцы согласны въ томъ, что методъ Канта оригиналенъ и не психологическій³⁾. Къ такому

1) Kant, Kr. d. r. V. (A. 62, R. 84). Уже сами выраженія „изолировать разсудокъ“, „выдѣленіе мышленія“ и въ особенности „происхожденіе мышленія“ указываютъ на умственные операціи, которыя невозможны безъ психологическихъ анализовъ.

2) *ibid.* Ср. также A. 246, R. 229.

3) Этого же взгляда придерживаются и наши современные русскіе философы. Недавно въ этомъ же смыслѣ написалъ рядъ статей проф. Челпановъ. (См.: Вопросы филос. 1903. кн. 66. 67. 68).

мнѣнію подалъ поводъ самъ Кантъ. Въ своей Кр. ч. р. Кантъ заявляетъ, что онъ даетъ „трансцендентальное“ изслѣдованіе, оставляя въ сторонѣ психологическое, такъ какъ это имѣетъ характеръ эмпирической, слѣдовательно лишено признака необходимости и общеобязательности¹⁾. Однако такое заявленіе Канта свидѣлствуетъ только о его желаніи дать новое обоснованіе познаніямъ „необходимымъ“, общеобязательнымъ для всѣхъ людей. Онъ предполагалъ, согласно съ Декартомъ и Лейбницомъ, что оно коренится въ апіорныхъ элементахъ человѣческаго познанія (по Лейбницу въ „вѣчныхъ истинахъ“); но доказать это Кантъ тщился новымъ аргументомъ, а именно, что безъ такихъ элементовъ невозможно даже опытное познаніе, каковое существуетъ на дѣлѣ. Что его намѣреніе нужно считать неудавшимся, видно отчасти изъ приведенныхъ выше данныхъ: самъ Кантъ все же счелъ нужнымъ вдаваться и въ психологическіе разьясненія и выкладки — правда не глубокіе и не безгрѣшные. Даже въ своемъ опредѣленіи „трансцендентальнаго“ познанія Кантъ не исключаетъ психологическихъ изслѣдованій. „Трансцендентальнымъ познаніемъ, по словамъ Канта, должно называться не всякое познаніе а ргіогі, а только такое, которымъ мы познаемъ: 1) что нѣкоторыя представленія — воззрѣнія или понятія — примѣняются исключительно а ргіогі, и 2) — способъ, какимъ это происходитъ, т. е. возможность познанія или же его примѣненія а ргіогі“²⁾. Итакъ самъ Кантъ включаетъ въ свое „трансцендентальное“ познаніе „способъ происхожденія“ познанія. (То же мы видѣли выше и въ опредѣленіи его „трансцендентальной логики“). А это не возможно сдѣлать безъ психологическихъ выкладокъ³⁾.

1) См. Riehl, Ber phil. Criticismus. I. Bd. S. 296—298.

2) А. 56—57, R. 80

3) Такъ же понималъ характеръ гносеологическаго изслѣдованія Канта и нашъ знаменитый философъ В. Соловьевъ. Онъ говоритъ по этому поводу: „Большинство всѣхъ темнотъ Критики

Между тѣмъ неокантіанцы настаиваютъ на томъ, что а priori у Канта обозначаетъ только логическія условія опыта или познанія; что оно ничего общаго не имѣетъ съ психологической пріорностью или врожденностью¹⁾. Нѣкоторые, выгораживая своего великаго учителя, доходятъ даже до того, что утверждаютъ, будто въ этомъ обусловливаніи опыта (познанія) апріорными понятіями „временное отношеніе не имѣетъ никакого рѣшающаго значенія“²⁾. Въ подобной точкѣ зрѣнія неокантіанцы и толкователи Канта видятъ „новое“ направленіе гносеологіи, независимое отъ психологіи — по ихъ мнѣнію гносеологія должна итти новымъ путемъ,

ч. р. вытекаетъ единственно изъ того обстоятельства, что Кантъ предпринимаетъ по существу своему психологическое изслѣдованіе безъ какой-бы то ни было специальной психологической предпосылки“. (См. Ф. А. Ланге, Исторія матеріализма, перев. подъ редакціей В. Соловьева т. II, примѣч. Соловьева № 23, стр. 353). Что темноты Критики ч. р. вытекаютъ „единственно“ изъ отсутствія у Канта психологическихъ предпосылокъ — въ этомъ я несогласенъ съ В. Соловьевымъ. Этому можно подыскать и другія причины, изъ коихъ нѣкоторые будутъ указаны мною въ дальнѣйшемъ изложеніи.

1) a) Cohen, Kants Theorie d. Erfahrung 2. Aufl. S. 255. — b) Riehl, op. cit. S. 299. — c) Windelband, Präludien S. 257. — d) Челпановъ, Психологія и теорія познанія, Вопр. филос. 1903 кн. 67. стр. 184.

2) На это я замѣчу слѣдующее. Это утвержденіе отчасти могло бы быть справедливымъ только относительно формальныхъ истинъ, которыя Кантъ называетъ „аналитическими сужденіями“, а также относительно математическихъ положеній геометріи и алгебры. Таковыя можно выразить въ формѣ гипотетической. Напр. въ теоремѣ: если въ треугольникѣ двѣ стороны равны, то равны и оба прилежащіе угла. Въ такихъ истинахъ, если ихъ разсматривать съ логической точки зрѣнія, время не играетъ никакой роли; его исключаютъ изъ сужденія, хотя одновременность этихъ соотношеній втихомолку предполагается: всякое сужденіе представляетъ единый актъ сознанія, и еслибы первая часть сужденія была забыта, когда были бы произнесены (или воспроизведены) слова второй части: то такой процессъ былъ бы механическимъ воспроизведеніемъ заученныхъ словъ, а не сознательнымъ сужденіемъ. Что же касается фактическихъ истинъ, то въ понятіи условія признакъ времени никакъ нельзя исключить. Тутъ всегда предполагается временное отношеніе — или одновременность условія съ обусловливаемымъ или же его предшествованіе.

не психологическимъ: въ этомъ-де состоитъ „великое“ открытіе Канта¹⁾. Однако при этомъ они совершенно упускаютъ изъ виду, что Кантъ свое *a priori* (а равно и „чистое“ познаніе) употребляетъ въ двухъ различныхъ значеніяхъ — и въ томъ, на которое ссылаются неокантіанцы, и въ другомъ значеніи. Еще Фолькельтъ и Файхингеръ указали въ Кантовой Критикѣ ч. р. и такія мѣста, въ которыхъ Кантъ подъ „*a priori*“ несомнѣнно подразумѣваетъ природность. Таковымъ оно между прочемъ въ I ч. I-го отд. т. е. въ „трансц. эстетикѣ“. Въ томъ же значеніи К. употребляетъ и терминъ „чистый“, напр. „чистое“ воззрѣніе, „чистое“ понятіе²⁾. То же признаетъ и Либманъ, находя въ Кантовомъ *a priori* оба значенія³⁾. Изъ этого видно, что самъ К. колебался не только въ употребленіи термина *a priori*, но и въ самомъ обоснованіи „необходимости и общеобязательности“ (или же, какъ онъ порой выражается, въ „объективности“) нашихъ познаній. Самъ Кантъ не могъ бы съ такой рѣшительностью отстаивать мнѣніе неокантіанцевъ по этому вопросу; онъ наравнѣ съ апріорными элементами познанія признаетъ и чувственность, за равноправное условіе познанія⁴⁾.

Однако примемъ на время мнѣніе неокантіанцевъ и рассмотримъ суть ихъ утвержденія. По ихъ мнѣнію, Кантъ своимъ „новымъ“ гносеологическимъ ученіемъ установилъ слѣдующее положеніе: наши познанія оттого бываютъ необходимы и общеобязательны, что они содержатъ въ себѣ апріорные элементы познанія, т. е. „необходимыя условія познанія“⁵⁾.

1) Windelband, Präludien S. 257.

2) Vaihinger, Commentar zu Kant's Kritik d. r. V. II. Bd. статья „A priori“; стр. 169.

3) G. Liebmann, Analysis der Wirklichkeit, 1876, S. 191—240.

4) A. 246, R. 229; A. 51, R. 77. „Die Kategorien haben ohne die Bedingung der sinnlichen Anschauung . . . keine Gültigkeit objektiver Begriffe. . .“ „Keine dieser Eigenschaften ist der anderen vorzuziehen.“

5) Ходъ разсужденій Канта по этому предмету я себѣ представляю приблизительно въ такомъ родѣ. Изъ изслѣдованій Юма Кантъ убѣдился, что фактическія истины, добываемыя эмпириче-

Аргументаціей неокантіанцевъ не много выиграла бы теорія познанія, если бы ихъ положеніе относительно а ріогі

скимъ путемъ, т. е. посредствомъ неполной индукціи, не даютъ логическаго убѣжденія въ ихъ необходимости. Между тѣмъ математика и недавнія открытія Ньютона, примѣнившаго математику къ космической физикѣ, давали Канту убѣжденіе въ „необходимости“ этихъ истинъ. Изъ этого легко можно сдѣлать выводъ, что познаніе „необходимое“ приобрѣтается не эмпирич. путемъ, но а ріогі въ смыслѣ Лейбница, (хотя логически не исключено и третье предположеніе, а именно: что истинъ необходимыхъ и общеобязательныхъ для всѣхъ разумныхъ существъ человѣческія познанія не представляютъ, что эта необходимость обязательна только для людей. Такого мнѣнія — Д. Ст. Милль, Спенсеръ и позитивисты.) Слѣдовательно, и познаніе природы, поскольку оно добывается а ріогі, можетъ дать истины, „необходимыя“. Это именно и утверждаетъ Кантъ; но онъ запутался, употребляя слова а ріогі въ двухъ значеніяхъ — и въ смыслѣ Лейбница, какъ вѣчныя истины и большей частью въ своемъ новомъ значеніи, какъ „необходимыя логическія условія“ опыта (познанія). Разсмотримъ теперь суть этого открытія, безъ всякихъ прикрасъ. Оно намъ говоритъ, что необходимыя познанія получаются отъ того, что въ нихъ находятся на лицо апріорные элементы познанія, т. е. по толкованію неокантіанцевъ „необходимыя логическія условія познанія“. Короче: наше познаніе оттого необходимо, что оно заключаетъ въ себѣ необходимыя логическія условія познанія. Пояснимъ это отвлеченное сужденіе совершенно аналогичнымъ конкретнымъ. Напр. „паденіе яблока съ яблони необходимо оттого, что въ немъ (въ паденіи) заключаются необходимыя условія паденія“. На это, пожалуй возразятъ, что мой примѣръ взять изъ области истинъ фактическихъ, а сужденія логическія и гносеологическія къ таковымъ не относятся. Возраженіе это съ точки зрѣнія Канта неосновательно, такъ какъ Кантъ не признавалъ такого различія между истинами: онъ утверждаетъ, что и математическія истины — синтетическія сужденія. Впрочемъ, я могу взять примѣръ и изъ области формальныхъ истинъ. Возьмемъ теорему изъ геометріи и скажемъ: „вертикальные углы равны, потому что въ нихъ заключаются необходимыя условія ихъ равенства“. Много ли выиграло бы наше познаніе отъ подобныхъ аргументацій? Объ этомъ судить представляю самимъ неокантіанцамъ, и истолкователямъ Канта. Однако то же самое можно утверждать и о матеріи познанія, доставляемой чувствами. Самъ Кантъ такими же необходимыми условіями всякаго познанія признавалъ и матеріаль познанія, или чувственность, какъ это было показано выше. Слѣдовательно, по Канту, можно сказать: наше познаніе необходимо, потому что оно содержитъ въ себѣ объективные элементы, данные чувственностью. Безъ нихъ невозможны и апріорные элементы и первичныя качества

даже было вѣрно. Въ дѣйствительности оно невѣрно, въ чемъ легко убѣдиться на конкретномъ примѣрѣ. Возьмемъ тотъ самый примѣръ, который Кантъ приводитъ въ „Прологоменахъ“. „Солнечный свѣтъ есть причина нагрѣванія камня“. По объясненіямъ Канта, подведеніе чувственнаго сужденія „солнце нагрѣваетъ камень“ подъ категорію (въ данномъ случаѣ категорію причины) даетъ общеобязательную, объективную истину³⁾. Спрашивается, что получится, если я возьму то же „категоріальное“ сужденіе, но его подведу еще подъ другую категорію, напр. подъ категорію возможности, или категорію отрицанія, т. е. если я прибавлю къ приведенному выше сужденію частицы „быть можетъ“ или „не“? Пропадетъ ли отъ этого въ сужденіи примѣненіе категорій? Очевидно, нѣтъ. Напротивъ, къ категоріи причины присоединяется еще новая. Однако тогда получится или сужденіе проблематическое: „Быть можетъ, солнечный свѣтъ есть причина нагрѣванія камня“, или же — сужденіе отрицательное „Солнечный свѣтъ не есть причина нагрѣванія камня“. Очевидно, послѣднее невѣрно, если приведенное выше было вѣрно. Итакъ, если даже допустить, что категоріи Канта апіорны въ смыслѣ неокантіанцевъ: то все же наличностью въ сужденіи категорій

Локка, какъ это доказалъ еще Беркли. (Berkeley, Treatise on principles of human knowledge).

Это положеніе признаютъ и сенсуалисты, отвергающіе апіорные элементы духа. Что же тогда остается отъ гносеологическаго ученія Канта? Остается то, что и создало популярность Канта — что каждое крайнее направленіе гносеологіи, а также и среднее, примирительное въ немъ находятъ основанія для своего ученія, т. е. по частямъ оно можетъ угождать всѣмъ; но если его взять въ цѣлости — то оно не удовлетворяетъ никого. Поэтому всѣ великіе философы послѣ Канта въ большей или меньшей степени критиковали и опровергали его Критику ч. р.

3) Общеобязательность познанія Кантъ обыкновенно называетъ (въ особенности въ Прологоменахъ) „объективностью“. Изрѣдка однако и онъ слово „объективный“ употребляетъ въ обычномъ значеніи, въ смыслѣ „реальный“, „дѣйствительный“, „существующій независимо отъ познающаго субъекта“. Эта двойственность термина „объективный“ тоже сбиваетъ толкователей Канта.

еще не доказывається его истинность, а тѣмъ менѣе необходимость или „объективность“ сужденія. И всѣ ложныя сужденія могутъ быть „категоріальными“, т. е. могутъ заключать въ себѣ „категоріи“ Канта, т. е. апріорные элементы разсудка. Очевидно, и истинность и необходимость зависятъ отъ чего-то другого, а не отъ подведенія чувственнаго сужденія подъ категоріи, т. е. подъ апріорные элементы познанія въ смыслѣ неокантіанцевъ, т. е. въ смыслѣ „необходимыхъ условій познанія“.

Такъ же невѣрно и другое „открытіе“ Канта, будто математическія истины представляютъ собою сужденія исключительно синтетическія (по терминологіи Канта), т. е. что въ нихъ сказуемое прибавляетъ новый элементъ, не содержащійся въ подлежащемъ. Своимъ „открытіемъ“ онъ не опровергъ ни Лейбница, ни Юма, считавшихъ математическія истины „формальными“, т. е. дедуцированными изъ опредѣлений и аксіомъ¹⁾.

1) Неудаченъ и единственный примѣръ Канта, взятый изъ ариѳметики $7 + 5 = 12$, приведенный въ его Пролепоменахъ (§ 2 R. 43, 44). Кантъ его не проанализировалъ какъ слѣдуетъ, даже съ логической стороны. Онъ полагаетъ, что предикатъ этого сужденія 12 не заключается (въ подлежащемъ) ни въ 7, ни въ 5; ergo, это сужденіе синтетическое. Между тѣмъ ему слѣдовало такъ разсуждать: сложеніе 7 и 5 даетъ 12. Подлежащее сужденія — „сложеніе 7 и 5“; сказуемое — 12“. Въ подлежащемъ слово „сложеніе“ значить „отысканіе числа; которое содержитъ въ себѣ столько единицъ, сколько имѣютъ всѣ слагаемыя, взятыя вмѣстѣ“. Въ данномъ опредѣленіи понятія „столько, сколько“ въ отвлеченной формѣ представляетъ число 12, или „равняется 12“. Это сужденіе не только аналитическое, но даже тождественное; и ужъ вовсе не синтетическое. Можно согласиться, что нумерація образуется благодаря синтетической дѣятельности ума; но отнюдь нельзя утверждать, что всѣ математическія истины, — въ ихъ готовомъ видѣ, какъ ихъ разсматриваетъ логика — представляютъ собою синтетическія сужденія. Если Кантъ не вникъ въ значеніе ариѳметическихъ знаковъ $+$ и $-$, разсматривая въ уравненіи только конкретныя числа; то и при этомъ неполномъ и невѣрномъ логическомъ анализѣ онъ могъ бы убѣдиться въ невѣрности своего заключенія, если бы онъ взялъ примѣръ на вычитаніе, хоть съ

Итакъ новый методъ Канта оказался совсѣмъ безплоднымъ. Если а priori должно имѣть какое-нибудь научное значеніе, то это, по моему мнѣнію, можетъ быть только въ старомъ докантовскомъ значеніи — въ смыслѣ психологическомъ, или же въ смыслѣ дедуктивнаго способа умозаключеній (въ противоположность индукціи), какимъ оно обычно и въ настоящее время и среди представителей точныхъ наукъ¹⁾.

тѣми же числами $12 - 7 = 5$. Между тѣмъ онъ по одному невѣрно истолкованному примѣру сдѣлалъ обобщеніе на всѣ математическія истины, полагая, что онъ открылъ нѣчто новое, и что онъ опровергъ и Лейбница и Юма относительно формальныхъ истинъ.

Сравн.: R. Zimmermann, Über Kant's mathematisches Vorurtheil. Sitzungsber. d. Wiener Akademie d. Wiss. Philos. hist. Klasse 1871, 67. Bd. S. 7—18. Возраженія, сдѣланныя по этому поводу со стороны А. Ланге, не попадаютъ въ цѣль: они касаются синтетической дѣятельности человѣческаго ума, которую не отвергали ни Локкъ, ни Юмъ ни другіе — т. е. психическихъ процессовъ, посредствомъ которыхъ постепенно создаются наши познанія. (См. А. Ланге, Исторія матер. II. т. I отд. I гл. стр. 16—22). Но если разсматривать съ логической стороны готовые математическія положенія (сужденія, теоремы), какъ это дѣлаетъ Кантъ, то большинство изъ нихъ, по терминологіи Канта, оказываются аналитическими или даже тождественными.

1) И въ смыслѣ психологическомъ не нужно предполагать, что такъ называемыя „прирожденные идеи“ Декарта или „вѣчныя истины“ Лейбница уже при рожденіи появляются готовыми въ сознаніи ребенка: это опровергается несомнѣнно наблюденіями надъ дѣтьми и дикарями. (Еще Локкъ отмѣтилъ эти факты въ своемъ Essay). Впрочемъ, и Декартъ впослѣдствіи — послѣ изданія своихъ „Discours“ и „Meditationes“ — пояснялъ свои природенныя идеи, какъ „потенціи“ въ дремлющемъ состояніи. Тотъ же взглядъ высказывалъ и Лейбницъ. (Челпановъ, Психол. и теорія позн. Вопр. филос. кн. 66, стр. 104—106 и 111—113). Очевидно, что и эти „прирожденные идеи“ и „вѣчныя истины“ формируются въ сознаніи чловѣка постепенно — и во всякомъ случаѣ не безъ вліянія опыта. То же нужно сказать и объ апіорныхъ элементахъ познанія у Канта (и о его „чистыхъ воззрѣніяхъ“). И они не сразу уже при рожденіи обнаруживаются въ совершенномъ видѣ. Относительно „воззрѣнія пространства“ самъ Кантъ впослѣдствіи убѣдился, что оно зависитъ отъ чувственности и нашего опыта. Въ своихъ „Метафизическихъ началахъ естествознанія“, (изданныхъ черезъ три года послѣ Прологоменъ) Кантъ различаетъ „эмпирическое“ пространство и „абсолютное“. Относительно „абсолютнаго пространства“ Кантъ утверждаетъ, что оно „само по себѣ — ничто и не есть предметъ“;

А что касается доказательства, что „первичныя качества, — каковы напр. протяженность, форма — не представляют собою реальныхъ качествъ въ вещахъ, но что онѣ представляют собою субъективную форму познающаго духа, равно какъ и „вторичныя“ — то эта заслуга принадлежит Беркли“¹⁾. Но не

оно означаетъ всякое другое относительное пространство, которое я во всякое время могу мыслить внѣ даннаго эмпирическаго. . . Это расширенное, но все еще матеріальное пространство, продолжаетъ Кантъ, я имѣю только въ мысляхъ, и такъ какъ мнѣ ничто не извѣстно отъ его матеріи, которая его обозначаетъ; то я отвлекаюсь отъ нея и представляю себѣ это пространство, какъ чистое не эмпирическое, абсолютное“. (Kant, *Metaphys. Anfangsgr. d. Naturw.* 2. Aufl. Riga 1787 S. 3—5; изд. Rosenkranz V. Bd. S. 320—325). Слѣдовательно, это абсолютное пространство оказывается фикціей физиковъ ради возможности дальнѣйшихъ разсужденій по механикѣ (Подобныя же фикціи представляют собою: и математическая точка, математич. линія, бесконечная дѣлимость линіи, рычагъ безъ вѣса и другія, которыя въ дѣйствительности не существуютъ). Такимъ образомъ оказывается, что и апріорныя (формальные) элементы познанія и эмпирическія (матеріаль познанія) совмѣстно формируютъ наше познаніе: одни безъ другихъ не бываютъ въ сознаніи, а только въ логическихъ разсужденіяхъ.

Кантъ и за чувственностью признавалъ источникъ, равноправный съ разумомъ, что подтверждаетъ и усердный защитникъ Канта А. Ланге (*Ист. матер. П. т. стр. 23*). Остается открытымъ вопросъ, почему же Кантъ и до него всѣ выдающіеся мыслители — Платонъ, Аристотель; затѣмъ раціоналисты — Декартъ, Лейбницъ, за апріорными элементами познанія признавали не только ἀσφάλειαν τοῦ λόγου, но даже условіе „необходимости“ и общеобязательности. На этотъ вопросъ я еще не встрѣчалъ мало-мальски удовлетворительнаго отвѣта. Виндельбандъ считаетъ ихъ первичными принципами познанія, аксіомами (*Präludien*, S. 257). Но что Виндельбандъ не правъ, видно изъ того, что не всѣ философы признаютъ эти „принципы“ за несомнѣнныя истины, каковыя — „аксіомы“. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только психологическое изслѣдованіе въ родѣ того, которое далъ Юмъ относ. понятія причинности (нуждающагося только въ незначительной поправкѣ). Мои взгляды по этому предмету я представлю при другомъ случаѣ.

1) И Кантъ, и послѣдователи Канта ложно понимаютъ (или скорѣе не знаютъ) ученія Беркли. Б. не отвергалъ существованія вещей, воспринимаемыхъ нашими чувствами или же рефлексіей. „Единственное, существованіе чего я отвергаю, говоритъ Беркли, это то, что философы называютъ матеріей или тѣлесной субстанціей“. Berkeley, *Treatise on the principles, of human know-*

только субъективность пространственныхъ отношеній доказалъ Беркли 1); то же онъ утверждаетъ и относительно времени: „время, говоритъ Б., если мы отвлечемся отъ смѣны идей въ нашемъ духѣ, есть ничто“ 2). Итакъ мы видимъ, что и положеніе Канта относительно субъективности нашихъ возрѣній пространства и времени, имѣетъ непосредственныхъ предшественниковъ въ англійской философіи (Беркли и Ридъ.) Въ древне-греческой философіи таковыя тоже были, помимо Аристотеля, напр. Зенонъ, элеецъ. Однако дальнѣйшій выводъ изъ него, что эти наши возрѣнія во внѣшнемъ мірѣ не имѣютъ реальныхъ коррелятовъ, это предположеніе Канта ничѣмъ не обосновано. и даже упущено изъ виду, третье возможное предположеніе: эти возрѣнія могутъ имѣть реальные корреляты во внѣшнемъ мірѣ, непохожіе на наши возрѣнія. На это обратилъ вниманіе еще Тренделенбургъ 3). Въ мою задачу не входитъ разбирать критически Критику ч. р. и раскрывать ея ошибки и недостатки. Я желалъ только указать на невозможность разрѣшать правильно и гносеологическіе вопросы безъ психологическихъ анализовъ и выкладокъ. 4) Кантъ въ этомъ отношеніи оказался не на надлежащей высотѣ даже по сравненію съ его англійскими предшественниками. Поэтому у него такъ неясны и сбивчивы психологическіе термины и тѣ немногія психологическія выкладки, которыя представляетъ намъ его Критика ч. р. и даже его „популярные“ Прологомены. Главная заслуга Канта, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ въ Германіи впервые подвергъ обстоятель-

ledge, XXXV. Б. признавалъ существованіе однѣхъ духовныхъ субстанцій. Ibid. XXXVI.

1) *ibid.* XCIX.

2) *ibid.* XCVIII.

3) Trendelenburg, *Logische Untersuchungen* 3. Aufl. VI. S. 156—170.

4) „Изученіе умственныхъ способностей, по словамъ Бэна, дастъ намъ элементы теоріи назнанія, его границъ и природы.“ (A. Bain, *the Senses and the Intellect*, II. p.)

ному рассмотрѣнію источники и предѣлы человѣческаго познания; что онъ, согласно съ Локкомъ, критику познавательной способности считалъ первой и главной задачей всякой философіи¹⁾. Но эта заслуга была бы несравненно выше для гносеологіи, если бы онъ больше вглублялся въ психическіе процессы познавательной способности, если бы онъ вмѣсто отвлеченныхъ и апріорныхъ разсужденій приводилъ конкретные факты, примѣры и психологическіе анализы.

На Кантъ и неокантизмъ я остановлюсь въ своемъ историческомъ очеркѣ.

1) Метафизику, какъ науку о сущностяхъ и началахъ бытія, ему не удалось упразднить, какъ онъ ни старался доказать всю тщетность подобныхъ попытокъ; отъ нея и онъ самъ не могъ вполне отрѣшиться. Въ его же Критикѣ ч. р. есть не мало мѣстъ, въ которыхъ онъ выходитъ за область міра явленій: о немъ онъ все же довольно много сообщаетъ. Такъ напр. о „вещахъ въ себѣ“ (Ding an sich), которыя по Канту находятся внѣ области познаваемого, онъ все же сообщаетъ: 1) что онѣ существуютъ, 2) что онѣ „аффицируютъ наши органы чувствъ“, 3) что имъ не присущи даже трансцендентные корреляты, пространства, времени, причинности и разныхъ другихъ категорій. Наконецъ, и о Божествѣ онъ все же сообщаетъ нѣкоторыя данныя, какъ истинныя познанія. Между прочимъ повторяетъ положеніе Беркли, что интеллектуальное созерцаніе у Бога даетъ индивидуальное бытіе (Dasein) предметамъ человѣческихъ воззрѣній. (В. 72, R. 75, см. также А. 695—697, В. 723—726, R. 538—539) Тамъ же о Богѣ дѣлаются категорическія сужденія, хотя одно изъ нихъ отнесено Кантомъ къ „идеямъ разума“, въ качествѣ „регулятивнаго принципа при изслѣдованіи природы“. И послѣ Канта старая метафизика не переводилась въ Германіи, начиная съ Фихте и Гегеля и кончая Эд. Гартманомъ.

З а к л ю ч е н і е .

Послѣ Канта особенныя заслуги въ отношеніи психологіи внутренняго опыта имѣють Яковъ Фризь (1773—1843) и Гербартъ, преемникъ Кантовой каѳедры (1776—1841) ¹⁾. Затѣмъ Бэнэке (1798—1854) пересадилъ въ Германію англійскую эмпирическую психологію, соединяя ее со своей метафизикой. Каждый изъ этихъ выдающихся философовъ основываетъ свою метафизику на своей психологической теоріи. Въ послѣдней половинѣ истекшаго вѣка многіе изъ нѣмецкихъ философовъ стали возвращаться къ Критицизму Канта, подвергая его все-стороннимъ изслѣдованіямъ; при этомъ разрабатывались дальше

1) Взглядъ Гербарта на значеніе психологіи можно охарактеризовать слѣдующей выдержкой изъ его Психологіи „ . . . Высочайшее значеніе истинной науки о насъ самихъ, о нашемъ духѣ и душѣ, по словамъ Гербарта, уже давно признано. Это — та наука, которую мы, въ сущности, молча всегда предполагаемъ, какъ обладаемую нами, въ тѣхъ случаяхъ, — когда мы отъ насъ чего-нибудь требуемъ, или для насъ чего-нибудь желаемъ; когда мы нашими силами что-нибудь предпринимаемъ, или же, сомнѣваясь въ немъ, его оставляемъ; когда мы въ познаніи, дѣяніи (Handeln) или въ наслажденіи стремимся впередъ или же скользимъ назадъ. Себя самихъ мы вносимъ во все — въ наши созерцанія и мышленіе, потому что мы смотримъ своими глазами, и мыслимъ своимъ духомъ. Въ нашихъ собственныхъ состояніяхъ лежитъ и счастье и несчастье, испытываемыя нами, и представленіе о нихъ мы переносимъ на другихъ. Отъ точки зрѣнія человѣка зависитъ его понятіе о Богѣ и о дьяволѣ, равно какъ мы съ земли и посредствомъ земныхъ орудій заглядываемъ въ свѣтъ самосвѣтящихся свѣтилъ (Sonnen) и въ туманности кометъ“ (Herhart, Psychologie als Wissenschaft. 1. Th., Königsberg 1824, S. 3—4.)

и отдѣльные гносеологическіе вопросы. Къ этому направленію принадлежатъ Альб. Ланге, К. Фишеръ, Тренделенбургъ, Г. Когенъ, О. Либманъ, Виндельбандъ, Бенно Эрдманъ, Паульсенъ, Ласъ, Риль и отчасти И. Фолькельтъ. Въ новѣйшее время и Вундтъ, давній въ Германіи прочное основаніе физиологической и экспериментальной психологіи, все же созналъ необходимость метафизики, опирающейся на данныя самонаблюденія и опыта.

Во Франціи философія Локка и Юма вскорѣ была вытѣснена сенсуализмомъ Кондильяка и матеріализмомъ Дэля-Метри и Фонъ-Гольбаха. Только въ началѣ 19-го вѣка Мэнъ-дэ-Биранъ (1766—1824), затѣмъ Викторъ Кузэнъ (1792—1867) и Жуфруа (1796—1842) напираютъ на изученіе души путемъ самопознанія, т. е. внутренняго опыта; на данныхъ психологическихъ, по мнѣнію Кузэна, должна основываться и метафизика. Къ этому же взгляду примыкаетъ и Альфредъ Фулье, хотя онъ не пренебрегаетъ теоріями физиологическими.

Изъ всего изложеннаго можно было убѣдиться, что философскія изслѣдованія на почвѣ психологической дали обильные плоды и въ новѣйшее время — до половины истекшаго вѣка. Они положили начало раціоналистической философіи въ представителяхъ ея, каковы Декартъ, Спиноза, Лейбницъ; расширенныя и дополненныя наблюденіями надъ другими, они положили основу научной теоріи познанія и сравнительной психологіи. Основатель этого направленія — Локкъ; преемники его Беркли и Юмъ, пошли дальніе по этому пути, упрочивъ его навсегда въ Шотландской и Англійской школахъ. Ридъ, Дюгальдъ Стюартъ, Оома Броунъ и Гамильтонъ болѣе видные представители Шотландской школы; а Джемсъ Миль, отчасти его сынъ Дж. Стюартъ Миль и, наконецъ, А. Бэнъ и Сѣлли — самые плодовитые изслѣдователи Англійской школы. Мало этого, даже этика и эстетика у философовъ-эмпиристовъ опираются на данныя психологическія. Безъ таковыхъ эти науки,

и большинство гуманитарныхъ наукъ, теряютъ свой смыслъ и твердую почву для возведенія научнаго зданія: всякое знаніе человѣческаго духа коренится въ концѣ концовъ въ самопознаніи¹⁾. Душу другихъ людей и живыхъ существъ какъ это неоднократно было отмѣчено, мы познаемъ только на основаніи видимыхъ движеній, т. е. мускульныхъ сокращеній мышцъ лица, оконечностей, голосовыхъ связокъ²⁾. У человѣка эти движенія обращены въ средство духовнаго общенія другъ съ другомъ — въ языкъ мимики, жестовъ и словесной рѣчи. Но чтобы эти движенія мускуловъ получили для насъ смыслъ, мы должны съ ними связывать факты нашей собственной души; иначе, чужая душа для насъ останется потемками. Итакъ безъ самопознанія невозможно познаніе другихъ³⁾. Самонаблюденія, произведенныя большимъ числомъ

1) Этотъ взглядъ раздѣляетъ и нашъ почтенный философъ права проф. Петражицкій. Два года тому назадъ онъ въ своей статьѣ „Къ вопросу о возрожденіи естественнаго права говорить: „Чтобы . . . правильно толковать отдѣльныя естественно-правовыя доктрины (напр. ученіе Канта) необходимо предварительно исполнить теоретическую работу, состоящую въ психологическомъ изслѣдованіи нормативныхъ сужденій и убѣжденій . . .“ По мнѣнію этого почтеннаго ученаго, согласному съ воззрѣніями самыхъ свѣтлыхъ умовъ человѣчества, „этимъ путемъ образуются научныя понятія права и нравственности“. См.: журналъ „Право“ 1902 годъ № 41 столбець 1796. Возраженія въ „Вопросахъ философіи“ (за 1903 годъ, кн. 66), сдѣланныя почтенному профессору лицомъ, лично заинтересованнымъ въ этомъ вопросѣ, сути дѣла даже не касаются, и еще болѣе, чѣмъ статья самого проф. Петражицкаго убѣждаютъ вдумчиваго читателя въ невѣрности другихъ взглядовъ по этому вопросу; однако здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное его разсмотрѣніе.

2) И изслѣдованія неврофизіологовъ истолковываются по аналогіи съ нашимъ внутреннимъ опытомъ — главнымъ образомъ, поскольку онъ обнаруживается въ мускульныхъ сокращеніяхъ.

3) Однимъ самопознаніемъ, какъ мы видѣли, не могутъ ограничиться ни философскія, ни вообще гуманитарныя науки. Люди имѣютъ не только общія свойства, но и индивидуальныя особенности. Для теоретическихъ, чисто философскихъ, цѣлей важнѣе изученіе общечеловѣческихъ свойствъ и законовъ человѣческаго духа. Для практическихъ цѣлей важно и познаніе индивидуальныхъ особенностей, которыя зависятъ отъ различныхъ природныхныхъ

изслѣдователей, взаимно провѣренныя и дополненныя наблюденіями надъ первобытнымъ человѣкомъ и надъ дѣтьми, могутъ добыть нужный матеріалъ для научнаго разрѣшенія важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, которые и по сіе время остаются спорными и въ большинствѣ случаевъ принимаются на вѣру. Таковыя — напр., вопросъ о свободѣ воли и вмѣняемости, вопросъ о наслѣдственности и прирожденныхъ способностяхъ, вопросъ о самодѣятельности и художественномъ творествѣ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ огромное значеніе и въ практическомъ отношеніи: отъ правильнаго ихъ рѣшенія зависятъ многія общественныя дѣятельности культурнаго человѣка. Таковыя — напр., примѣненіе наказаній за проступки и преступленія, способы воспитанія и обученія дѣтей, развитіе эстетическаго вкуса и нравственныхъ чувствъ.¹⁾ Отъ правильной постановки этихъ общественныхъ отправленій въ значительной степени зависитъ нашъ нравственный и культурный прогрессъ!

наклонностей, отъ воспитанія, жизненнаго опыта. . . Если нельзя отыскать двухъ вполне сходныхъ древесныхъ листиковъ, какъ это отмѣтилъ Лейбницъ; то тѣмъ болѣе невозможно полное сходство и двухъ человѣческихъ особей: даже сросшіеся сіамскіе близнецы, какъ извѣстно, во многомъ отличались другъ отъ друга. Въ изученіи индивидуальныхъ особенностей большую услугу намъ оказала русская беллетристика послѣдняго полувѣка. (Я упомяну о Гончаровѣ, Достоевскомъ, Львѣ Толстомъ и А. Чеховѣ). Будемъ же надѣяться, что и отвлеченная наука о человѣческомъ духѣ сослужитъ намъ свою службу въ познаніи общихъ свойствъ и законовъ человѣческаго духа.

1) Искусство воспитанія не мыслимо безъ знанія человѣческой души по первымъ источникамъ. Воспитателю нужно знать не только общія свойства человѣческаго духа, но и индивидуальныя особенности ребенка: Такъ точно и всякій художникъ, всякій ремесленникъ долженъ знать и матеріалъ, надъ которымъ онъ работаетъ, и образецъ, который онъ желаетъ осуществить. Между прочимъ, „искусство воспитанія, по словамъ Бэна, должно основываться на точномъ познаніи удерживательной способности.“ (A. Bain, *The Senses and the Intellect*. II. p.)

И. С. Проданъ.

Любопытные вопросы древне-церковной практики.

А. И. Алмазовъ. Каноническіе отвѣты Іоасафа, митрополита Ефесскаго (Малоизвѣстный памятникъ Греческой церкви XV вѣка.). Текстъ и переводъ съ предварительнымъ очеркомъ и примѣчаніями. Одесса. 1903. Стр. 62. Цѣна 50 коп.

Онъ-же. Неизданные отвѣты Константинопольскаго патріарха Луки Хризверга и митрополита Родосскаго Нила. Одесса. 1903. Стр. 84. Цѣна 60 коп.

Имя профессора Новороссійскаго университета А. И. Алмазова хорошо извѣстно въ канонической литературѣ; въ дѣлѣ же изученія и изданія памятниковъ каноническаго права Восточной Православной церкви, послѣ покойнаго профессора Московскаго университета А. С. Павлова¹⁾, оно занимаетъ первое мѣсто между именами прочихъ канонистовъ. Энергія и трудолюбіе почтеннаго ученаго неистощимы. Еще недавно привѣтствовали мы появленіе въ свѣтъ интересной работы А. И. Алмазова, подъ заглавіемъ: „Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры“²⁾, а теперь передъ нами лежатъ новые,

1) Умеръ 16 августа 1898 года.

2) См. нашу статью, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи византійской отреченной письменности“ въ VI томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

напечатанные подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, изданные въ одномъ и томъ же году труды его, находящіеся въ тѣсной внутренней связи между собою.

Каноническіе отвѣты, составленіе которыхъ проф. Алмазовъ, на основаніи ряда данныхъ, усвояетъ непосредственному предшественнику знаменитаго борца за православіе Марка Ефесскаго — митрополиту Ефесскому Іоасафу († около 1440 г.)¹⁾ — представляютъ собою малоизвѣстный памятникъ церковнаго права, не смотря даже на то, что отчасти онъ и опубликованъ въ печати во времена очень давніе отъ насъ — еще въ 1574 г. (по мнѣнію проф. А. С. Павлова это печатное изданіе въ настоящее время является болѣе рѣдкимъ, чѣмъ рукописные списки отвѣтовъ). Каноническіе отвѣты Іоасафа не часто встрѣчаются и въ греческихъ рукописяхъ: проф. Алмазову извѣстно существованіе ихъ въ шести спискахъ, изъ коихъ онъ знакомъ непосредственно — съ тремя списками въ цѣломъ видѣ и съ однимъ только отчасти. Греческій текстъ разсматриваемаго нами памятника²⁾ изданъ г. Алмазовымъ на основаніи двухъ списковъ рукописей (XVI вѣка) Патмосской бібліотеки — № 373 и № 540.

Отвѣты весьма разносторонни по содержанію. Въ цѣломъ они касаются — общественнаго богослуженія, почти всѣхъ таинствъ, важнѣйшихъ другихъ актовъ частнаго богослуженія, мѣста совершенія богослуженія, и, сверхъ того, входятъ въ нравственную сферу въ отношеніи мірянъ и священнослужителей.

Останавливаясь на содержаніи отвѣтовъ въ подробностяхъ, мы видимъ здѣсь слѣдующее:

12 отвѣтовъ относятся къ различнымъ недоумѣннымъ вопросамъ по совершенію литургіи (отвѣтъ 1—12).

1) См. стр. 12—13.

2) Надписаніе его слѣдующее: Ἰωάσαφ ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, ἃς ἤρωτήτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερέυσι κύριε Γεώργιος ὁ Δραζίνος — Іоасафа іеромонаха и великаго протосингела отвѣты на вопросы, которые предложилъ богобоязненнѣйшій во іереяхъ киръ Георгій Дразинъ.

1 отвѣтъ касается совершенія великой вечерни (13).

7 отвѣтовъ трактуютъ по вопросамъ совершенія крещенія (23—27; 18; 46).

5 отвѣтовъ посвящены предмету исповѣди (собственно о духовникахъ) (16—17; 19—21).

1 отвѣтъ касается таинства причащенія (44).

7 отвѣтовъ содержатъ рѣчь о совершеніи таинства брака (28—32; 18; 46).

1 отвѣтъ говоритъ по предмету таинства елеосвященія (15).

1 же отвѣтъ затрогиваетъ вопросъ вообще о таинствахъ (47).

8 отвѣтовъ рѣшаютъ вопросы по части погребенія (22; 37—42; 51—52).

5 отвѣтовъ, въ дополненіе къ тому, входятъ въ рѣшеніе вопросовъ по части поминовенія (40—42; 44—45).

4 отвѣта касаются монашества (18—19; 43—46).

2 отвѣта касаются водоосвященія (собственно — о богоявленской водѣ) (33; 80).

3 отвѣта направляются къ рѣшенію недоумѣнныхъ вопросовъ по части значенія храма (34—36).

2 отвѣта имѣютъ въ виду поведеніе священнослужителей (48) и мірянъ (49).

4 отвѣта, наконецъ, касаются вообще духовнаго руководства вѣрующихъ (собственно трактуютъ о суевѣріяхъ) (43, 45; 53—54).

Такимъ образомъ отвѣты (всего 54) могутъ быть названы вообще — канонико-литургическими ¹⁾.

Многіе изъ отвѣтовъ митрополита Іоасафа представляются весьма любопытными по своему содержанію, а нѣкоторые сохранили свое значеніе и въ настоящее время.

Желая, по возможности, быть краткими, мы приведемъ здѣсь лишь немногіе изъ такихъ отвѣтовъ.

Авторъ отвѣтовъ, между прочимъ, (въ отв. 16) опредѣ-

1) Стр. 9—10.

ляетъ возрастъ необходимый для духовника (такого опредѣленія лѣтъ для духовника въ другихъ каноническихъ памятникахъ пока не встрѣчается):

„Сколькихъ лѣтъ долженъ быть назначаемый духовникомъ?

И это святые отцы опредѣлили. Если есть добродѣтельный и старательный въ духовныхъ дѣлахъ, долженъ быть болѣе сорока лѣтъ. Если же видишь кого (духовникомъ) менѣе сихъ лѣтъ, то не имѣй его духовникомъ и да не исповѣдуешь ему что-либо, потому что дѣволъ въ немъ торжествуетъ, и онъ уязвляется всякій день и не вѣдаетъ, сокровниествуя ¹⁾ себя вѣчный огонь; хотя бы и скопецъ былъ, но сердцемъ на всякъ день блудить.“

„Еще присоединилъ ты къ этому вопросу, — можно ли быть духовникомъ мирскому іерею благоговѣйному и старому, имѣющему подружіе?

Это также не возбранено, если только священникъ благочестивъ и добродѣтеленъ, однако здѣсь (въ Константинополь) возбранилъ это съ отлученіемъ святѣйшій нашъ вселенскій Господинъ (патріархъ)“ ²⁾.

Въ практикѣ Русской церкви теперь, какъ извѣстно, монахъ можетъ быть духовникомъ только при особомъ на то разрѣшеніи епископа (см. Духовн. Регламентъ, прибавл. о монахахъ, ст. 57), исключая, впрочемъ, существующихъ почти во всѣхъ монастыряхъ такъ называемыхъ указныхъ іеромонаховъ-духовниковъ, которые въ монастырѣ спеціально назначаются для исповѣдя ³⁾.

На вопросъ (18):

„Подобаетъ ли монаху благословить супружество, или крестить, или давать молитву родильницѣ?“ —

дается слѣдующій отвѣтъ:

„Іеромонахъ, хотя бы и духовникъ, дерзнувшій благосло-

1) Уготовляя.

2) Стр. 23—24.

3) Стр. 49. Примѣчанія.

вить бракъ, тотчасъ лишается священства; крестить же чело-
вѣка, какъ іерей, имѣеть право, — ибо (при необходимости)
это не возбраняется; на сіе только имѣеть разрѣшеніе“¹⁾.
Аналогичная статья имѣется и въ Номоканонѣ при Требникѣ,
именно: „Монахъ-священникъ не вѣнчаетъ женитву . . . не
прилично бо есть“ (ст. 84). Насколько вообще такой вопросъ
занималъ вниманіе въ греческой практикѣ, а затѣмъ, какъ
относились къ нему въ Русской церкви, — о томъ см. подробно
у проф. Павлова, Номок. при Б. Требникѣ, М. 1897, стр.
215—217²⁾.

Въ отвѣтъ (27) разрѣшается часто возникающій на прак-
тикѣ³⁾ вопросъ:

„Можетъ ли женщина, находящаяся въ мѣсячномъ очи-
щеніи, воспринимать дитя отъ святого крещенія, или благо-
словиться въ замужество или мазаться елеемъ?“

Вопросъ объ отношеніи Церкви, въ ея обрядовыхъ дѣй-
ствіяхъ, къ женщинѣ, находящейся въ очищеніи, имѣеть ве-
ликую давность. Исходнымъ основаніемъ для рѣшенія всѣхъ
относящихся сюда частныхъ вопросовъ послужили отвѣты —
Діонисія Александрійскаго (7) и Тимофея Александрійскаго же
(2), коими женщинѣ воспрещается входъ во храмъ и прича-
щеніе, пока она не очистится. Митрополитъ Іоасафъ на по-
ставленный выше вопросъ также отвѣчаетъ:

„Это совершенно возбранено, ибо если (женщинѣ въ та-
комъ положеніи) совсѣмъ не позволено входить въ церковь, то
какъ она можетъ дѣлать что либо подобное?“⁴⁾

И въ псевдо-Зонариномъ Номоканонѣ читаемъ, между про-
чимъ, слѣдующее: „Жена прежде даже не очистится, отъ еже
бываемое по обычаю ея, просфоры да не творить, ниже да
коснется ей никакоже. Имоушца обычная и на конецъ смерти

1) Стр. 24—25. Сравни. отв. 26.

2) Стр. 49—50. Примѣчанія.

3) См. Церковн. Вѣстникъ 1888 г. № 5, 1890 г. №№ 20 и 50.

4) Стр. 27—28.

пришедши, причащенію да сподобляется невозбранно“ (см. Стратинскій Требн., стр. 675) ¹⁾.

29 отвѣтъ затрогиваетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ области бракоразводнаго права Восточной церкви, — вопросъ о брачной правоспособности лица, разведеннаго по винѣ прелюбодѣянія :

„Можетъ ли ирелюбодѣйца сочетаться съ другимъ мужемъ?

Таковую законъ осуждаетъ заключить въ монастырь (и) пребывать тамъ кающеюся ; если же будетъ столь безстыдною, что распутную любовь открыто иравляетъ и послѣ, то — если она желаетъ имѣть мужа, оставивъ все прежнее, полезнѣе этому быть и избавить ее отъ блуда и сочетать ее съ мужемъ“ ²⁾.

Такимъ образомъ митрополитъ Іоасафъ, въ противоположность формальной точкѣ зрѣнія канонѡвъ, предполагаетъ возможность, при уважительныхъ условіяхъ и для блага же Церкви, вступать въ новый бракъ и лицу, разведенному по его прелюбодѣянію, и при томъ даже разведенной женщинѣ, къ которой бракоразводное право прежняго времени относилось вообще суровѣе, нежели къ мужчинѣ. Авторъ отвѣта руководствуется не столько формальными основаніями, сколько идеею блага, возникающаго съ точки зрѣнія христіанской морали, если въ семъ случаѣ будетъ сдѣлано отступленіе отъ положительныхъ предписаній церковнаго права. Другіе іерархи Греческой церкви, впрочемъ, смотрѣли въ семъ случаѣ иными глазами. Вотъ почему въ одномъ изъ болѣе раннихъ правилъ, приписываемыхъ совмѣстно и патріарху Никифору и патріарху Герману, по тому же самому вопросу, читается совершенно другое, — именно : „*Ἐὰν ἀνδρὸς λαϊκοῦ γυνὴ μοιχευθῆ ἑνεργῶς . . . οὐδαμοῦ ἔχη ἐξουσίαν τοῦ συνοικῆσαι ἄλλω ἀνδρὶ. Ἡ γὰρ τὰ πρῶτα ἀθετήσασα, πολλὰ μᾶλλον εἰς τὸ δεῦτερον χεῖρον ἀφανίζεται . . .*“ (Pltra, Juris eccles. hist. et monum. II, pag. 343, κεφ. 173) ³⁾.

1) Стр. 52. Примѣчанія.

2) Стр. 28.

3) Стр. 53—54. Примѣчанія.

Въ связи съ приведеннымъ выше (27) стоитъ слѣдующій вопросъ (39):

„Можно ли отпѣвать умершую родильницу въ церкви“,
на что данъ отвѣтъ:

„Какъ скоро приняла святые дары, — и должно отпѣвать
внутри церкви“¹⁾.

Вопросъ о возможности отпѣвать въ церкви родильницу, скончавшуюся въ очищеніи (собственно — скончавшуюся безъ причащенія), затрогивается иногда и въ наше время. И нужно согласиться, — въ современной практикѣ совершенно справедливо — или смотрятъ здѣсь безразлично (см. Церк. Вѣстн. 1887, № 49, стр. 875—876), или, — что еще правильнѣе, — прямо высказываютъ положительное одобреніе отпѣванію именно въ храмѣ (см. тамъ-же 1890, № 27, стр. 454, вопр. 13; Руков. для сельск. паст. 1892 III, стр. 418; ср. *ibid.* 1864, II, № 18 стр. 25—26), ибо — „ни роды, ни теченіе крови не можетъ осквернять естество человѣка или отлучать отъ него Духа Святого, но одно нечестіе и незаконная дѣятельность“ (Апост. Постановленія, кн. VI, гл. 27). Впрочемъ, и теперь еще встрѣчаются священники, которые считаютъ неидообающимъ даже посѣщать дома, гдѣ находится родильница въ періодѣ очищенія и такой вопросъ („— Правильно ли сдѣлалъ священникъ, отказавшись посѣтить домъ во время праздника Рождества Христова, въ которомъ находилась женщина, родившая выкидышъ и еще не очищенная молитвою?“) даже полагаютъ нужнымъ поднимать на страницахъ духовной журналистики. (См. Пастыр. Собесѣдникъ — 1888 г. № 49, стр. II)²⁾.

47 вопросо-отвѣтъ имѣетъ большой интересъ для исторіи ученія о числѣ таинствъ.

На вопросъ:

„Какіе суть семь таинствъ церковныхъ?“

1) Стр. 31—32.

2) Стр. 57. Примѣчанія.

дается такой отвѣтъ :

„Таинствъ Церкви, пожалуй, и не семь, какъ я думаю, но болѣе, и слушай: 1, таинство просвѣщенія; 2, святого причащенія честнаго тѣла и крови Христа; 3, помазанія святымъ муромъ; 4, священныхъ степеней; 5, освященія храма; 6, бракъ о Господѣ; 7, творимое относительно священно-успокоившихся; 8, елеопомазанія; 9, таинство монашеское; 10, исповѣди. Это суть таинства Церкви“¹⁾.

Очевидно, хотя опредѣленная формула седмиричнаго числа таинствъ на Востокѣ встрѣчается еще въ XIII в. и хотя въ XV вѣкѣ даже въ специальныхъ произведеніяхъ особо отмѣчается это число таинствъ (См. у Катанскаго „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ“, СПб., 1877, стр. 417—433), однако, и при такихъ историческихъ несомнѣнныхъ фактахъ, даже XV вѣкѣ нельзя еще назвать моментомъ, когда бы седмиричное число понималось здѣсь какъ аксіома, — какъ положеніе, при которомъ не должно возникать и тѣни мысли о какомъ либо бѣльшемъ числѣ таинствъ. Даже самый порядокъ исчисленія общепринятыхъ таинствъ — и тотъ въ то время былъ еще весьма далекъ отъ устойчивости²⁾.

Интересный историческій матеріалъ представляютъ нѣкоторые отвѣты, рисующіе бытъ и обычаи того времени (напр. о раскапываніи и сожженіи труповъ „преисподниковъ“ или, такъ называемыхъ „вуркулаковъ“ (42), о женахъ „гилудахъ“, которые высасываютъ кровь у младенцевъ и умерщвляютъ ихъ (53) и т. п.).

Само собою разумѣется, говоритъ проф. Алмазовъ, такой церковно-практическій документъ не могъ остаться незамѣченнымъ въ Греческой церкви. Занимающими насъ отвѣтами на родинѣ ихъ интересовались не только въ виду ихъ разнообразія, но и въ силу несомнѣннаго уваженія къ нимъ, какъ могущимъ руководствовать по тѣмъ или другимъ недоумѣннымъ вопро-

1) Стр. 38.

2) Стр. 60. Примѣчанія.

самъ церковной практики. Что дѣйствительно въ Греческой церкви имъ придавалось практическое значеніе, краснорѣчивымъ подтвержденіемъ тому служитъ внесеніе извлеченій изъ этихъ отвѣтовъ въ печатное изданіе — *Π δεῖα λειτουργία μετὰ ἐξήγησεων*. — Не остались неизвѣстными настоящіе отвѣты и въ исторіи источниковъ права Русской церкви. Это стало такимъ путемъ. Какъ извѣстно, въ 1620 г., въ Кіевѣ, Памвою-Берындю въ первый разъ былъ изданъ въ славянскомъ переводѣ тотъ самый номоканонъ, который теперь издается при русскомъ Требникѣ. вмѣстѣ съ этимъ помоканономъ, въ качествѣ приложенія къ нему, были изданы — „Различныя главизны, собранныя отъ инаго Номоканона“. Въ этомъ то номоканонѣ, переведенномъ, конечно, съ греческаго, мы и встрѣчаемъ неоднократныя извлеченія и изъ отвѣтовъ Іоасафа, — и именно — здѣсь внесены отвѣты: 2 и 3 (о хлѣбѣ для совершенія литургіи), 17, 18 и 19 (о духовникѣ), 53 и 54 (о гилудахъ и видѣніяхъ) и 42 (о вуркулакахъ)¹⁾.

Въ предисловіи къ неизданному до сихъ поръ каноническому памятнику, носящему заглавіе: *„Ζητήματα, ἀπερ ἔλυσευ ὁ πατριάρχης Λουκᾶς*, профессоръ А. И. Алмазовъ прежде всего весьма обстоятельно доказываетъ (стр. 2—7), что авторомъ этого памяника дѣйствительно можетъ считаться патріархъ Лука Хризвергъ, занимавшій патріаршіи константинопольскій престолъ въ 1155—1169 г.г.

На чьи именно вопросы отвѣчаетъ Лука Хризвергъ, — указаній въ самомъ памятникѣ не имѣется. Вѣроятнѣе всего названный памятникъ представляетъ собою просто сводъ рѣшеній этого патріарха по вопросамъ, предложеннымъ ему въ различное время и отъ разныхъ лицъ, или даже по вопросамъ, вызывавшимся само собою текущею церковною жизнью времени этого патріарха.

1) Стр. 11—12.

Когда, далѣе, былъ составленъ этотъ сводъ, — памятникъ нашъ тоже не представляетъ рѣшительно никакихъ указаній. Однако будетъ въ нѣкоторой степени вѣроятнымъ предполагать, что это было сдѣлано уже послѣ смерти патріарха Луки, но недолго спустя.

Отвѣты патріарха Луки Хризверга впервые изданы проф. Алмазовымъ по рукописи (XV вѣка) бібліотеки Иверскаго Аѳонскаго монастыря (по каталогу Ламброза) № (4502) 382.

По характеру содержанія трактуемые отвѣты касаются главнымъ образомъ пяти предметовъ: 1, совершенія литургіи съ проскомидіею и совершенія вообще богослуженія (2—4, 7, 10, 18); 2, покаянія (1, 11, 13—15 и 17); 3, брака (8, 12 и 19); 4, священства (9 и 20) и, наконецъ, 5, монашества (5, 6 и 16). Въ цѣломъ, такимъ образомъ, передъ нами памятникъ, дающій руководственныя указанія по недоумѣніямъ, связаннымъ по преимуществу съ литургическою сферою¹⁾.

Приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ наиболее интересныхъ отвѣтовъ.

На вопросъ (2):

„Умеръ братъ обыкновеннымъ образомъ, и мы цѣловали его; цѣловавшій его священникъ можетъ ли литургисать въ тотъ же самый день?“

дается отвѣтъ:

„Что цѣлованіе скончавшагося брата по обычаю — возбраняетъ священнику священнодѣйствовать въ тотъ же самый день — мы не нашли того — ни въ божественномъ писаніи, ни въ трудахъ божественныхъ учителей церкви; ибо наблюденіе сего — дѣло казуистическое и несущественное; если же вообще имѣется сомнѣніе относительно этого, — то хотящему (при такомъ случаѣ) священнодѣйствовать удобно не приближаться къ скончавшемуся и тѣмъ самымъ быть далекимъ отъ сомнѣнія.“

Повидимому, настоящій вопросъ обращалъ на себя боль-

1) Стр. 2—9.

шее вниманіе въ древне-греческой церковной практикѣ. Вотъ почему рѣшеніемъ его занимались — еще ранѣе Луки Хризоверга — Никифоръ Исповѣдникъ и позднѣе его — Иоасафъ, митр. Ефесскій. Послѣдній изъ нихъ даетъ рѣшеніе согласно съ мнѣніемъ Луки Хризоверга, при чемъ косвенно ссылается на твореніе Діонисія Ареопагита „о церковной іерархіи“. (См. приведенное выше сочиненіе проф. А. И. Алмазова; „Каноническіе¹⁾ отвѣты Иоасафа, митр. Ефесскаго“, стр. 19—20, отв. 11).

Въ 8 вопросъ предусматривается слѣдующій случай изъ области брачнаго права:

„Двое дѣтей сошлись другъ съ другомъ, совершая мужеложство, — можетъ ли (потомъ) одинъ взять въ общеніе брака сестру другого?“

Отвѣтъ:

„Нѣтъ.“

Этотъ отвѣтъ наиоминаетъ то мѣсто въ синтагмѣ Матѳея Властаря, гдѣ говорится — „Если женихъ прежде брака падется съ какимъ либо родственнымъ лицомъ обручницы своей, возбраняется таковой бракъ.“ (Властарь, Синтагма, отд. I, гл. 15; см. *Ῥάλλη, Σύνταγμα, VI, σελ. 182*)²⁾.

Слѣдующій 9 вопросъ предусматриваетъ такой случай изъ области брачнаго права:

„Дѣвица около семи лѣтъ приняла молитву обрученія съ мужемъ, и было и цѣлованіе; затѣмъ, вслѣдствіе незаконности обрученія, мужъ оставилъ ее, и она, будучи 9 лѣтъ, снова сдѣлала обрученіе съ другимъ мужемъ, который также оставилъ ее, вслѣдствіе той же незаконности; придя же въ законный для брака возрастъ, она избрала мужа; — взявшій ее законно не запрещается ли придти во священство вслѣдствіе предыдущихъ, какъ разъяснено, незаконныхъ обрученій своей жены?“

Отвѣтъ:

1) Стр. 20—21.

2) Стр. 34.

„Запрещается.“

Иначе рѣшается аналогичный вопросъ въ памятникахъ древне-русской канонической письменности: „Аще обручена жена будетъ дьяку, — читается въ Бѣлечскомъ уставѣ, усвояемомъ митр. Георгію (около 1072—1073 г.), а умретъ, не совокунившись съ нею, достоинтъ ему иную поимше стати въ поны“. (См. Голубинскій, Истор. Русск. церкви Т. I, ч. 1, стр. 514, пр. 36)¹⁾.

Послѣдній (20) вопросъ гласитъ:

„Когда мірянинъ, вслѣдствіе прелюбодѣянія его жены, отпуститъ ее, то воспроизводится ли онъ во священство, какъ скоро не извергается священное лицо, отпустившее свою жену-прелюбодѣицу?“

Отвѣтъ:

„По 18 Апостольскому правилу, запрещается поставлять въ степень имѣющаго жену блудницу; тѣмъ болѣе не производится растлившійся съ прелюбодѣицею, хотя бы и въ невѣдѣніи. По сему отцы и не сдѣлали выдѣленія для мірянина, но вообще опредѣлили, что не можетъ мужъ таковой взыти на высоту. Но для священника они приняли различіе; ибо есть различіе еще непосвященнаго и посвященнаго, — то есть, не достигшій чего либо бѣльшаго не только не опечалится, но даже будетъ болѣе благодарить, какъ не вошедшій въ столкновеніе съ правиломъ; утрачивающій же свое достоинство по причинѣ грѣхонаденія другого, будетъ въ особенности страдать, такъ какъ то, что мы утрачиваемъ, испытавъ, причиняетъ печаль²⁾).

Авторомъ послѣдняго изъ поименованныхъ выше памятниковъ, изданнаго по рукописи (XVI в.) бібліотеки Іоанно-Богословскаго монастыря на о. Патмосѣ № 540, былъ, по мнѣнію

1) Стр. 34—35.

2) Стр. 48—49.

проф. А. И. Алмазова, митрополитъ Нилъ, занимавшій митрополичью Родосскую каедрю въ 1357—1369 г. — ревностный борець за православіе противъ латинянъ¹⁾. Какъ видно изъ надписанія памятника, вопрошателемъ митрополита Нила былъ нѣкто іеромонахъ Іона²⁾. Кромѣ того въ настоящемъ объемѣ отвѣты митрополита Нила заключаютъ рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ и не предлагавшихся іеромонахомъ Іоною.

По внутреннему своему характеру и эти отвѣты относятся почти исключительно къ литургической сферѣ. Такимъ образомъ они въ извѣстной мѣрѣ представляютъ въ данномъ отношеніи аналогію съ отвѣтами патріарха Луки. Но при такой общей аналогіи, съ детальной стороны — они существенно отличаются отъ отвѣтовъ патріарха Луки — главнымъ образомъ разносторонностью своего содержанія. Въ частности изъ обнимаемыхъ настоящимъ памятникомъ отвѣтовъ (21) — относятся — 7 къ общественному богослуженію (1, 5, 12, 13, 15, 20 и 21), 3 къ причащенію (10—11 и 19), 3 къ крещенію (6, 8 и 9), 2 къ покаянію (3 и 7), 1 къ елеосвященію (16), 1 къ поминовенію (17), 1 къ постамъ (2) и сверхъ того, 3 къ фактамъ бытовой жизни³⁾.

Нѣкоторые изъ отвѣтовъ митрополита Нила представляютъ весьма большой интересъ.

Сюда относится, напр., вопросъ (4):

„Допускается ли въ великую Четырдесятницу поминваніе въ сороковой день или другое?“

Отвѣтъ:

„Совершенно нельзя; только въ пятницу и субботу поминаемъ по правилу святыхъ и во святыхъ отца нашего патріарха Никифора Исповѣдника и Θεодора Студита; по нуждѣ

1) Стр. 11—17.

2) Ἰωνᾶ ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τινῶν ἀναγκαιῶν καὶ ἀποκρίσεις τοῦ Νεῖλου τοῦ ἀγιωτάτου μητροπολίτου Ῥόδου. — Вопросы относительно нѣкоторыхъ потребностей іеромонаха Іоны и отвѣты Киръ Нила, святѣйшаго митрополита Родосскаго.

3) Стр. 17.

и согласно древнему обычаю — поминаемъ и въ Лазареву субботу; въ святую же и великую недѣлю или въ новую совершенно не дѣлаемъ поминовеній.“

Въ практикѣ древне-русской церкви, митр. Кипріанъ въ XIV в. писалъ такъ по этому вопросу: „Наставшу великому посту, аще случится кому изъ насъ сего житѣя представитися среди недѣли, пѣвше надъ нимъ гробу предати, а правленія никакова, ниже панихиды творити должно есть, развѣ въ пятницу вечеръ, а въ субботу поминаніе: такоже и во всѣмъ пятницамъ великаго поста, кромѣ пятая субботы и шестыя“ (Русск. Историч. Библ., т. VI, столб. 257—258). Въ современныхъ рѣшеніяхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, въ отвѣтъ на вопросъ — можно ли поминать заупокой въ Лазареву субботу, — дается, между прочимъ, такой отвѣтъ: „Заупокойной ектеніи на литургии ничто не возбраняетъ сказать, но утренняя того дня не имѣетъ таковой“ (См. Церк. Вѣстн. 1890 г., № 27, стр. 454, зам. 2) ¹⁾.

Вопросъ 8 касается крещенія по нуждѣ, совершаемаго мірянами.

„Какъ скоро будутъ крестить непосвященные — жены, или мужи, или монахи, — что должно дѣлать?“

Отвѣтъ:

„Если умретъ крещенный прежде прихода священника, божественная благодать досовершить его; если же будетъ жить, да снова оиуститъ его священникъ въ купель — и молитвы, и миро, какъ обычно. Это самое говорить и патріархъ Константинопольскій Никифоръ.“

Судя по этимъ словамъ, авторъ нашего отвѣта, кажется, далекъ отъ признанія за такимъ крещеніемъ всей полноты таинства и — хотя глухо, но словами „снова поставитъ въ купель“, повидимому, нрводитъ идею обязательности совершения крещенія священникомъ, если лицо, уже окрещенное міряниномъ, доживетъ до его прихода. Подобное отрицательное

1) Стр. 54—55.

воззрѣніе не было особенно новымъ. Такъ, при патріархѣ Лукѣ Хризостомѣ, его синодъ категорически высказался: „нѣтъ и правильнаго и твердаго основанія причитатъ къ божественному лику вѣрныхъ — того, кто крещенъ лицомъ, не получившимъ власти крестить.“ (См. Павловъ — Номоканонъ при Трѣбн., М. 1897, стр. 352). Открывающееся отсюда двойственное воззрѣніе въ Греческой церкви на значеніе крещенія, совершеннаго міряниномъ, находитъ свое объясненіе въ одномъ изъ рѣшеній знаменитаго партіарха Фотія, которое въ его существѣ говоритъ: „Если . . . кто-либо изъ мірянъ, презирая порядокъ церковныхъ священнодѣйствій и надмѣваясь гордостью, дерзнетъ совершить (разумѣется — при возможности то сдѣлать священнику) это дѣло (= крещеніе)“, то „ . . . тѣхъ, которые крещены ими, мы никакъ не признаемъ пріявшими благодать Духа, а потому и опредѣляемъ, что они должны быть и крещены водою и помазаны миромъ . . . Но когда святое крещеніе совершаютъ (простые) христіане, живущіе подъ варварскимъ владычествомъ . . ., не имѣющіе довольно священниковъ,“ то . . . „крещеніе, совершенное имъ нуждѣ (міряниномъ), да не будетъ устранено“ . . . и „крещенныхъ такимъ образомъ снова не погружать въ воду, чтобы мы не казались требующими перекрещенія“. (Полный переводъ этого постановленія см. у Павлова, Номоканонъ при Трѣбникѣ, въ комм. на ст. 204-ю, стр. 352—353; подлинникъ у Migne, Curs. Patrolog., СП. 774—776) ¹⁾.

9 вопросъ гласитъ:

„И (что должно дѣлать относительно) крещеннаго латинянами.“

Отвѣтъ:

„Миромъ мажетъ и только молитвы“ (произносить) ²⁾.

12 и 13 вопросо-отвѣты предусматриваютъ нѣкоторые несчастные для священнослужителя случаи со святыми Дарами.

1) Стр. 59—61.

2) Стр. 61.

Вопросъ (12):

„Если по нерадѣнію священника собака или иное пресмыкающееся съѣстъ агнецъ, — что дѣлать?“

Отвѣтъ не совѣмъ ясенъ:

„Должно растереть (?) то пресмыкающееся и потребить; если не сдѣлаетъ сего (священникъ), да будетъ изверженъ; если же пресмыкающееся не найдено, и агнецъ истребленъ по нерадѣнію іерея, да будетъ изверженъ, какъ говоритъ Кавасила (?) епископъ Диррахійскій; если же (агнецъ) былъ съѣденъ не по нерадѣнію, но по зависти діавола, да запретится священникъ на малое время.“

Вопросъ (13):

„Если впадетъ что нибудь пресмыкающееся въ святой потиръ при совершеніи литургіи и оно есть ядовитое, возбуждающее опасеніе — какъ бы не заболѣть или не умереть, — что должно дѣлать?“

Отвѣтъ:

„Уничтожь то пресмыкающееся и закопай иодъ святою трапезою или въ другомъ сокровенномъ мѣстѣ, да не будешь навѣтникомъ своей жизни и не согрѣшишь; если же оно не ядовитое есть, разотри (?) и потреби его; (это) правильнѣе есть, нежели быть запрещеннымъ на время.“

Наше „Учительное извѣстіе“ при Службникѣ въ подробности предусматриваетъ всѣ указанные случаи со святыми Дарами. „Аще, читаемъ здѣсь, — . . . на долзѣ, святыя Дары, или освященны или неосвященны . . . не сущу священнику (по уважительной причинѣ) растлѣются, сіестъ силеснѣвять, и хлѣбъ и вино оцетно будетъ, яко не можно имъ къ потребленію приѣмнымъ быти, священникъ сія возьмь, въ текущую рѣку да всылетъ“, и далѣе: „Аще предъ освященіемъ святыхъ Даровъ муха впадетъ во святую чашу, да измется и въ бумагу обвита да сожжена будетъ. Аще же наукъ, или иное что ядовитое, да изліяно будетъ вино изъ святыхъ чашъ во иной честный сосудъ . . . (и) по совершеніи же службы вино оное да изліется въ текущую рѣку.“ И наконецъ: „Аще же

по освященіи сіе будетъ, и страшно и мерзко будетъ іерею впадшее съ божественною кровью поглотити, тогда сохранны со всякимъ блюденіемъ да изметъ впадшее, еже не укнати нигдѣже ничтоже отъ божественныя крове, надъ тѣмъ же потиромъ, или чистымъ сосудомъ, виномъ трижды добрѣ да измыетъ изъятое, вино же да соблюдетъ: изъятое же да свіетъ въ бумагу, или нѣкое чистое полотенце: и по совершеніи литургіи животное оное съ бумагою или полотенцомъ на плинѣхъ или на чистомъ камени да сожжетъ, пепель же нодъ святою трапезею да вкопаетъ, или идѣже умовеніе рукъ бываетъ, да выплетъ: вино же оное, имже животное изъятое измовено бысть, въ текущую рѣку да изліетъ; аще рѣка далече будетъ, подъ престолъ яму ископавъ, идѣже ногами попираема не бываетъ, да вліетъ и закрыетъ.“ И сверхъ того — „Сплѣснѣлыя или растлѣнныя тайны (разумѣется — запасныя Дары для больныхъ) . . . на жертвенницѣ со остаткы въ потиръ всыпавъ, потреби“¹⁾).

Таковы любопытныя памятники церковнаго права древней Греческой церкви, изданныя профессоромъ А. И. Алмазовымъ представляющіе собою новыя, весьма цѣнныя, вкладъ въ науку каноническаго права и исторіи Византіи.

Проф. М. Красноженъ.

1) Стр. 66—70.

Цѣна 2 рубля.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ Т. I (1898), Т. II (1899) и Т. III (1900) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности Рижскаго учебнаго округа“.

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.
